

Александр АХМАТОВ

ТРИОКАЛА

Александр Ахматов

Триокала. Исторический роман

«Издательские решения»

Ахматов А.

Триокала. Исторический роман / А. Ахматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837733-4

Роман «Триокала» является второй частью исторической дилогии, в основу которой положены события, происходившие в Италии и на о. Сицилия в конце II в. до н. э. Первая часть «Хроника времени Гая Мария, или Беглянка из Рима» посвящена восстанию рабов в 104 г. до н. э., которое было жестоко подавлено. Главным героям романа «Триокала», Мемнону и Ювентине, удалось спастись, но они оказались в самой гуще событий на о. Сицилия, где начались восстания, вылившиеся в четырехлетнюю войну рабов против Рима.

ISBN 978-5-44-837733-4

© Ахматов А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая	14
Глава первая	14
Глава вторая	20
Глава третья	29
Глава четвертая	35
Глава пятая	42
Глава шестая	48
Глава седьмая	51
Глава восьмая	62
Часть вторая	69
Глава первая	69
Глава вторая	74
Глава третья	82
Глава четвертая	89
Глава пятая	100
Часть третья	108
Глава первая	109
Глава вторая	113
Глава третья	121
Глава четвертая	128
Глава пятая	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Триокала
Исторический роман
Александр Ахматов

© Александр Ахматов, 2017

© В. А. Жуков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7733-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Роман «Триокала» является второй частью исторической дилогии, в основу которой положены события, происходившие в Италии и на острове Сицилия в конце II в. до н. э. Первая часть под названием «Хроника времени Гая Мария, или Беглянка из Рима» (опубликована в 2005 г.) посвящена одному из эпизодов римской истории – восстанию рабов под предводительством Тита Минуция близ города Капуи в 104 г. до н. э. Минуцию удалось вооружить несколько тысяч человек и разгромить войско римского претора Луция Лукулла. Только с помощью предательства римлянам удалось подавить восстание. Сам Минуций, захваченный в плен римлянами, покончил с собой. Тысячи восставших рабов были истреблены в неравной борьбе. Спасти удалось очень немногим, и в их числе главным героям нашего повествования – Мемнону и Ювентине, с которыми читателям предстоит снова встретиться в новом романе. Им так и не удалось осуществить свою мечту о будущей совместной жизни вдали от жестокого и развращенного римского мира. Мемнон хотел поселиться со своей подругой в одном из городов Крита, еще не завоеванного римлянами. Но жизненные обстоятельства сложились так, что они оказались втянутыми в самую гущу событий на острове Сицилия, где начались массовые рабские восстания, вылившиеся в ожесточенную четырехлетнюю войну рабов против могущественного Рима.

Основным свидетельством этих событий являются сохранившиеся отрывки из сочинения древнегреческого историка Диодора Сицилийского под названием «Историческая библиотека»¹.

Диодор родился в сицилийском городе Агирии спустя примерно двадцать лет после того, как римский полководец Маний Аквиллий подавил второе восстание рабов в Сицилии. (Это восстание началось в 104 г. до н. э. и продолжалось в течение четырех лет; до него, во время первой войны сицилийских рабов в 138—132 гг. до н. э., восставшие захватили почти весь остров и только большим напряжением сил римлянам удалось одержать над ними победу).

Как историк Диодор был типичным компилятором, но именно это обстоятельство иногда делает его труд особенно ценным для исследователей. Он широко использовал не дошедшие до нас сочинения Тимея, Посидония и многих других авторов. Отдельные места его рассказов о двух войнах сицилийских рабов находят подтверждения в сообщениях римских писателей, являвшихся современниками тех событий. Так, например, не вызывает никаких сомнений сообщение Диодора о поединке («героическом единоборстве») вождя восставших киликийца Афиниона с консулом Манием Аквилием. Упоминание об этом эпизоде Цицероном, младшим современником второй войны рабов в Сицилии, служит верным тому доказательством.

Некоторые исследователи ошибочно считали Триокалу, ставшую центром второго восстания сицилийских рабов, не городом, а горным лагерем, которому сами восставшие дали такое название. Однако есть упоминание о существовании города Триокалы в IV в. до н. э., а Цицерон, хорошо знакомый с сицилийскими делами, так как в свое время он занимал должность квестора Сицилии, свидетельствует о раскрытом заговоре рабов в Триокале в самый разгар войны римлян со Спартаксом. Наконец, сам Диодор, коренной житель Сицилии, тоже пишет о Триокале как о старинном городе и даже поясняет, почему его так назвали.

Несмотря на крайнюю скудость источников, весь имеющийся исторический материал позволяет отобразить общую картину событий, составляющих основу этого романа.

В истории много тайн, которые навсегда останутся тайнами. Мы никогда уже не узнаем о древнеримской эпохе больше того, что дошло до нас в литературных памятниках антично-

¹ Диодор Сицилийский (ок. 80—29 гг. до н. э.) – автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах. Сохранились книги XI – XX, в которых излагается история римской республики, и отрывки из некоторых других книг.

сти. Но если современный ученый-историк скрупулезно собирает сохранившиеся осколки этой исчезнувшей цивилизации, сопоставляя различные, порой противоречивые сообщения древних анналистов, и на их основе осторожно выкладывает свою историческую мозаику, из которой проглядывают лишь смутные образы прошлого, то писателю, взявшемуся за написание исторического романа, необходимо создавать живую и цельную панораму событий, руководствуясь известным принципом: «Там, где кончается документ, я начинаю». В связи с этим мне хотелось бы объяснить с читателями относительно тех мест в предлагаемом повествовании, которые нельзя назвать бесспорными.

Большинство исследователей отрицает, что восставшие рабы когда-либо составляли программы предварительных действий. Однако это не совсем так. Например, перед второй войной рабов в Сицилии, как повествует Диодор, произошла массовая сходка рабов на священном участке богов Паликов². На этом собрании присутствовали рабы из различных областей острова. Диодор пишет, что они «начали сговариваться друг с другом о восстании». Место для собрания было ими выбрано не случайно: в святилище Паликов именем этих богов давались священные и нерушимые клятвы.

Нет никакого сомнения в том, что рабы-заговорщики связали там друг друга такими клятвами, согласовав между собой свои будущие действия. После этого совещания восстания в Сицилии стали следовать одно за другим, и эта тактика заговорщиков совершенно сбила с толку римского наместника, который, едва успев справиться с одной группой восставших рабов, вынужден был вновь собирать силы для подавления нового мятежа. Первая же неудача претора в столкновении с повстанцами привела к тому, что, по словам Диодора, «уже все рабы стали носиться с мыслью о восстании».

В том же году, незадолго до восстания в Сицилии, произошло вооруженное выступление рабов под предводительством Тита Минуция в Италии. «Это восстание было, перед сицилийским, самым большим восстанием рабов, являясь как бы прологом к нему», – пишет Диодор. Оно также имело подготовительный этап (заговор, предварительная закупка оружия, агитация среди рабов в пользу восстания).

Обдуманнные планы были и у Спартака, возглавившего тридцать лет спустя наиболее мощное восстание рабов, которое до основания потрясло Рим. Поначалу Спартак и его сподвижники, беглые гладиаторы, рабы и свободные поденщики, сражались с римлянами, движимые отчаянием. Потом у них родился вполне осуществимый замысел похода в Заальпийскую Галлию. Возможно, они хотели найти там место для поселения где-нибудь в пределах так называемой «Косматой Галлии», еще не завоеванной Римом. Сообщение Плутарха о том, будто бы Спартак намеревался, перейдя через Альпы, распустить армию и «дать каждому вернуться домой – иным во Фракию, другим в Галлию», вряд ли соответствует действительности. В армии Спартака очень мало было рабов из галлов, германцев и фракийцев, попавших в рабство уже взрослыми людьми и помнивших о своей родине. В большинстве своем, как полагают исследователи, это были потомки кимвров, тевтонов, галлов и фракийцев, плененных римлянами в конце II в. до н. э., когда они совершали свои завоевательные походы в Галлию и во Фракию.

Но время Спартака не было отмечено победами римского оружия в этих странах. Поэтому логично предположить, что спартаковцы, в массе своей выходя из Италии, рассчитывали обосноваться в какой-нибудь области Галлии, подобно тому как это делали время от времени различные племена, менявшие районы своего обитания задолго до Великого переселения народов³.

² Палики – божества земли, почитаемые в Сицилии. По представлениям древних сицилийцев, это были братья-близнецы, отцом которых был Зевс, а матерью нимфа Талея, дочь Гефеста. Святилище Паликов служило оракулом. Именем этих богов давались также нерушимые клятвы.

³ Великое переселение народов – передвижение германских, славянских, сарматских и других племен в IV – V вв. н. э., способствовавшее крушению рабовладельческой Римской империи и явившееся одним из факторов, расчистивших путь раз-

Помимо грозных передвижений племен кимвров и тевтонов, можно вспомнить, например, о многочисленном племени белгов, пришедшем в Галлию из-за Рейна, то-есть из Германии (свидетельство Гая Юлия Цезаря), или о сравнительно небольшом племени адатуков, которых кимвры и тевтоны, выступив в поход против римлян, оставили среди враждебных галльских племен охранять общее имущество и военную добычу. Адатуки осели между реками Шельдой и Маасом. Их главный город, как полагают исследователи, находился неподалеку от современного Льежа. «После уничтожения кимвров и тевтонов, – пишет Цезарь в „Записках о Галльской войне“, – люди этого гарнизона много лет страдали от соседей в наступательных и оборонительных войнах с ними; наконец, между ними всеми состоялось соглашение и мир, и они выбрали себе именно эту местность для поселения». Кстати, есть сведения, что остатки кимвров и тевтонов, после их разгрома римлянами, жили еще на реках Майне и Неккаре. Адатуки же сражались на стороне белгов против Цезаря, но были разбиты и в большом числе проданы в рабство.

Вне всякого сомнения, закаленная в сражениях с римлянами огромная армия Спартака смогла бы преодолеть сопротивление местных племен и в конце концов договориться с ними относительно той местности, которую восставшие выбрали бы себе для поселения. Однако после своих блистательных побед над римскими войсками Спартак и его соратники отказались от первоначального плана. Зачем идти на север, в суровую глушь галльских лесов, когда на юге есть благодатный остров Сицилия, где их к тому же будут встречать как избавителей тысячи и тысячи невольников?

Спартак, будучи человеком здравомыслящим, никогда не ставил перед собой цель сокрушить Рим. Он прекрасно понимал, что его разношерстной, плохо вооруженной и недостаточно дисциплинированной армии это не под силу (разногласия и своеволие отдельных командиров погубили десятки тысяч восставших). Аппиан, автор «Римской истории», подчеркивает, что Спартак «считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в достаточной боевой готовности: ни один италийский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд». Но для того, чтобы ввести римлян в заблуждение, Спартак объявил, что идет на Рим. На самом деле его армия, повернув на юг от реки Пад (По) в Северной Италии, даже не пыталась приблизиться к Вечному городу, хотя ей удалось еще раз разбить войска обоих консулов в Пицене и нанести серьезное поражение Крассу, которого сенат назначил главнокомандующим в войне с мятежными рабами. «Быстро и целеустремленно двигались спартаковцы на юг, – пишет П. О. Карышковский, автор «Восстания Спартака», считавший, что сицилийский поход был задуман еще до того, как восставшие появились в Бруттии (южной оконечности Италии), чтобы переправиться на Сицилию через Сикульский (Мессинский) пролив. Надо сказать, что в отличие от первоначального замысла Спартака его намерение обосноваться в Сицилии заранее было обречено на неудачу. Если бы Спартак увел свою армию вглубь Галлии, римляне, возможно, надолго оставили бы восставших в покое. Но борьбу за обладание Сицилией они вели бы до полного их истребления.

В романе встречаются слова «коммуна», «коммунистический» и даже «коммунист», что может навести на мысль, будто автор чрезмерно модернизирует возникшие на короткое время производственные отношения в контролируемых восставшими областях Сицилии. Это не должно смущать читателя, потому что такие слова, как «commune» («общественное имущество»), «communico» («делаю общим», «делюсь»), «communis» («общий», «общее достоинство») были весьма употребительны не только у римлян и латинян, но и у жителей сицилийской провинции, процесс романизации которых шел более или менее быстрыми темпами.

В Сицилии тогда был господствующим греческий язык, но можно с уверенностью сказать, что вторым языком там была латынь. В высших кругах провинциального общества ею

пользовались наравне с греческим языком, тем более что сицилийская знать в описываемое время состояла в значительной мере из римских землевладельцев и откупщиков. Кстати, Цицерон слово «*commune*» часто употребляет в значении «община», «гражданское общество» и даже «граждане» (это слово он применяет по отношению к свободным жителям сицилийских городов, видимо, не желая называть их привычным «*civitas*» («граждане»), обозначавшим, как правило, римских граждан). Да и самих сицилийских рабов, хотя они в подавляющем большинстве своем были привозными, тоже коснулось римское влияние.

Вожди восстания Сальвий Трифон, а затем Афинион, провозгласившие себя царями, пользовались не эллинистическими, а римскими знаками власти: они появлялись перед народом в пурпурных тогах и впереди них шли ликторы, несшие на плечах фасции, пучки розог с воткнутыми в них топорами.

Если верить сообщениям Диодора (а почему бы и нет?), киликиец Афинион, один из главных вождей второго восстания рабов в Сицилии, человек большого мужества и незаурядного ума, стал первым и единственным в древней истории революционером, попытавшимся осуществить на практике идею коллективного труда и коллективной собственности. Ни до него, ни после ничего подобного не было. Во всяком случае, письменные источники не дают нам другого такого примера.

Во время первого восстания сицилийских рабов (138—132 гг. до н. э.) хозяйственная жизнь на острове не замерла совершенно благодаря рациональному отношению восставших к мелким производителям – владельцам небольших имений. Диодор пишет, что «восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали мелких вилл, не уничтожали в них ни имущества, ни запасов плодов и не трогали тех, кто продолжал заниматься земледелием». Таким образом, рабы вовсе не были какими-то безумными дикарями, способными только жечь, разрушать и грабить, иначе они не смогли бы в течение шести лет оказывать упорное сопротивление римским войскам, контролируя при этом значительную часть острова. Армия восставших, численность которой достигала более ста тысяч человек, вряд ли могла действовать столь длительное время в обстановке тотальной разрухи в стране, без необходимого снабжения.

Вторая сицилийская война рабов (104—100 гг. до н. э.), о которой пойдет речь в этом романе, происходила в условиях, когда большинство мелких крестьянских хозяйств было уже поглощено латифундиями богачей, в основном римских всадников. Снабжение многочисленной армии восставших теперь зависело от крупных хозяйств, в которых работали многие тысячи рабов, и первым обратил на это внимание Афинион. «Он не принимал в свою армию всех без различия восставших, – пишет Диодор, – но брал в войско лучших из них, а остальным приказывал оставаться на своей прежней работе и заботиться о своем хозяйстве, поддерживая в нем порядок. Таким путем доставлялось обильное продовольствие для воинов». Афинион убеждал продолжавших работать в захваченных господских поместьях невольников, которые должны были стать, по его замыслу, свободными сельскими жителями, объединенными в коммуны, что «необходимо беречь страну и находившихся в ней животных и припасы, как свои собственные».

Вполне вероятно, что у Афиниона был достаточно осмысленный план будущего социального и экономического устройства Сицилии в духе «военного коммунизма». Похожее мнение высказывают некоторые новейшие исследователи. «Возможно, что Афинион, бывший в рабстве управляющим поместьем с 200 сельскохозяйственными рабочими, хотел... заложить основу государства, в котором земля была бы общей собственностью», – пишет немецкий писатель и публицист Гельмут Хефлинг в своей книге «Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима». Можно предположить, что Афинион рассуждал следующим образом: пусть простые сельские труженики спокойно ведут свои коллективные хозяйства, снабжая армию восставших продовольствием; что же касается населения городов, то паразитическая его часть должна

исчезнуть – останется лишь ремесленный люд, производитель оружия, орудий труда и предметов широкого потребления.

Насколько Афиниону удалась его социально-экономическая программа в ходе ее реализации, источники не сообщают. Создаваемые им сельские общины должны были подвергаться постоянным нападениям продовольственных отрядов городов, отрезанных от путей снабжения, а также многочисленных разбойничьих шаяк, которые рыскали по всей Сицилии в поисках добычи. Основная масса восставших, сосредоточенная в районе города-крепости Триокала и представлявшая единую военную организацию, в той или иной мере подчинялась требованиям Афиниона «беречь страну», не разоряя ее грабежами и погромами. Однако свободные бедняки, городская чернь, вели себя иначе. Используя смутное время, они объединялись в грабительские шайки и своими зверствами наводили ужас на мирных жителей. По словам Диодора, «бедняки из числа свободных предавались всевозможным бесчинствам и грабежам, бесстыдно убивая попадавшихся им рабов и свободных, чтобы не было свидетелей их безумия». Богатые виллы, превращенные восставшими в «коммуны» и снабжавшие их продовольствием, в первую очередь становились объектами разбойных нападений: грабителям там было чем поживиться. Нетрудно предположить, как страдали при этом совершенно незащитные деревни мелких землевладельцев. Бандиты действовали под видом восставших рабов, и это наносило последним огромный моральный вред, потому что обыватели не делали между теми и другими никаких различий. Для большинства из них все восставшие и их предводители были обыкновенными разбойниками.

«В условиях второго сицилийского восстания, – пишет Г. Хефлинг, – было возможно даже создание своего рода коммунистического фронта всех нищих и угнетенных, т. е. рабов и пролетариев, но этого не произошло».

К этому нужно добавить, что армия восставших была добровольческая и состояла она в основном из сельских рабов, вырвавшихся на свободу не из символических, а реальных цепей и тюрем. Это были униженные и озлобленные бесчеловечной эксплуатацией истинные мученики рабства. Очень редко к ним присоединялись городские рабы, прислужники в домах своих господ, имевшие более или менее сносное существование и с высокомерием смотревшие на своих сельских собратьев по рабству, хотя сами они в любой момент могли быть брошены под плети надсмотрщиков в беспощадную «битву за хлеб» по произволу своих господ. Пламенные призывы беглых рабов к борьбе за свободу не находили отклика в этих презренных душах. Они предпочитали опасностям войны с могущественным Римом нужду и лишения под защитой стен осажденных городов и даже защищали их с оружием в руках. Например, во время осады восставшими Моргантины городские рабы, поверив обещанию своих господ дать им свободу, если они помогут отстоять город, предпочли получить освобождение не от мятежных рабов, а от своих господ и, как подчеркивает источник, «ревностно бились на их стороне». Правда, после того как восставшие сняли осаду Моргантины, господа жестоко посмеялись над своими рабами: они уговорили римского претора, чтобы он отменил данное рабам обещание как вынужденное, а потому незаконное.

Таким образом, восставшие, превратившись в грозную вооруженную силу, которая в течение нескольких лет перемалывала войска римских наместников, были, в сущности, почти одиноки в своей борьбе: у местного населения, за исключением работников сельских «коммун», созданных Афинионом, она в лучшем случае вызывала сочувствие, но не более того.

Численность повстанческой армии никогда не превышала 40—50 тысяч человек, и она была недостаточно хорошо вооружена и обучена. На длительное противостояние Риму беглым рабам нечего было рассчитывать. В этом восстании было больше отчаяния, чем надежды, и все же участники его в большинстве своем не считали себя обреченными.

Своеобразие положения заключалось в том, что самому Риму угрожала по-настоящему смертельная опасность со стороны кимвров и тевтонов, мощного союза этих двух германских племен, а также присоединившихся к ним некоторых галльских племен.

Если бы кимвры вторглись в Италию сразу же после своей победы над римлянами при Араузионе осенью 105 г. до н. э., катастрофа была бы неминуемой: вся страна подверглась бы жестокому опустошению. С этим согласны все историки, как древние, так и современные. Но прав был немецкий историк Оскар Йегер, автор «Всеобщей истории», отмечавший, что кимвры ничего не смыслили в войне. По какой-то непонятной причине они дали Риму весьма длительную передышку, оставив его в покое на целых два с половиной года. Это позволило римлянам создать прекрасно вооруженную профессиональную армию и привлечь для войны с германцами крупные силы союзников.

Простые граждане Рима, сознавая нависшую над страной опасность, вопреки закону и жесткому противодействию надменной и своекорыстной знати из года в год избирали консулом опытного полководца Гая Мария (он был человеком незнатного происхождения), чтобы сохранить за ним главное командование римской армией до полной победы над врагом. Римская знать была крайне недовольна популярностью «выскочки» Мария, но ей приходилось мириться с этим ввиду реальной угрозы вторжения германских полчищ в Италию.

Несомненно, восставшие рабы в Сицилии все свои надежды должны были связывать с поражением римлян в их войне с кимврами и тевтонами. Не будет слишком смелым предположение, что сами они вполне сознательно действовали как бы в союзе с северными варварами, отвлекая на себя значительные силы римлян. В течение трех лет сицилийские повстанцы одержали ряд побед над войсками римских наместников: сначала потерпел поражение претор 104 г. до н. э. Публий Лициний Нерва, затем неудача постигла претора 103 г. до н. э. Луция Лициния Лукулла и в 102 г. до н. э. наступил черед претора Гая Сервилия, о котором Диодор писал, что он «не совершил ничего достойного упоминания». Афинион же «без всякого противодействия со стороны Сервилия, с одной стороны, осаждал города, а с другой – смело опустошал всю страну и овладел многим». Вожди кимвров и тевтонов не могли не знать о том, что происходило в Сицилии. Возможно даже, что Афинион вступил с ними в прямые переговоры, побудив германцев к походу на Рим, и, со своей стороны, пообещал им напасть на римлян непосредственно в Италии, переправив туда свое войско из Сицилии через Мессинский пролив.

Так или иначе, но именно в это время тевтоны и кимвры перешли в решительное наступление против римлян, разделившись в своем движении на две части: тевтоны двинулись через земли центральной Галлии, намереваясь пройти в Италию вдоль побережья Средиземного моря по южным отрогам Морских Альп, а кимвры пошли северным путем, чтобы вторгнуться в Транспаданскую Галлию, перейдя через Тридентинские (Восточные) Альпы.

Можно допустить, что в это же самое время Афинион сделал попытку перенести военные действия в Южную Италию с целью вызвать там массовые восстания рабов, чтобы угрожать Риму с юга. Источники ничего не сообщают о его намерении переправиться через Сикульский (Мессинский) пролив. Но в связи с этим возникает вопрос: почему в 102 г. до н. э. римский сенат наделил претора Марка Антония чрезвычайными полномочиями для войны с пиратами, что потребовало немалых средств, дополнительного набора солдат и снаряжения большого флота? Была ли у римлян столь настоятельной необходимость борьбы с пиратством в такой напряженный момент, когда тевтоны большими силами штурмовали укрепленный лагерь Мария в устье Родана, а кимвры перешли через Тридентинские Альпы и, отбросив войско консула Катугла, по сути, уже начали вторжение в Италию? В минувшем году условия для похода римлян против пиратов были куда более благоприятными: ведь кимвры и тевтоны в то время находились далеко от границ Италии, и непосредственной угрозы для нее с их стороны не было.

Детальные подробности войны Антония с пиратами неизвестны. От Тита Ливия осталось сообщение о том, что Антоний успешно преследовал их до самой Киликии. Правда, сохранились и менее лестные оценки результатов его экспедиции. В одном из источников говорится, что борьба Антония с морским разбоем успеха не имела и что даже дочь его была похищена пиратами, которые потом вернули ее за большой выкуп.

Кто знает, может быть, римляне получили сведения, что кимвры и тевтоны выступили в поход, заранее договорившись с Афинионом о совместных действиях? Возможно, сенат, наделивший Антония особыми полномочиями по борьбе с морским разбоем, обеспокоен был не столько угрожающими размерами пиратства, сколько опасениями, что пираты могут оказать помощь восставшим сицилийским рабам в переправе через Сикульский пролив, и это вынудило Рим хотя бы на время оттеснить пиратов от сицилийских берегов, а сам пролив держать под постоянным контролем.

Известно, что спустя тридцать лет Спартак договаривался с пиратами, чтобы они на своих кораблях переправили его войска в Сицилию. Пираты были вполне заинтересованы в том, чтобы Рим как можно дольше оставался в напряжении из-за грозного движения рабов. Они понимали, что, только покончив с восставшими, римляне смогут направить всю свою мощь на искоренение пиратства, поэтому охотно согласились помочь Спартаку. Но пираты не учли того обстоятельства, что сами они были тесно связаны с наместником Сицилии Гаем Корнелием Верресом «взаимовыгодным сотрудничеством», о чем недвусмысленно свидетельствует Цицерон. Когда Веррес потребовал, чтобы киликийцы ушли из пролива, те предпочли не ссориться со столь полезным для себя «партнером» и выполнили его требование. Переправа спартаковцев на плотках не удалась из-за бурной погоды и сильного течения. К тому же на противоположном берегу находился Веррес со своими вооруженными отрядами, готовыми помешать высадке восставших на сицилийский берег. Так что узкая полоса Мессинского пролива оказалась для Спартака и его воинов непреодолимым препятствием.

Несомненно, у Афиниона должны были быть примерно такие же проблемы при переправе из Сицилии в Италию, и он, не имея кораблей, также мог обратиться за помощью к пиратам. Однако в Риме предположили такую возможность. Сенат поручил Антонию борьбу с пиратами, и тому удалось на некоторое время обезопасить от них берега Италии и Сицилии.

Кому-то из читателей, возможно, покажутся слишком преувеличенными описанные в романе беззастенчивые взяточничество и казнокрадство римских преторов. Например, Лициний Нерва ради наживы вступает в прямой сговор с пиратами, которые при его содействии перехватывают, грабят и топят в море римские грузовые суда. Однако тот факт, что Нерва не побоялся за взятку нарушить даже постановление сената об освобождении рабов, выходцев из государств, союзных с Римом, позволил мне сделать его прообразом претора Сицилии Гая Корнелия Верреса, самого одиозного из всех провинциальных римских наместников. Веррес по возвращении из Сицилии в Рим был привлечен к суду за вымогательство. Его обвинитель Цицерон, помимо многих фактов совершенных им воровства и взяточничества, собрал доказательства того, что Веррес при содействии пиратов проворачивал мошеннические операции с сицилийским зерном и присвоил себе огромную сумму казенных денег. За казнокрадство был осужден и с позором изгнан из Италии Луций Лициний Лукулл, один из преторов Сицилии, воевавших с восставшими рабами.

В заключение следует сказать, что римские и греческие историки всегда рассматривали восставших рабов как преступников, возмущившихся против своих законных владельцев. Лишь изредка у них проскальзывает робкое признание права рабов оказывать сопротивление угнетению.

Плутарх явно симпатизирует Спартаку и его товарищам, совершающим дерзкий побег из гладиаторской школы. По его словам, гладиаторы, поднявшие восстание, попали в школу

«не за какие-нибудь преступления, но исключительно вследствие несправедливости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов».

Диодор, описывая жестокую резню, учиненную рабами в городе Энне во время первого сицилийского восстания, отмечает, что «все содеянное рабами по отношению к господам не было результатом жестокости их натуры, но явилось воздаянием за совершенные над ними раньше обиды». Вообще надо отметить, что только у Диодора мы находим сюжеты, которые помогают понять некоторые стороны социального вопроса в древности. В них, например, отразилась стоическая идея равенства всех людей. Диодор высказывает мысль о том, что строгое социальное равенство возможно только при условии имущественного равенства. Он, кажется, был единственный из греческих и римских писателей, оставивший сочувственные строки о невольниках, подвергавшихся бесчеловечной эксплуатации, например, в рудниках, где добывалось золото. Они, пишет Диодор, «все закованы и принуждаются к работам день и ночь, без отдыха, и охраняются с такой тщательностью, что у них отнята надежда на побег... Так как они не могут вовсе следить за своим телом, а также не имеют одежды, чтобы прикрыть наготу, нет никого, кто бы, видя этих несчастных, не был тронут, ибо им не дают пощады и не делают снисхождения ни дряхлым, ни калекам, ни женщинам... Все безразлично принуждены ударами кнута работать до тех пор, пока, полностью истощенные усталостью, они не умирают от нужды». Описывая тяжелый труд рабов в Египте и Испании, а также рабские восстания в Сицилии, Диодор в конечном итоге склоняется на сторону восставших. По мнению некоторых исследователей, он хотел показать, что сицилийские рабы задумывались о построении нового общества на принципах всеобщего равенства. Они считают, что Диодор, хотя он и был компилятором, внимательно изучил и проработал те места в не дошедших до нас сочинениях других историков, которые касались гракхианского движения и сицилийских восстаний рабов, выразив свое собственное отношение к этим событиям.

Современные историки, романисты и создатели кинофильмов все больше осознают, что жесточайшая эксплуатация рабов в древнеримском мире, выражаясь словами Г. Хефлинга, «лежит позорным пятном на всей истории человечества», а восстания доведенных до отчаяния невольников являются справедливой освободительной борьбой.

Часть первая

В СИРАКУЗАХ

Глава первая *Предыстория*

Сицилия, первая из римских провинций по времени их образования, досталась Риму после двух продолжительных и ожесточенных войн с Карфагеном.

Римляне считали ее важнейшим своим приобретением не только потому, что этот большой остров почти соприкасался с Италией, отделенный от нее лишь узким Сикульским проливом, но еще и потому, что из Сицилии в Рим регулярно поступало огромное количество дарового зерна, получаемого республикой в виде «десятины» – налога, установленного римлянами для всех сицилийских землевладельцев. Провинция была поистине житницей Рима⁴, из которой могли прокормиться все римские граждане, числившиеся в цензовых списках.

Странная и несправедливая судьба выпала этому острову, расположенному между Европой и Африкой, в самой середине Средиземного моря, притом сказочно плодородному, изобилующему превосходными гаванями, которые должны были испокон веков побуждать его жителей к занятию мореплаванием. Благодаря всему этому Сицилия, казалось бы, предназначена была стать владычицей всех окружающих ее стран. Но именно из-за этого своего выгодного положения Сицилия никогда не могла добиться независимого существования: слишком уж она была открыта со всех сторон для колонизации, а ее исконное население, жившее на острове со времен, ускользающих от исторического исследования, совершенно равнодушно относилось к морскому делу, предпочитая ему более спокойную жизнь земледельцев и скотоводов.

В эпоху Агамемнона и Одиссея греческие корабли, если верить Гомеру, иногда случайно заносились к пустынным сицилийским берегам, но греки, называвшие себя тогда ионянами и ахейцами, еще не решались обживать эту землю, о которой рассказывали всякие ужасы.

То, что самому Гомеру уже известен был этот остров, сомнений не вызывает. Он хорошо был наслышан о том, что моряки называют его Тринакрией за его треугольную форму и, возможно, догадывался, что под боевой раскраской и масками тамошних дикарей скрываются самые обыкновенные люди. Но Гомер был поэтом, и для него это была страна, населенная чудовищными циклопами и лестригонами. Кроме того, воображение рисовало ему, что там была особенно живописная местность и только там, на солнечных пастбищах, могли пастись быки лучезарного Гелиоса, куда и сам этот великий бог, совершив утомительное путешествие по небесному своду на своей чудесной колеснице, укрывался для отдыха. Поэтому Гомер называл Тринакрию еще островом Гелиоса, к которому в один прекрасный день пристал корабль Одиссея, возвращавшегося на родину после окончания Троянской войны. Там его голодные и неразумные спутники похитили и съели нескольких быков из священного гелиосова стада. За это их очень скоро постигла божественная кара. Уцелел один Одиссей, любимый богами-олимпийцами, которые помогли ему добраться до родной Итаки.

Вполне вероятно, что страшные рассказы аойдов и рапсофов (которые впоследствии использовал Гомер в своих поэмах) о сицилийских лестригонах и циклопах, о Сцилле

⁴ Житницей Рима Сицилия оставалась до времени Империи, когда ее в этом качестве заменил покоренный римлянами Египет.

и Харибде в немалой степени напугали весь эгейский мир, и по этой причине греческая колонизация Сицилии несколько запоздала, в то время как финикийцы, а затем их естественные преемники, карфагеняне, уже строили на ее западном берегу свои укрепления и города. Правда, финикийцы и карфагеняне, в подавляющем большинстве своем торговцы и моряки, а не земледельцы, очень медленно осваивали сицилийскую землю. Колонии их в древнейший период не были особенно прочными и устойчивыми. Это были скорее своего рода торжки с немногими постройками, предназначенными для хранения товаров, и наскоро сооруженными храмами Астарты и Ваала. Только по мере того, как Карфаген постепенно превращался в сильнейшую морскую державу, Сицилия стала приобретать для него все большее значение. Главным опорным пунктом карфагенян на западном побережье острова стал город Лилибей⁵. Из других городов, основанных финикийцами или карфагенянами, самыми известными были Гераклея и Солунт.

Но пришло время, и к сицилийским берегам устремились отважные греческие мореходы.

Новые переселенцы довольно быстро колонизировали прибрежные области на востоке острова. Первыми здесь высадились халкидоняне, основавшие возле мыса Скито город Наксос⁶, который вскоре достиг такого благосостояния, что и сам, в свою очередь, выслал колонистов в Леонтины и Катану. Почти одновременно с халкидонянами выходцы из Коринфа основали Сиракузы. Этот город впоследствии стал матерью таких поселений, как Акры, Касмены и Камарина. Через сорок шесть лет после основания Наксоса и Сиракуз дорийцы⁷ с острова Крит основали Гелу⁸, которая спустя сто восемь лет вывела колонистов в Агригент⁹, ставший потом одним из богатейших и красивейших городов Сицилии.

Из других греческих колоний на сицилийском побережье следует назвать основанную спартанцами Мессану¹⁰, расположенную на берегу Сикульского пролива, и Селинунт¹¹, построенный бесстрашными дорийскими переселенцами на юго-западе острова в опасной близости от карфагенских владений.

Постепенно греки стали проникать во внутренние области острова, подчиняя себе его коренное население – сикулов¹², которые, однако, оказывали завоевателям упорное сопротивление. Не исключено, что сикульские вожди заручились поддержкой карфагенян, которые с ревнивым неудовольствием наблюдали за успехами своих соперников, выказывавших явное стремление овладеть всей Сицилией.

Терпению карфагенян пришел конец, когда спартанец Эврилеон со своими наемниками захватил Гераклею. Этот древнейший город основали финикийцы, братья карфагенян

⁵ *Лилибей* – город, основанный карфагенянами в 397 г. до н. э. на самой западной оконечности Сицилии – мысе Лилибеон, что по-финикийски означает «обращенный к Ливии» (ныне мыс Боэо).

⁶ *Наксос* – греческая колония, основанная около 735 г. до н. э. Город процветал до 403 г. до н. э., когда он был разрушен Дионисием Старшим и больше не восстанавливался.

⁷ *Дорийцы* – одно из основных древнегреческих племен. Согласно общепринятым представлениям, они переселились в Грецию в ходе т. н. «дорийского вторжения» (XII – X вв. до н. э.) и расселились в Дориде (Средняя Греция), Арголиде, Мессении и Лаконии (Пелопоннес), а также на Крите, Родосе, Косе, на юге Малой Азии, в Южной Италии и на Сицилии. Дорийцы отличались строгой военной дисциплиной, устойчивыми родовыми традициями и простотой образа жизни, чем очень гордились. Среди дорийцев эти черты были наиболее характерны для завоевателей Спарты и Крита.

⁸ *Гела* – город был основан в 689 г. до н. э. В описываемую эпоху представлял одни развалины.

⁹ *Агригент* (Акрагант) – город, основанный дорийцами из Гелы в 581 г. до н. э.

¹⁰ *Мессана* (ныне Мессина) – первоначально город назывался Занкле, то есть «серп». Он был основан городом Наксос и эвбейскими колонистами в 735 г. до н. э. В 493 г. до н. э. город завоевал спартанец Анаксилас Регийский, родом мессенец, давший ему название Мессена. В дальнейшем он стал именоваться Мессаной. В настоящее время серповидная коса у города Мессины образует одну из лучших, надежнейших гаваней мира.

¹¹ *Селинунт* – город основан дорийцами из Мегар Гиблейских около 628 г. до н. э.

¹² *Сикулы* – одно из древнейших племен Средней и Южной Италии, а с XIII в. до н. э. – острова Сицилия. Сикулы являлись носителями апеннинской культуры. Язык сикулов был близок к латинскому. В V в. до н. э. экспансия греков во внутренние области острова привела к восстанию сикулов, во главе которых стоял их вождь Дукетий. Восстание продолжалось в течение двух десятилетий (460—440 гг. до н. э.). К IV в. до н. э. сикулы были покорены греками и в дальнейшем эллинизировались.

по крови. Оставить подобную дерзость греков без внимания Карфаген не мог и стал готовиться к войне.

С этой поры нескончаемая борьба между карфагенянами и греками красной нитью проходит через всю историю Сицилии. К этому необходимо прибавить постоянные раздоры между греческими городами, редко ладившими между собой, а также не менее частые усобицы внутри самих городов, сопровождавшиеся переворотами: там правили то олигархи, то демократы, то тираны.

Есть сведения, что во время своего похода на Грецию Ксеркс¹³ предложил Карфагену завоевать всю Сицилию и тем самым уничтожить греческое могущество на Западе.

У карфагенян к этому времени все уже было готово к походу – не хватало лишь удобного повода. Но вскоре он был найден. Согласно Геродоту тиран Гимеры Терилл был уроженцем Агригента, изгнанный оттуда в свое время тираном Фероном. Терилл, как только он утвердил свою власть в Гимере, обратился за помощью к Карфагену, который отправил в Сицилию огромное войско. Выступившее против карфагенян объединенное войско сицилийских греков возглавили тиран Агригента Ферон и Гелон, тиран сиракузский. Противники сошлись близ Гимеры, предположительно, на равнине, простиравшейся напротив моря, где до наших дней сохранились развалины храма Победы, построенного в честь блестящей победы сицилийцев над карфагенянами. По преданию, это сражение произошло в один день с морской битвой балканских греков с персами при Саламине¹⁴. Карфагеняне потерпели полное поражение и после этого семьдесят лет не вмешивались в сицилийские дела. Даже во время антигреческого восстания сикулов во главе с Дукетием, который в течение двадцати лет оставался непобежденным, они не делали попыток вторжения на остров.

В то время усиление Сиракуз под властью Гелона и его преемника Гиерона (Старшего), сумевших на короткое время сплотить всех сицилийских греков и создать внушительную по тому времени державу, заставляло Карфаген быть предельно осторожным в деле осуществления своих захватнических планов в Сицилии.

Карфагеняне воспрянули духом после трагического похода афинян в Сицилию¹⁵, когда обнаружилась явная слабость сиракузян, ибо только помощь Спарты спасла их от поражения. Обстановка в Сицилии все больше благоприятствовала карфагенянам: там шла непрерывная борьба между греческими городами, Сиракузы были ослаблены напряженной войной с афинянами, а их военный флот находился далеко от сицилийских берегов, действуя в Эгейском море.

Момент для вторжения был выбран удачно. Карфагеняне, высадив на острове многочисленную армию, в течение трех лет овладели почти всеми греческими городами, за исключением Сиракуз, где к власти пришел талантливый и мужественный тиран Дионисий, который с большим трудом переломил ход военных действий в свою пользу.

Изнурительная борьба, длившаяся двадцать шесть лет, закончилась миром, по которому карфагеняне сохранили за собой лишь третью часть острова, к западу от реки Галик.

Дионисию удалось создать первоклассную державу. Казалось, он и его преемники с полным основанием могли претендовать на то, чтобы владычествовать не только в Сицилии, но и в Италии. В то время Рим, разоренный галлами, влачил жалкое существование, и ни один предсказатель будущего не брал его в расчет.

Но судьба распорядилась иначе. После смерти Дионисия Сиракузская держава распалась. Снова на острове начались распри между греческими городами, и вновь перешли в наступле-

¹³ *Ксеркс* – персидский царь (485—465 гг. до н. э.), предпринявший неудачную попытку завоевать Грецию в 480—479 гг. до н. э.

¹⁴ *Саламина* – остров и город в Саронском заливе, между Аттикой и Арголоидой. Здесь в 480 г. до н. э. греки под командованием Фемистокла одержали победу над флотом персидского царя Ксеркса.

¹⁵ *Поход афинян в Сицилию* (415—413 гг. до н. э.) – военная экспедиция, посланная Афинами в Сицилию против Сиракуз с целью установления на острове своей собственной гегемонии. Поход закончился полным поражением афинян.

ние карфагеняне. При Агафокле Сиракузы большим напряжением сил пытались вернуть утраченное могущество. Во время войны с карфагенянами Агафокл дважды высаживался со своими войсками в Африке, угрожая самому Карфагену. Бывший горшечник определенно грезил о создании мировой державы, подобной той, какую создал Александр Великий. Однако сколоченное путем завоеваний обширное государство развалилось со смертью его основателя и на этот раз навсегда.

После Агафокла Сиракузами недолго правили сначала Менон, потом Гикет. Они не оставили после себя ничего достойного упоминания.

Между тем для сицилийских греков, в том числе и для сиракузян, наступили черные времена, потому что в Сицилии вновь высадились карфагенские войска. Дело дошло до того, что карфагеняне осадили Сиракузы. Положение города было отчаянным, и сиракузяне призывали на помощь эпирского царя Пирра, который успел уже приобрести известность своими военными победами на Балканском полуострове, а также в Италии, где он в двух битвах нанес поражение римлянам. Пирр не замедлил появиться в Сицилии, и карфагенянам тотчас пришлось почувствовать, что за дело взялась сильная и умелая рука. Был даже момент, когда Карфаген предлагал Пирру мир, отказываясь от всяких притязаний на Сицилию, за исключением города Лилибея, в котором преобладало пунийское население. Знаменитый воитель не захотел идти ни на какие уступки, но вскоре, к великой радости карфагенян, он рассорился с сицилийцами и покинул остров, переправившись со своим войском в Италию, чтобы продолжить войну с римлянами.

К этому времени в Сиракузах выдвинулся Гиерон Младший¹⁶. Его род шел от Гелона. Молодость Гиерона прошла на военной службе. Он принимал участие в походах Пирра, воевал с карфагенянами. Его поддерживала аристократическая партия, и он пользовался авторитетом у солдат-наемников.

Когда в Сиракузах вспыхнуло восстание в пользу демократической партии, Гиерон с помощью наемников прекратил беспорядки и выказал при введении нового государственного управления много умеренности и благоразумия. Вначале его избрали первым стратегом Сиракуз, но уже через год после этого за свою блистательную победу над мамертинцами¹⁷ при реке Лонгане он был провозглашен царем.

В войне с мамертинцами Гиерон пытался опереться на карфагенян, заключив с ними союз, но римляне, вмешавшиеся в борьбу на стороне мамертинцев, сначала разбили Гиерона, потом нанесли поражение карфагенянам.

Между Карфагеном и Римом началась война, и с этого времени многие десятки лет два могущественных города, отделенные друг от друга большими пространствами моря и суши, вели ожесточенную борьбу за власть и богатство.

В самом начале этой Сицилийской войны, названной впоследствии Первой Пунической войной, римские легионы подступили к Сиракузам и начали осаду города. Гиерон вынужден был заключить с Римом мирный договор, но для него и всего Сиракузского царства этот договор оказался чрезвычайно выгодным. Римляне сохранили за Гиероном господство над восточной частью Сицилии, и в течение сорока лет подвластная ему страна пользовалась всеми благами мира. Союзу с Римом сиракузский царь оставался верен до конца своей долгой жизни.

Внук и преемник Гиерона, юный Гиероним, в разгар Второй Пунической войны разорвал отношения с Римом и вступил в союз с карфагенянами. Этот шаг молодого и неумного правителя стал роковым для Сиракузского царства: римляне после двух лет осады овладели Сиракузами и поступили с ними, как с завоеванным городом, лишив его каких-либо привилегий.

¹⁶ *Гиерон Младший* (Гиерон II) – сиракузский царь, правил в 269—214 гг. до н. э.

¹⁷ *Мамертинцы* – италийские наемники, называвшие себя сыновьями Марса или мамертинцами. Захват ими сицилийского города Мессаны вызвал конфликт между римлянами и карфагенянами и послужил, таким образом, поводом к I Пунической войне.

После того как Карфаген потерпел полное поражение, вся Сицилия была объявлена римской провинцией, а город Сиракузы стал резиденцией управлявших ею преторов.

Сами римляне считали, что завоевание ими Сицилии было огромным благом для этой страны. Действительно, под властью римлян здесь наступили, наконец, мир и порядок: прекратились нескончаемые кровавые усобицы между городами, борьба за власть и политические перевороты в самих городах, оживилась торговля. Но нужно сказать, что хотя это великое благо ощущалось многими, ценилось оно весьма и весьма немногими. Только смертельный страх перед могуществом Рима удерживал в сицилийцах готовое выплеснуться наружу возмущение. Этому способствовали постоянные злоупотребления властью римских наместников и произвол со стороны откупщиков, богатеющих на незаконных поборах и творивших повсюду всякие несправедливости. Откупная система, введенная Римом в провинции, стала бичом для свободных жителей, тружеников полей. Все, что ни добывал неутомимый сицилийский пахарь, становилось добычей римских откупщиков и ростовщиков. Крестьяне разорялись, продавали свои земельные участки и устремлялись в города, где им приходилось жить случайными заработками и подачками богачей. Многие из них за неуплату налогов или из-за долгов продавались в рабство. Как писал Тит Ливий, где откуп, там и откупщики, а где откупщики, там право государства бессильно и жители лишены свободы. От когда-то гордых и свободолюбивых сицилийских греков не осталось и следа. За сто лет после окончания Второй Пунической войны ни один из городов Сицилии не осмелился поднять мятеж против римского владычества. В них господствовали олигархические группы крупных рабовладельцев, тесно связанных с Римом, — все остальные были бесправной чернью.

Но истинными страдальцами в завоеванной римлянами стране были, конечно, рабы, свозимые сюда со всего света. По мере того как мелкие крестьянские собственники вытеснялись крупными хозяйствами богатых сицилийцев и римлян, на полях острова во все большем количестве трудились рабы. Обращение с ними рабовладельцев всегда было вопиюще несправедливым и жестоким, поэтому ответ со стороны рабов не заставил себя долго ждать. Шестилетняя рабская война¹⁸, явившаяся последним выдающимся событием в истории Сицилии перед началом нашего повествования, охватила весь остров. Восставшие невольники, в большинстве своем сирийцы, попытались создать свое государство наподобие селевкидской монархии. Они провозгласили своим царем Эвной¹⁹, родом из Апамеи (Сирия). С великим трудом подавили римляне это восстание, но было совершенно ясно, что огромный приток рабов в провинцию в конце концов приведет к новой войне, быть может, еще более ожесточенной.

Ко времени событий, о которых пойдет наш рассказ, военная мощь Рима несколько ослабла. Особенно это проявилось в испанских войнах, затем в Нумидийской войне и, наконец, в ужасных столкновениях римлян с кимврами и тевтонами, которые, по выражению Корнелия Тацита, отняли у римского народа пять консульских армий.

Римляне уже не вызывали былого трепета у покоренных ими народов. Нависшая над Италией угроза кимврского нашествия поколебала мужество и поубавила гордыни у потомков Квирина, еще недавно называвших себя «владыками мира». В их сердца закрались страх и неуверенность. Этого не могли не видеть и не чувствовать люди, задавленные беспросветным рабством и бесчеловечным угнетением. Все чаще выказывали они дерзкую отвагу в своем стремлении сбросить с себя ненавистные оковы. Восстание рабов под предводительством

¹⁸ Эта война вошла в историю под названием первого восстания рабов в Сицилии (138—132 гг. до н. э.).

¹⁹ Эвной (неправильно Евн) — руководитель первого восстания рабов в Сицилии. Попытался создать так называемое Ново-сирийское царство, приняв имя Антиоха. Он даже чеканил монету со своим изображением. В руки восставших перешли такие крупные и хорошо укрепленные города, как Энна, Агригент, Моргантина и Тавромений. На разных этапах против восставших Рим трижды посылал консульские легионы, но только консулу Публию Рупилию Лупу удалось подавить восстание. Эвной был взят в плен и умер в тюрьме.

Минуция в самой Италии показало, что чаша терпения в любой момент готова выплеснуться через край – нашелся бы только вождь.

Глава вторая

Претор Сицилии. – Постановление сената

В начале мая 649 года по римскому летосчислению в Сицилии было спокойно.

Претор провинции Публий Лициний Нерва еще находился в Сиракузах, намереваясь в ближайшие дни начать традиционный *circuitus totius Siciliae*²⁰.

За четыре дня до майских нон (2 мая) Нерва принимал депутации от сицилийских общин в тронном зале «дворца Гиерона» – так по старинке сиракузяне называли это великолепное здание на острове Ортигия. Когда-то дворец служил местом обитания сиракузских царей, а затем, когда Сицилия была объявлена провинцией Рима, он стал жилищем римских наместников. Следует сказать, что надменные римские преторы всеми силами старались подчеркнуть свое царственное положение. Они принимали послов сицилийских городов и всякого рода просителей, восседая, как многие считали, на том самом кресле из полированного черного дерева, украшенного золотом и слоновой костью, которое стояло здесь во времена Гиерона II и Гиеронима, последних царей Сиракуз. На самом деле этот трон был уничтожен сиракузянами во время демократического переворота как символ тирании.

Стены тронного зала были увешаны картинами или украшены росписью. По обе стороны от входной двери стену украшала прекрасно выполненная роспись, изображавшая сцены времен войны Гиерона II с карфагенянами. Но больше всего обращали на себя внимание три большие картины в позолоченных рамах. На одной из них изображен был Идомений, выступающий судьей в споре между Фетидой и Медеей; другая воспроизводила встречу Европы с Астерием, который, стоя на коленях, обнимал ноги девушки; на третьей картине живописец изобразил одну из спутниц Терпсихоры, изогнувшуюся в вихре бурного танца. Это были бесценные полотна знаменитых греческих художников времен Дионисия Старшего.

Самая поздняя из картин, висевшая у входа в зал, изображала трагическую сцену гибели Марка Клавдия Марцелла: его, уже смертельно раненого, горстка телохранителей защищала от наседавших со всех сторон карфагенян. Картина будила воспоминания об этом необычайном человеке. Римляне справедливо называли Марцелла «мечом Рима». За взятие Сиракуз Марцелл получил триумф и вошел в Рим с огромной добычей. Как полководец он показал себя достойным противником Ганнибала. В битвах с карфагенянами он не потерпел ни одного поражения и погиб случайно, попав в засаду во время осмотра местности вблизи своего укрепленного лагеря.

В тот день претор Лициний Нерва особо пристальное внимание обратил на ходатайство представителей города Мессаны об отсрочке уплаты десятины²¹. Мессанских послов претор принял в последнюю очередь и беседовал с ними долго и весьма благожелательно. К просьбе их он отнесся с пониманием и обещал оказать им свое содействие в переговорах с некоторыми городскими общинами, которые были освобождены от налогов. Нерва выразил надежду, что эти города, обладавшие особыми привилегиями, не откажут в помощи жителям Мессаны, попавшим в затруднительное положение.

Как только послы ушли, Нерва позвонил в колокольчик, вызвав слугу, постоянно дежурившего в соседней комнате, где размещалась охрана из солдат преторской когорты. Эта же комната служила приемной для всякого рода просителей.

²⁰ *Circuitus totius Siciliae* («объезд Сицилии») – так назывался объезд провинции римскими наместниками по центрам судебных округов. Такими центрами являлись пять сицилийских городов – Сиракузы, Агригент, Лилибей, Панорм и Тиндариды, причем в Лилибее постоянно находился выборный римский квестор, помощник претора Сицилии по судебным делам. Этот последний вершил суды в Лилибее и Панорме, в то время как сам претор занимался судопроизводством в Сиракузах, Агригенте и Тиндариде.

²¹ *Десятина* – хлебный налог, установленный римлянами в Сицилии после завоевания ими острова.

– Гиацинт! – обратился Нерва к показавшемуся в дверях молодому человеку, одетому в короткую тунику. – Немедленно пошли за Аристархом! – приказал он.

– Слушаюсь, господин! – ответил слуга и, поклонившись, вышел.

Аристарх, вольноотпущенник Нервы, жил в одной из многочисленных комнат дворца вместе со своим сыном, уже взрослым молодым человеком. Он был хорошо образован и весьма сметлив. Как и многие другие высокопоставленные римляне, Лициний Нерва всегда держал при себе преданных и толковых слуг. При решении особо важных дел он постоянно пользовался их советами, причем Аристарх был у него на особом счету, так как отличался большим умом и ученостью.

Ожидая его появления, Нерва задремал в мягком царском кресле, склонив на грудь плещивую голову и сцепив пальцы рук на округлом брюшке.

Немного погодя в зал вошел полнотелый старик, неряшливо завернутый в серую тогу.

– Ты звал меня, господин? – негромко спросил он, близоруко вглядываясь в претора, который в это время уже начал похрапывать.

Нерва вздрогнул и, подняв голову, обратил в сторону своего отпущенника заспанное лицо.

– Одолеет-таки меня коварный Гипнос, – произнес Нерва и зевнул во весь рот. – Не выспался! – продолжал он после короткой паузы. – Вчера мы допоздна засиделись у проагора²². Если бы ты знал, мой Аристарх, какие отбивные готовит его повар-каппадокиец!

– Чего не скажешь о поварах твоей когорты, – не преминул пожаловаться отпущенник. – Даже на девятый день²³ таких не позовут.

– Очень хорошо, что ты напомнил мне о них, – сказал Нерва. – Я обязательно сделаю выговор этим бездельникам... Ну, а теперь садись и слушай.

Вольноотпущенник прошел в центр зала и сел на скамью перед большим широким столом, стоявшим справа от кресла претора. Здесь обычно сидели писцы, заносившие на папирус преторские распоряжения.

Аристарх внешне был совершенно неприметным человеком. Небольшого роста, очень тучный, с большой головой и всегда брюзгливым выражением лица он походил на Сократа, портрет которого можно было увидеть в приемной комнате дворца, на стенах которой, как и в тронном зале, также висело множество картин. Возраст его приближался к шестидесяти годам, и он многое успел повидать на своем веку.

Родился и вырос он в Пергаме, в обеспеченной семье. Отец его занимал высокую должность заведующего знаменитой Пергамской библиотекой. До тридцати лет Аристарх прилежно занимался различными науками и особенно преуспел в изучении истории и философии. Но все благополучие рухнуло в одночасье со смертью последнего пергамского царя Аттала III²⁴, оставившего завещание, согласно которому его царство передавалось Риму. Побочный брат царя Аристоник²⁵ объявил завещание подложным и призвал население к восстанию. По всей территории Пергамского царства началось движение так называемых гелиополитов. Это были последователи запретного коммунистического учения философа и писателя Ямбула, возбуждавшего умы тогдашнего эллинистического мира рассказами о таинственном острове, где жители не знали ни рабства, ни угнетения и все вместе одинаково трудились для общего блага. Ари-

²² В эпоху римского владычества *проагорами* в Сицилии назывались главы городских администраций, выбираемых из среды богатых и влиятельных горожан.

²³ У римлян девятый день, как и у нас, был поминальным днем. В честь усопшего готовили угощение, обычно очень скромное.

²⁴ *Аттал III Филометор* – царь Пергамского царства в 139–133 гг. до н. э. Посмертное завещание Аттала (возможно, подложное), согласно которому Пергамское царство должно было перейти к Риму, явилось толчком к массовому восстанию пергамцев и присоединившихся к ним рабов.

²⁵ *Аристоник* – предводитель народного движения против римлян в 133–129 гг. до н. э. Захвачен в плен и казнен в Риме в 129 г. до н. э.

стоник возглавил это движение. Его поддержали беднота и рабы, которые по указу нового царя были объявлены свободными. Римляне вторглись в пределы Пергамского царства, но вскоре поняли, что без помощи союзников им не справиться с восстанием. Они призвали к участию в войне вифинского, пафлагонского, каппадокийского и понтийского царей, которые двинули свои войска против Аристоника. Первым у пергамских берегов появился флот царя Каппадокии Ариарата V, но ожесточенное морское сражение закончилось победой гелиополитов, причем сам Ариарат был убит. Подоспевший вскоре понтийский царь Митридат высадил свое войско неподалеку от Пергама и повел решительное наступление на город. Пергамцы отчаянно защищались, но силы были неравны. Город был взят. Понтийский царь отдал его на разграбление своим солдатам. Началась вакханалия грабежей и убийств. Отец Аристарха был убит на ступенях здания библиотеки. Сам Аристарх каким-то чудом выбрался из города в числе немногочисленной группы гелиополитов и пришел вместе с ними в укрепленный город Левки, где сосредоточились основные силы восставших. Аристарх был свидетелем большого кровопролитного сражения между гелиополитами и римской армией консула Лициния Красса Муциана. Римляне были разбиты наголову. В плен попал сам Красс Муциан, убитый вскоре одним из охранявших его воинов, не выдержавшим оскорблений и насмешек плененного римского консула, который явно не захотел пережить выпавшего на его долю позора. Позднее Левки были захвачены консулом Марком Перперной. Все жители города в отместку за смерть Красса Муциана были частью перебиты, частью проданы в рабство, в том числе и Аристарх, хотя за него усердно хлопотали некоторые знатные пергамцы, воевавшие против восставших на стороне римлян.

Пятнадцать лет Аристарх был рабом Публия Лициния Нервы, который сдавал его внаем содержателю престижной римской школы. Там ученый пергамец преподавал греческую грамматику и риторику детям сенаторов. Аристарху удалось собрать необходимую сумму денег, чтобы выкупить на волю себя и своего сына. Получив свободу, он в течение нескольких лет зарабатывал на жизнь, продолжая давать уроки в школе, пока Нерва, будучи уже членом сената, не предложил ему служить у него в качестве письмоводителя и советника в делах особой важности.

Аристарх прекрасно разбирался в общественной жизни Рима. Он посоветовал патрону примкнуть к сторонникам Марии в год его первого консульства. Вольноотпущенник каким-то внутренним чутьем увидел в Марии человека с большим будущим. Нерва внял его советам и благодаря поддержке видных марианцев, с которыми он поддерживал самые дружеские отношения, очень скоро добился важного поста курульного эдила.

Занимая эту должность, Нерва не разбогател ни на один сестерций. Эдилитет порой требовал немалых вложений собственных денег самого магистрата, в обязанности которого входило благоустройство улиц, строительство общественных зданий и устройство зрелищ для народа. Заветной мечтой Нервы была городская претура, причем его больше привлекал не самый почет, с нею связанный, а возможность получить впоследствии управление какой-нибудь провинцией, где он мог бы по-настоящему разбогатеть, пользуясь своей неограниченной властью, как это обычно делали провинциальные римские наместники.

В год консульства Квинта Сервилия Цепиона и Гая Аттилия Серрана²⁶ стараниями своих друзей-марианцев Нерва победил на преторских выборах. Его городская претура завершилась удачной для него жеребьевкой провинций. Ему досталась Сицилия, богатая и наиболее спокойная из всех римских провинций. Это было пределом его мечтаний. Он отправился в Сицилию с заранее выработанным планом ее ограбления.

Первые пять месяцев своего наместничества Нерва действовал как заправский вымогатель. Претор Сицилии не упускал ни одного случая, сулившего мзду. Поэтому, когда прибыв-

²⁶ В 106 г. до н. э.

шие из Мессаны послы недвусмысленно намекнули ему, что не останутся в долгу, если он даст им отсрочку по уплате вышеупомянутого хлебного налога, Нерва с готовностью ухватился за возможность хорошенько пожить на этом деле. И, как всегда в подобных случаях, он решил предварительно посоветоваться с верным Аристархом, через руки которого проходили все получаемые им взятки.

– У меня возникла мысль по поводу мессанцев, которые прибыли сегодня, чтобы уговорить меня дать им отсрочку по выплате десятины, – сказал Нерва, обращаясь к отпущеннику. – Что если я переложу неуплаченный налог Мессаны на города с особым статусом²⁷?

– Рискованно, – неуверенным тоном произнес Аристарх. – Всем известно, с какой болезненностью воспринимают в этих городах всякое ущемление их прав и свобод. Сразу же посыпятся жалобы в Рим и все такое...

– Меня это не особенно волнует. Я всегда смогу оправдать свои действия в отношении этих городов, ссылаясь на тяжелое положение государства. Будет хуже, если в Риме будут недовольны мною, не получив того количества зерна, на которое там рассчитывают. Мессанцы убедили меня, что в этом году они не в состоянии уплатить хлебный налог, учитывая недоимки двух последних лет.

– Что ж, тогда лучше всего начать с Центурип, – немного подумав, сказал Аристарх.

– Почему с Центурип?

– Мой сын недавно побывал там и кое-что накопил на тамошнего проагора, – пояснил отпущенник. – Можно будет его хорошенько прижать в случае чего.

– И чем же именно? – поинтересовался Нерва.

– Лет пятнадцать назад он получил огромное наследство, но то ли по забывчивости, то ли из жадности не выполнил одного из условий завещания – не поставил мраморных статуй в городских палестрах. Если напомнить об этом проагору, он будет сговорчивее.

Нерва с удовлетворением потер руки.

– Эти два или три месяца, которые я проведу в судебных округах, – сказал он, разнежено потягиваясь, – должны принести мне больше, чем я поистратил во время двух своих предвыборных кампаний. Тебе и твоему сыну прибавится хлопот, которые, разумеется, будут вознаграждены. Однако я решил несколько расширить круг своих доверенных лиц. Например, этот центурион, Марк Тициний... Как ты его находишь?

– Я не имел случая составить о нем правильного представления. Но, по-моему, он малый сообразительный.

– Я тоже так думаю. Для начала его нужно как следует приручить. Например, повысим его в звании, назначив младшим военным трибуном, помощником этого лентя Криспина. Руфул²⁸, конечно, не то звание, которым можно будет особенно щеголять во время воинского набора в Риме, но Тициний, я думаю, будет доволен... Кстати, я уже вызвал его на сегодня, чтобы сообщить ему эту приятную новость.

Нерва взял со стола колокольчик и, позвонив им, вызвал слугу.

– Пришел ли центурион Тициний? – спросил он появившегося в дверях слугу.

– Он здесь, в приемной, – ответил слуга.

– Пусть войдет.

Слуга исчез за дверью, и вскоре на пороге появился центурион Марк Тициний, с которым читатели уже имели возможность немного познакомиться в первой книге нашего повествования, когда он во время пирушки в доме Гнея Волкация заручился обещанием откупщика

²⁷ В описываемую эпоху некоторые сицилийские города были независимыми (суверенными) общинами, свободными от повинностей. Их права определялись постановлением римского сената.

²⁸ *Руфул* – военный трибун, назначаемый войсками или полководцем (в отличие от военного трибуна, избираемого в римских центуриатных собраниях).

Публия Клодия устроить его в преторскую когорту сицилийского наместника, дабы избежать участия в опасном походе против кимвров.

Клодий, используя свои дружеские отношения с Нервой, обещание свое выполнил. По его рекомендации Нерва назначил Тициния командиром третьей центурии своих преторианцев.

– Я пригласил тебя, Марк Тициний, – с важностью сказал претор, – чтобы объявить о твоём назначении помощником военного трибуна Тита Деция Криспина. В последнее время он плохо себя чувствует. Криспин просил меня освободить его от обязанности сопровождать меня в объезде провинции и оставить в Сиракузах. Вот я и подумал о тебе. Ты человек с крепким здоровьем, энергичный, к тому же отлично проявил себя на службе. Назначаю тебя младшим военным трибуном. Криспин пусть отвечает за сиракузский гарнизон, а ты будешь исполнять обязанности префекта претория.

Для центуриона слова претора были более чем приятной неожиданностью. Морщины на его грубом лице несколько разгладились. Новоиспеченный военный трибун не мог скрыть своей радости.

– Благодарю тебя, Публий Лициний, за оказанное мне доверие! – с большим чувством сказал Тициний. – Я оправдаю его, можешь не сомневаться.

– Этот чин будет не лишним в твоём послужном списке, – продолжал Нерва. – Он поможет тебе при дальнейшем прохождении службы. Я ведь знаю, что твой брат подпортил тебе репутацию неслыханным предательством во время войны в Нумидии. Кажется, он за полученную от Югурты взятку впустил врага в лагерь Авла Постумия Бестии?

Лицо Тициния сразу омрачилось, и он хрипло выдавил из себя что-то похожее на слова осуждения относительно преступления брата.

– Ладно, – успокоил его Нерва. – Оставим эту неприятную для тебя тему. Я вот о чем хотел тебя попросить... так, безделица, небольшая, но деликатная услуга.

– Я весь к твоим услугам, – ответил Тициний, устремив на претора подобострастный взгляд.

– Мы тут потолковали с Аристархом и решили помочь мессанцам в их ходатайстве. У них, знаешь ли, был недород, а налоги все равно нужно платить. Вот мы и надумали, чтобы Центурипы, которые освобождены от повинностей, помогли Мессане поставить необходимое количество хлеба в Рим. Проагор Центурип будет, конечно, упрячиться, но мы знаем кое-что о его грешках... Хотя это и не входит в круг твоих обязанностей, но ты, я надеюсь, не откажешься съездить в Центурипы, чтобы напомнить проагору о том, что пятнадцать лет назад он получил наследство, но не выполнил условия завещания: так и не поставил до сих пор статуй в палестрах родного города, что по закону является очень серьезным преступлением. Благодаря полученному им наследству он стал человеком богатым и достиг самого высокого положения, но может всего этого лишиться по справедливому приговору моего суда. Итак, ты сначала скажешь проагору, что надо поделиться с мессанцами, а потом, когда он начнет возмущаться, передай от моего имени, что пусть лучше не искушает Фортуна, иначе не миновать ему самого строгого судебного разбирательства по делу о наследстве.

– Ты хочешь, чтобы я отправился в Центурипы немедленно? – спросил Тициний.

– Нет, это не к спеху. Я намерен посетить их по пути в Тиндариду, после того как закончу дела в Агригенте. Оттуда за день до моего отъезда ты и отправишься в Центурипы. Постарайся, чтобы к моему появлению там проагор сделался мягким, как воск...

В это время в дверях появился слуга и громко объявил, что прибыл квестор Гней Фабриций Руг.

– А, наконец-то! – воскликнул Нерва. – Проси, проси его!

Обратившись к Тицинию, он сказал:

– Мы еще продолжим с тобой наш разговор. Можешь идти.

Бывший центурион, словно по волшебству превращенный в военного трибуна, молча поклонился и направился к выходу.

В дверях он едва не столкнулся с высоким седоволосым человеком, одетым в роскошную латиклавию²⁹.

Тициний поспешно отступил, пропуская квестора в зал.

При его появлении Нерва поднялся с кресла.

– С приездом, славный Гней Фабриций Руг! – воскликнул он, изображая на своем лице самое искреннее радушие.

– Приветствую тебя, Публий Лициний Нерва, – дружески улыбаясь ему, ответил квестор.

Они обменялись крепким рукопожатием.

Вслед за квестором в зал вошел его слуга с охапкой пергаментных и папирусных свитков, скрепленных восковыми печатями.

Лициний Нерва и Фабриций Руг давно знали друг друга и всегда были в хороших отношениях. Многое их сближало. В роду у Фабриция Руга, как и у Нервы, лишь очень далекие предки занимали курульные магистратуры. Сам он начал государственную службу с триумвира по уголовным делам, дважды был войсковым квестором и попал в сенат после отправления должности городского квестора, то есть одного из квесторов города Рима.

Лициний Нерва тоже начинал с низших магистратур, но в отличие от Фабриция более чутко реагировал на политическую конъюнктуру и, как уже упоминалось, добивался успехов благодаря влиятельным друзьям, а не своим личным качествам.

Фабриций же был назначен сицилийским квестором по прямому назначению сената, а не народным избранием. Военная тревога заставила сенат серьезнее и внимательнее относиться к тем, кто домогался провинциальных магистратур. Раньше на такие должности попадали случайные люди. Как правило, им не хватало опыта в управленческих делах. Зачастую это были бессовестные и неутолимые мздоимцы, развращенные властью и безнаказанностью. Что касается Фабриция Руга, то он зарекомендовал себя исполнительным и честным государственным мужем. Такие, как он, отправляя квесторские обязанности в провинциях, чаще доставляли в Рим хлеб и деньги от налогов, чем скандальные разоблачения и громкие судебные процессы по делам о вымогательстве. Поэтому сенаторы, напуганные страшным поражением при Араузионе, послали в помощь наместникам провинций проверенных делом и временем людей из сенаторского сословия. Фабрицию досталась Сицилия. Резиденция квесторов находилась в городе Лилибее. Там они вершили судебные дела, отвечали за сбор налогов и за отправку в Рим кораблей с зерном.

– Положи на стол, и можешь быть свободен, – сказал Фабриций своему слуге, который в нерешительности остановился посередине зала, прижимая к груди свитки.

Претор взял под руку Фабриция и повел его в перистиль, чтобы там наедине с квестором поговорить о делах. Аристарху, который собрался было покинуть зал вместе с рабом квестора, он сделал знак, чтобы тот оставался на месте.

– Ты мне еще понадобишься, – бросил он отпущеннику.

– Какие вести с дороги? Что нового в Риме? – обратился Нерва к Фабрицию, когда оба они вышли в перистиль, ухоженный внутренний дворик, окруженный множеством колонн, облицованных паросским мрамором, и утопавший в зелени и цветах розовых кустов. – Кстати, я был очень удивлен, когда узнал, что ты покинул Лилибей, приняв решение лично сопроводить хлебный груз в Остию.

– Об этом меня просил сам Марий, – сказал Фабриций, оглядывая живописный двор. – Он озабочен бесперебойным снабжением легионов, стоящих лагерем под Никеей. В своем письме ко мне он жаловался, что пираты перехватили один из наших кораблей с зерном на пути

²⁹ Латиклавия – тога с широкой пурпурной каймой (латиклавием), отличительная одежда римских сенаторов.

от Сицилии к Остии. Поэтому я решил лично сопроводить кибей³⁰ на квинквереме с полусотней отборных воинов. К счастью, до самой Остии мы не встретили пиратов, а вот на обратном пути, при выходе из пролива Харибды, четыре пиратских миапарона прошли мимо нас так близко, что можно было разглядеть лица этих разбойников. Но их устрасил вид военного корабля с катапультами у каждого борта. Знали бы они, что на корабле свыше сорока миллионов сестерциев...

– Свыше сорока миллионов? – переспросил Нерва, алчно заблестев глазами.

– Я привез их тебе по поручению сената. Они предназначены для закупки зерна в Сицилии. Позаботься о том, чтобы твой казначей принял деньги у прибывшего вместе со мной эрарного трибуна.

– Об этом не беспокойся. Я немедленно отдам все необходимые распоряжения.

– Но больше всего тебе доставит хлопот постановление сената о союзниках... Ты, наверное, ничего не слышал о нем?

– Нет. Что за постановление? О каких союзниках речь?

– Видишь ли, недавно Марий добился от сената права обращаться за помощью к союзным царям, жалуясь на малочисленность солдат вспомогательных войск. Но когда он написал письмо Никомеру, царю вифинскому, тот ответил, что не может прислать даже небольшой отряд, потому что римские публиканы вконец разорили его страну своими поборами и продали в рабство за долги большинство вифинцев, способных носить оружие. По его словам, все они теперь томятся в римских провинциях. Письмо Никомеда наделало в сенате много шума. Жалобы на наших откупщиков поступали и раньше, но на них никто не обращал внимания. На этот же раз сенат очень болезненно отреагировал на заявление Никомеда, особенно после тревожных сообщений, что кимвры грозятся этим же летом двинуться на Рим. В конце концов, сенат принял постановление об освобождении всех рабов из числа союзников, если они находятся в провинциях, причем без всякого выкупа. Вот и подумай, какая головная боль тебе предстоит.

– Клянусь Юпитером Капитолийским! – с возмущением воскликнул Нерва. – Этот указ словно специально издан для Сицилии, чтобы устроить в ней невиданный переполох! Ведь ни в одной из провинций нет такого количества рабов из числа римских союзников. Стало быть, мне предстоит одному отдуваться за всех?

– Кроме того, Марий поручил мне передать тебе на словах, чтобы ты немедленно приступил к формированию из освобожденных рабов отрядов вспомогательных войск. От имени союзнических царей и тетрархов они должны быть направлены в Рим. Марий высказал пожелание, чтобы ты как можно скорее освободил не менее пяти тысяч человек.

– Ах, чтоб мне пропасть! – почти простонал Нерва, схватившись рукой за голову. – Из-за этого сенатского постановления все мои планы летят к Орку!

– Ничего не поделаешь, мой друг, – продолжал Фабриций, сочувственно глядя на старого приятеля. – Со времен нашествия галлов Бренна Рим еще не был в такой опасности. Даже Ганнибал не идет в сравнение. Об этом говорили в сенате, обсуждая письмо Никомеда. Если хочешь знать мое мнение, то скажу тебе, что положение наше отчаянное. Если кимвры в этом году пойдут в Италию, ни Манлию, ни Марию не удастся их остановить. Слишком ничтожны собранные ими силы. Сейчас еще трудно сказать, что замышляют варвары. Они разбрелись по Нарбоннской Галлии и, подобно саранче, опустошают провинцию. Недавно их скопища переправились через Родан и вторглись в земли арвернов за их отказ присоединиться к ним для борьбы с Римом. Однако и галльские союзники кимвров тяготятся присутствием их на своей территории. Эти дикари умеют только грабить и разрушать. Германцы вообще, говорят, не особенно прилежны в труде. По своему характеру это разбойники, всегда готовые пограбить более

³⁰ Кибей – грузовой корабль, предназначенный для перевозки зерна.

слабых соседей. Зачем производить то, что можно отнять силой? О кимврах и говорить нечего, так они избалованы своими победоносными походами. Повозки их ломаются от добычи. Они охладели даже к скотоводству, которым занимались у себя на родине, хотя, как и раньше, дают клятвы на своем священном медном быке. Это их главный символ.

– Сколько дней ты намерен провести в Сиракузах? – спросил Нерва, терпеливо выслушав пространную речь квестора, который имел слабость при случае поупражняться в риторике.

– Я завтра же отправляюсь в Лилибей, – ответил Фабриций.

– А не погостить ли тебе у меня дня три-четыре? Тем более, что завтра последний день Флоралий³¹. Отметим его веселым пиршеством и сценическими представлениями в театре.

– От всей души благодарю тебя, Публий Лициний, но это, право, невозможно. Меня ждут дела в Лилибее. Сенат поручил мне ускорить отправку зерна в Рим из хранилищ Моти и Эмпория Сегесты.

– Жаль, очень жаль, мой друг... Но сегодня этот прекрасный гиеронов дворец в полном твоём распоряжении. Для тебя мы отведем здесь самые лучшие комнаты. Никаких гостиниц! Отдохнешь здесь, осмотришь дворец. Своими глазами увидишь, как жили когда-то сиракузские тираны... И надеюсь, ты не откажешься отобедать со мной сегодня.

– С удовольствием принимаю твое приглашение.

– Я пришлю за тобой посыльного. А пока устраивайся на новом месте.

Когда они вернулись в зал, Нерва взял со стола колокольчик и позвонил. Слуга показался на пороге.

– Гиацинт! – обратился к нему Нерва. – Позаботься о квесторе и его слугах. Кажется, рядом с моим конклавом есть две прилично обставленные комнаты?

– Да, господин. Я уже проверял их сегодня утром. Там все в надлежащем порядке. А слуг господина можно разместить на втором этаже...

* * *

Простившись с квестором, Нерва распечатал письмо сената и вслух прочел постановление о союзниках.

Аристарх, сидевший за столом, слушал внимательно.

– Ну, что скажешь? – прочитав последние слова постановления и бросив на стол свиток пергамента, спросил Нерва.

– Неслыханно! – произнес вольноотпущенник, качнув головой. – Клянусь всеми богами Олимпа, никогда еще из курии Гостилия не выходило чего-либо подобного!

– Фабриций рассказал мне, что вифинский царь Никомед обратился в сенат с письмом, в котором жаловался на произвол наших публиканов, продавших за недоимки отборных вифинцев, которые подлежали призыву в войско. По этой причине он отказался прислать своих солдат для участия в войне против кимвров. На сенаторов это произвело нехорошее впечатление. Видимо, для того чтобы продемонстрировать свою заботу о союзниках, они и вынесли это дурацкое постановление.

– Теперь на законном основании в Сицилии можно будет собрать целое войско, составленное из рабов, – в раздумье проговорил Аристарх и, помолчав, прибавил: – Только вряд ли это понравится их владельцам. Все они придут в неописуемое бешенство.

– В том-то и дело, мой Аристарх! – сказал Нерва, с хмурым и озабоченным видом прохаживаясь по залу. – Ума не приложу, что мне делать? Отказаться от объезда Сицилии и вместо этого заняться освобождением рабов? Но ты ведь понимаешь, что для меня каждый день – это золотой день... Провалиться мне в Тартар! – воскликнул он, стукнув себя ладонью по лбу. –

³¹ Флоралии – римский праздник в честь Флоры, богини цветов и весны. Праздновался с 28 апреля по 3 мая.

Как только об этом злосчастном постановлении сената станет известно в провинции, толпы рабов будут преследовать меня повсюду, где бы я ни появился.

– Но, может быть, ты из всего этого сможешь извлечь для себя не меньше пользы здесь, в Сиракузах, чем во время своей поездки по судебным округам?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Нерва, бросив пылкий взгляд на своего отпущенника.

– Мне думается, что это сенатское постановление необходимо выполнять неукоснительно до тех пор, пока... пока сицилийцы и здешние римские всадники не станут очень горячо просить тебя прекратить разборы дел об освобождении рабов...

– А дальше что?

– Разумеется, сицилийские землевладельцы не останутся безучастными в таком деле, – продолжал Аристарх. – Провинция так и кишит рабами, привезенными из Вифинии, Каппадокии, Сирии, которые являются союзниками Рима. Немало тут и обращенных в рабство италийских союзников...

– Скажи-ка прямо, Аристарх, к чему ты клонишь? – нетерпеливо спросил Нерва. – Хочешь, чтобы я из боязни вызвать недовольство местной знати прекратил все дела об освобождении рабов и тем самым нарушил сенатское постановление?

– Но почему же «нарушил»? – живо возразил отпущенник. – Подумай сам, сколько рабов в провинции и сколько их подпадают под указ сената? Оставшегося срока твоей сицилийской претуры не хватит, чтобы всех их освободить. Судя по всему, в последнее время римские публиканы славно поработали в Вифинии и других малоазийских царствах. Если уж царь Никомед осмелился отказать Риму в помощи, ссылаясь на то, что страна его обезлюдела, – значит, так оно и есть на самом деле. Большинство из тех вифинцев, которых продали за долги в рабство, попали именно в Сицилию. Здесь всегда не хватало рабочих рук. А сколько народу навезли сюда из Сирии и других мест? А сколько из самой Италии? Конечно, было бы глупо оставить зерновую провинцию без рабов...

– Вот-вот! Великое спасибо скажут мне в Риме и сенат, и весь римский народ до последнего пролетария, привыкшего к дешевым хлебным раздачам. Так что выполняй или не выполняй я сенатское постановление – все равно останусь в дураках, – сердито говорил Нерва, расхаживая по залу. – Марий требует, чтобы я освободил не менее пяти тысяч рабов. Попробуй-ка, обеспечь всем необходимым десять когорт этих прожорливых варваров! А сколько потребуется денег и средств, чтобы переправить их в Рим?..

– Тут главное выдержать паузу, мой господин. Делай свое дело по указу сената. А там, я уверен, все образуется само собой. Когда наступит момент, чтобы угодить сицилийской знати, ты объявишь о приостановлении судебных разбирательств... скажем, на неопределенное время. Разумеется, все заинтересованные в этом деле лица должны будут щедро отблагодарить тебя. Об этом мы позаботимся заранее. До того, как разразится неизбежный скандал, ты успеешь освободить тысячу... ну, полторы тысячи рабов. Остальными пусть займется квестор Фабриций Руг в своем Лилибее. Не одному же тебе заниматься этим неблагодарным делом...

– Пожалуй, мне ничего не остается, как последовать твоему совету, – вздохнув, согласился Нерва и тут же добавил: – Обязательно разыщи Публия Клодия. Передай ему от моего имени, чтобы он не пропускал ни одного собрания сиракузского конвента римских граждан³² и подробно докладывал мне обо всем, что там затевается. Можешь объяснить с ним со всей откровенностью. Впрочем, он человек неглупый и сам поймет, что от него требуется...

³² *Конвент римских граждан* – община (колония, корпорация) римских граждан за пределами Рима, в провинциальных городах.

Глава третья

На площади Ахрадины. – Незнакомка. – Достопримечательности Сиракуз

Утром следующего дня на площади в Ахрадине общественные служители выставили у стены пританея³³ альбум³⁴ с полным текстом постановления сената.

Перед альбумом сразу собралась большая толпа горожан. Слух о постановлении сената быстро облетел весь город, а затем и его окрестности, откуда во вторую половину дня на ахрадидскую площадь начали сходитьсь оборванные и грязные рабы из загородных имений сиракузян. Они самовольно бросили работу и поспешили в Сиракузы, как только до них дошла эта ошеломляющая новость, преисполнившая их сердца великой надеждой на освобождение.

Но если более образованные городские рабы сумели быстро разобраться в латинском тексте, то сельские их собратья по рабству, в основном грекоязычные, были совершенно неграмотны и оказались в крайне затруднительном положении. Проходившие мимо пританея свободные граждане в ответ на просьбы собравшихся перед альбумом оборванцев растолковать сенатское постановление отворачивались от них с гордым презрением и проходили мимо.

Около двух часов пополудни на ахрадидской площади со стороны пустынной улицы, идущей от въездных ворот со стороны знаменитых сиракузских каменоломен, появилась изящно одетая молодая и красивая девушка с белокурыми волосами, стянутыми вокруг головы красной шелковой повязкой. Она шла в сопровождении рослого раба-африканца, который нес на своем плече большой узел с вещами.

Судя по тому, с каким интересом девушка и ее чернокожий спутник оглядывались по сторонам, в Сиракузы они попали впервые.

Красота девушки бросалась в глаза с первого взгляда. На вид ей было не больше восемнадцати лет. Обращали на себя внимание розовый оттенок кожи ее лица, мягко очерченный рот и большие темно-серые глаза. Походка ее была неторопливой и усталой, но в стройной и гибкой фигуре чувствовалась молодая энергическая сила. Наряд ее состоял из длинного до пят платья цвета шафрана и накинутого поверх него легкого голубого плаща. Сквозь тонкую ткань платья вырисовывалась ее полная и упругая грудь.

– Посмотри, Сирт, сколько людей собралось перед этим альбумом! – обратилась девушка к слуге на латинском языке, когда оба они поравнялись с толпой у пританея. – На таких досках, покрытых гипсом, обычно пишутся очень важные распоряжения властей. Давай посмотрим, что там написано?

– Вряд ли мы узнаем что-нибудь интересное для себя, моя госпожа, – с явным неудовольствием отозвался африканец на плохой латыни, окинув взглядом толпу, сгрудившуюся у пританея.

– Кто знает? – возразила девушка. – В нашем с тобой положении не стоит пренебрегать лишней информацией, которая всегда может пригодиться.

– Это же рабы с полей, – презрительно сказал слуга. – Измазаны землей, как могильщики на Эсквилинском поле. Не ходи туда. Они запачкают твоё чудесное платье своими грязными лохмотьями...

– Подожди меня здесь, я мигом обернусь, – не слушая его, сказала девушка и решительно направилась к пританею.

³³ *Пританей* – здание, в котором заседали пританы, носители высшей власти в некоторых греческих городах.

³⁴ *Альбум* – покрытая белым гипсом доска, на которую заносились распоряжения римских преторов.

Она подошла к стоявшему немного поодаль от толпы пожилому рабу, одетому в ветхую безрукавную тунику, и спросила его по-гречески, обнаружив, что и этим языком она владеет не хуже, чем латинским:

– Будь так добр, объясни, пожалуйста, по какому поводу собрался народ? Что тут происходит?

– Говорят, что римский сенат издал постановление об освобождении рабов, которые раньше были подданными союзных царей, – отвечал раб. – Сам я, едва прослышал об этом, не утерпел и прибежал сюда из имения своего господина, чтобы убедиться в этом наверняка. Я ведь свободнорожденный из Антиохии, а сирийский царь считается одним из верных союзников Рима.

– Вот чудеса! – удивилась девушка. – Римский сенат озаботился судьбой рабов? С чего бы это?

– Всем невдомек, – пожав плечами, сказал сириец. – Как видно, совсем плохо приходится теперь римлянам, если их надменный сенат снисходит до того, чтобы издавать такие постановления. Говорят, что рабов будут освобождать для службы в римской армии, которая этим летом отправится против кимвров.

– И обо всем этом написано в альбуме? – недоверчиво спросила девушка.

Раб почесал в затылке.

– Видишь ли, прекрасная госпожа, указ-то ведь написан на латинском языке. А среди нас никто не знает латинской грамоты... Многие и греческие буквы с трудом разбирают. Пока что все мы пользуемся одними слухами и догадками.

– Я могу перевести любой текст с латыни на греческий, – сказала девушка.

– Что ты говоришь! – обрадовался сириец.

Он тут же повернулся лицом к толпе и крикнул:

– Эй, ребята! Дайте этой образованной девушке-гречанке подойти к альбуму. Она обещает растолковать каждое слово в указе сената.

На возглас сирийца головы всех толкавшихся у пританея рабов разом повернулись к нему и стоявшей рядом с ним юной красавице. Толпа быстро расступилась, и девушка прошла к альбуму, шурша на ходу тканью своего дорогого наряда.

Она быстро пробежала глазами текст, написанный на гипсовой доске, потом стала медленно переводить:

– Здесь говорится о том, что в седьмой день до календ мая сенат по докладу Гая Мария, консула, постановил, чтобы ни один из свободнорожденных союзников римского народа не находился в рабстве в провинциях и чтобы об их освобождении позаботились преторы. И далее... Публий Лициний Нерва, претор Сицилии, объявляет, что на основании этого постановления сената он будет вести дела об освобождении рабов согласно велению своей совести и благу римской республики.

Когда девушка умолкла, один из рабов спросил ее:

– Все ли правильно ты перевела? Может быть, постановление сената касается только уроженцев Италии?

– Нет, я не пропустила ни одного слова, – сказала девушка. – Здесь ясно говорится о том, что ни один из свободнорожденных союзников римского народа не должен находиться в рабстве в провинциях, – четко повторила она. – Об италиках здесь ничего не написано. Надо понимать, указ сената касается всех римских союзников без всякого исключения.

Рабы возбужденно загомонили. Девушку стали упрашивать, чтобы она еще раз прочитала сенатское постановление, и ей пришлось повторить его слово в слово, после чего она выбралась из толпы и вернулась к поджидавшему ее чернокожему слуге.

Тот был уже не один. Рядом с ним стоял хорошо одетый мальчик лет тринадцати. Оба они о чем-то оживленно беседовали друг с другом, точнее, больше жестикулировали, потому

что африканец, не зная греческого языка, изъяснялся на латинском, а мальчик говорил по-гречески, используя небольшой запас знакомых латинских слов.

– Вот, госпожа, – сказал девушке слуга. – Представляю тебе этого мальчугана. Его зовут Асандр, и он, кажется, знает, как пройти до гостиницы «Аретуса». Я уже пообещал ему викториат, если он проведет нас туда.

– Если я не ошибаюсь, ты из свободного сословия? – внимательно оглядев мальчика с головы до ног, спросила его девушка по-гречески.

– Да, госпожа, – ответил мальчик. – Мой отец – гражданин Сиракуз.

– В таком случае можно не сомневаться, что ты хорошо знаешь город, – улыбнувшись, сказала девушка.

– О, я знаю его не хуже любого мистагога, – не без гордости ответил мальчик.

– Мистагога? – переспросила девушка. – Я слышала, что в Афинах мистагогами называют жрецов, посвятителей в Элевсинские мистерии³⁵...

– В Сиракузах мистагогами называют проводников по священным и памятным местам, – пояснил мальчик. – Мой отец состоит в товариществе мистагогов. Я у него многому научился и нередко подрабатываю, рассказывая приезжим о достопримечательностях города.

– На острове Ортигия, как мне сказали, есть гостиница под названием «Аретуса». Поможешь нам ее найти? Получишь денарий.

– Я знаю эту гостиницу и ее хозяина. Он латинянин. Его зовут Видацилий.

– Прекрасно, Асандр! Так ведь твое имя? Проводишь нас туда?

– Охотно, госпожа.

– А по пути ты хоть чуточку расскажешь об этом славном городе.

– Вряд ли я успею много рассказать, добрая госпожа. Ведь город очень велик. Можно подумать, что он состоит из четырех больших городов, каждый из которых носит свое название. Например, сейчас мы стоим на центральной площади Ахрадины, главной части Сиракуз. Вон там, к северу от Ахрадины, расположена Тихе. Это самая населенная часть города – там живут люди небогатые, в основном ремесленники и мелкие торговцы. Южнее Ахрадины лежит Неаполь, называющийся так потому, что он застроен был позднее других районов города. Советую тебе, госпожа, обязательно побывай в Неаполе, потому что там очень много красивых зданий и среди них два прекрасных храма, посвященных Деметре и Персефоне. В храме Персефоны находится знаменитая голова Пэана, чудесной работы, из паросского мрамора. Кстати, вот в этом ахрадийском пританее, где проводятся судебные разбирательства, стоит прекрасное скульптурное изображение Сапфо. На цоколе статуи выбита греческая эпиграмма. Если хочешь, пройдем туда, чтобы полюбоваться этим поистине выдающимся произведением искусства.

– К сожалению, милый Асандр, у меня сегодня нет времени для этого, – ответила девушка. – Как-нибудь в другой раз я обязательно приду посмотреть на статую Сапфо, поэзией которой я всегда восхищалась...

* * *

От ахрадийской площади по широкой и красивой улице Асандр привел юную красавицу и ее слугу к каменному мосту, представлявшему собой сплошную укрепленную дамбу, пересекавшую узкий пролив между полуостровом Ахрадина и островом Ортигия.

По пути мальчик с увлечением вел свой рассказ, подробно останавливаясь на любой мелочи, способной заинтересовать того, кто впервые посетил Сиракузы.

С моста открывался вид на обе гавани, лежавшие с северной и южной сторон острова.

³⁵ Элевсинские мистерии (тайинства) – празднества в честь Деметры в Аттике, в городе Элевсине.

Пока девушка и ее слуга, двигаясь по мосту, с интересом разглядывали обе гавани, заполненные множеством больших и малых кораблей, сопровождающий их мальчик рассказывал:

– По правую руку от нас – Большая гавань. Эта просторная бухта, в которую впадает река Анап, образована островом Ортигия и выступающим далеко в море мысом Племмирий. Большая сиракузская гавань считается лучшей в мире. Мыс Племмирий служит как бы створкой ворот, защищающей ее от южного ветра, а северной створкой является сам остров Ортигия, который в стародавние времена заселили первые колонисты из Греции. Большая гавань может вместить множество кораблей. Глубина ее достигает шестидесяти футов... Слева от моста расположена Малая гавань, – продолжал Асандр, сопровождая свой рассказ изящными жестами рук. – Она еще называется Лаккийской, или просто Лаккия. Окружающие ее стены возведены еще во времена Дионисия Старшего. При нем в этой гавани были запирающиеся ворота, через которые могло проходить только по одному кораблю. Глубина Лаккийской гавани не превышает девяти футов, и по своей площади она в десять раз меньше, чем Большая гавань. Она может вместить до шестидесяти средних кораблей. В древности, когда моста еще не было, Большая и Малая гавани соединялись через пролив. Во времена царя Гелона мост уже существовал. Его постройка была необходима для связи Ортигии с полуостровом Ахрадиной и остальными частями города, который быстро разрастался. И Ахрадина, и Ортигия имеют собственные крепостные стены. Кроме того, еще одной стеной защищены древние пригороды Сиракуз – Неаполь и Тихе. Этой же стеной охвачена господствующая над городом высота под названием Эпиполы, где находится знаменитая крепость Эвриал. Эта внешняя городская стена тянется до самого моря и заканчивается мощной каменной башней, которая называется Галеагра...

Пройдя мост, они подошли к низкой и мрачноватой арке Ортигийских ворот с возвышавшимися по обе стороны от них мощными башнями, сложенными из больших грубо отесанных камней.

– Сто лет назад, – продолжал Асандр, – на месте этих уродливых ворот было великолепное Пятивратие, а рядом с ним крепость. Когда последний царь Сиракуз Гиероним был убит заговорщиками и народ воспылал желанием вернуть давно утраченную демократию, Пятивратие и крепость разрушили как символ тирании. Однако очень скоро сиракузянам пришлось спешно укреплять это место, потому что город был осажден Клавдием Марцеллом³⁶...

– Я много слышала о том, с какими трудностями столкнулись римляне при осаде Сиракуз и сколько неприятностей доставил им Архимед³⁷ своими необыкновенными военными машинами, – сказала девушка, внимательно слушавшая мальчика. – Однако все рассказы о том, как Марцелл овладел этим громадным городом, разнятся между собой. Говорят, что Сиракузы были захвачены им только с помощью предательства.

– Так оно и было на самом деле, – подтвердил Асандр. – Поначалу римляне, воспользовавшись беспечностью осажденных, в одну из ночей овладели частью внешней стены и ворвались в Эпиполы, Тихе и Неаполь. Однако Ахрадина и Ортигия еще долго оказывали сопротивление, не считаясь с лишениями. Судьбу города решило предательство начальника испанских наемников Мерика. Он открыл римлянам северные ворота острова Ортигии. После этого Ахрадина, осажденная с суши и с моря, вынуждена была капитулировать.

Пройдя под низкой аркой Ортигийских ворот, все трое вышли на прямую мощеную улицу, по обеим сторонам которой стояли дома, построенные в итальянском стиле.

– Совсем как в Риме, только чище и уютнее, – оживившись, промолвила девушка.

³⁶ Марк Клавдий Марцелл – консул 222 г. до н. э., участник II Пунической войны, овладел Сиракузами после двухлетней осады в 213—211 гг. до н. э.

³⁷ Архимед – величайший математик и физик древности. Погиб во время взятия Сиракуз войсками Клавдия Марцелла.

– За время владычества римлян, – объяснял Асандр, – старинных греческих зданий на Ортигии осталось совсем немного. В основном, это храмы, дворец царя Гиерона и еще несколько больших домов, принадлежавших раньше богатым людям из окружения Гиерона и Гиеронима. Теперь Ортигия заселена преимущественно римлянами и другими выходцами из Италии, поэтому так много на острове этих смешных домов с воронкообразными крышами. Еще Клавдий Марцелл, убедившись, что Ортигию можно оборонять небольшими силами ввиду ее исключительной неприступности, выселил с острова всех коренных сиракузян, чтобы пресечь в дальнейшем попытки восстаний. Этот запрет действует до сих пор, хотя не все о нем помнят. Кстати, Видацилий, нынешний хозяин «Аретусы», воспользовавшись этим запретом, заставил прежнего владельца продать ему эту гостиницу. Он пригрозил ему доказать в суде, что дальний его родственник был потомком одного из опекунов несовершеннолетнего царя Гиеронима...

Тем временем они подошли к великолепному храму, фронтоном которого был украшен искусными барельефными изображениями.

– А это знаменитый храм Афины, которую римляне называют Минервой. Храм известен далеко за пределами Сицилии, – сказал Асандр.

Девушка невольно залюбовалась прекрасным зданием, на крыше которого, над самым фронтоном, обращенным в сторону моря, укреплен был большой позолоченный щит, служивший маяком для кораблей. Дверные створы храма украшены были тончайшим орнаментом из слоновой кости, многочисленными золотыми шарами и бронзовым чеканным изображением змееволосой Горгоны Медузы.

Внутри храма, по словам мальчика, по стенам развешены были прекрасные картины и среди них самая знаменитая – она изображала бой конницы царя Агафокла с карфагенянами. Храм Афины был последней достопримечательностью, с которой юный сиракузянин успел познакомиться прибывших. От храма он повел их по оживленной в этот час улице к восточному берегу острова.

За поворотом улицы начинался небольшой взвоз, вымощенный гранитными плитами. Отсюда уже видно было море, озаренное в этот момент ярким солнцем, выглянувшим из-за белых облаков, – громадная нежно-голубая равнина без конца и края. Асандр показал рукой на большое здание, стоявшее в самом конце взвоза.

– Это и есть гостиница «Аретуса», – сказал мальчик. – Она называется так по названию ручья, протекающего поблизости, на самом краю острова.

И мальчик еще раз блеснул своими знаниями мистагога, поведав о том, что ручей Аретуса, берущий свое начало от одноименного источника, находившегося в северной части Ортигии, знаменит во всем греческом мире. Согласно мифу нимфа Аретуса, обитавшая в Элиде, спасаясь от преследовавшего ее речного бога Алфея, превратилась в источник, протекла под морем и появилась в Сицилии.

Девушка ласково попрощалась с Асандром, дав ему не только денарий, но и прибавив к нему викториат, обещанный Сиргом.

Когда мальчик ушел, она обратилась к слуге:

– Знаешь, Сирт, я немного поразмыслила и решила, что тебе незачем идти вместе со мной в эту гостиницу. Пойду-ка я туда одна, а тебе придется поискать другой деверсорий.

– Но почему ты так решила? – спросил Сирт.

Девушка вздохнула.

– Похоже, мне предстоит непростые объяснения с хозяином гостиницы. Боюсь, что он примет нас не так радушно, как старик Сальвидиен в Кайете. Видацилий меня совсем не знает, и хотя Сальвидиен дал мне свою гостевую табличку, всякое может случиться.

– Послушай, госпожа, – заговорил Сирт, понизив голос, чтобы его не слышали толкавшиеся рядом прохожие. – Я никогда тебя ни о чем не спрашивал, а ты ничего мне не расска-

зывала о своих секретах, но, может быть, настала пора поделиться ими со мной. Я ведь верный раб твой. Или сомневаешься во мне?

– Не в этом дело, Сирт, – сказала девушка. – Есть вещи, о которых лучше ничего не знать, чтобы спать спокойно.

– Клянусь Ваалом! Мне ли, беглому рабу и мятежнику, спокойно спать? – возразил африканец. – Я и во сне сжимаю рукоять кинжала...

– Ну, хорошо, – немного подумав, сказала девушка. – Во-первых, знай, что и Сальвидиен, и Видацилий связаны с пиратами...

– Ах, вот оно что! – пробормотал Сирт.

– Что касается Мемнона, то он был пиратом еще до того, как попал в гладиаторы. О том, что я бежала вместе с ним из Рима, ты знаешь. Он уговорился со мной, что если судьба нас нечаянно разлучит, мы встретимся в Сиракузах, в гостинице Видацилия, но ведь Мемнон уверен, что меня уже нет в живых...

Девушка еще раз глубоко вздохнула и продолжала, как бы размышляя:

– У Сальвидиена Мемнон и Варий провели всего одну ночь. Даже если бы мы с тобой не задержались на четыре дня в Аквах Синуэских, нам не удалось бы застать их в Кайете. А когда мы прибыли туда, на море разыгралась буря, отнявшая у нас еще целых шесть дней. Потом эта тихоходная посудина, на которой мы промучились десять дней и которая, в конце концов, дала течь...

– Нам еще повезло, если принять во внимание, что нас высадили всего в пяти милях от Сиракуз, – заметил Сирт.

– Слишком много времени потеряно, – с сожалением сказала девушка. – Я уже не надеюсь, что застаю здесь Мемнона. Скорее всего, он уже на Крите или на пути туда. Вряд ли Мемнон рассказал обо мне Видацилию. Зачем ему было говорить о той, которая, как он думал, уже сошла в царство теней? И если мне не удастся убедить хозяина гостиницы в том, что он может не опасаться меня как лазутчицы, подосланной из Рима, я уж и не знаю, что он примет в отношении меня.

– И ты хочешь, чтобы я оставил тебя одну в этом разбойничьем гнезде! – обеспокоился Сирт.

Девушка пожала плечами.

– Зачем же рисковать обоим? – возразила она. – Нет, Сирт, делай то, что я говорю. Пусть о тебе никто не знает. Сегодня же перед закатом приходи на это же самое место. Если меня не будет, то, значит, дела мои не так хороши, как нам бы хотелось. Но я надеюсь, что все обойдется. Пираты не посмеют меня тронуть, узнав, что я жена Мемнона Александрийца, которому благоволит сам Требаций Тибурус... Слышал о нем?

– С тех пор, как его молодцы прошлым летом разграбили Остию, имя этого архипирата у всех на устах.

– Итак, тебе известно ровным счетом столько же, сколько знаю я. А теперь слушай, что тебе надо сделать. Узел с вещами пусть остается с тобой. Денег у тебя на первое время хватит. Только не останавливайся в какой-нибудь дешевой ночлежке для бродяг. Там у тебя могут украсть последнее. Найди приличный деверсорий и будь осторожен.

– Да помогут тебе все бессмертные боги! Что бы ни случилось, знай, что я всегда рядом, помню о тебе и жизни не пожалею ради тебя...

Глава четвертая

Гостиница «Аретуса» и ее хозяин. – Ювентина. – Квинт Варий

Девушка поднялась по каменной лестнице в портик, из которого открывался вид на необъятный голубой простор моря.

Гостиница стояла на возвышенном месте примерно в двухстах шагах от зубчатой крепостной стены, тянувшейся вдоль берега в сторону Малой гавани. За стеной виднелась бухта, в которую изливался широкий ручей, тот самый, о котором говорил юный мистагог.

Здание гостиницы представляло собой большой двухэтажный греческий дом. Со стороны бухты к нему примыкала колоннада, ограждавшая место для летней трапезной. Над колоннадой была растянута крыша из парусины. В просветах между колоннами виднелись небольшие столы, за которыми обедали посетители.

Над входом в гостиницу прикреплена была большая вывеска. На сильно полинявшем от времени холсте можно еще было различить обнаженную красавицу, сидевшую под сенью кипариса на морском берегу и стиравшую руку вслед уходящему в море кораблю с распущенным белым парусом. Несомненно, художник изобразил на своей картине речную нимфу Аретусу, о чем свидетельствовала и латинская надпись, сделанная внизу картины: «Здесь Аретуса обещает мореплавателям свое заступничество перед Нептуном и Амфитритой, а хозяин – отличный обед и комнату для отдыха».

– Чем могу служить, госпожа? – обратился к девушке стоявший в портике старый привратник или управляющий. – Должен сразу предупредить, что свободных мест в гостинице нет.

– Мне нужно повидаться с Гаем Видацилием, хозяином гостиницы, – сказала девушка. – У меня к нему очень серьезный разговор.

Привратник замаялся немного, потом махнул рукой.

– Ладно, – сказал он. – Если разговор действительно важный, господин не рассердится на меня за то, что я его побеспокоил. Следуй за мной, госпожа! Сюда, сюда, по этой лестнице. Господин отдыхает на солнечной галерее.

Девушка поднялась вслед за привратником по узкой каменной лестнице на самую крышу дома, где находилась так называемая солнечная галерея, столь распространенная в домах богатых греков и римлян.

На галерее в плетеном кресле под парусиновым навесом сидел грузный мужчина с лицом мрачным и неприветливым.

– Вот, господин, – обратился к нему привратник. – Эта девушка желает поговорить с тобой о каком-то важном деле.

Лицо хозяина гостиницы, как показалось девушке, стало еще более пасмурным.

– Ступай! – приказал он привратнику, и тот удалился.

Хозяин гостиницы смерил девушку тяжелым и оценивающим взглядом.

– О чем ты хотела поговорить со мной? – спросил он.

Она подошла к нему почти вплотную и сказала негромко, чуть заметно волнуясь:

– Приветствую тебя, Гай Видацилий! Да покровительствуют боги тебе и твоему заведению! Меня зовут Ювентина, я жена Мемнона Александрийца, которого ты хорошо знаешь.

Гай Видацилий сурово сдвинул брови.

– Ты меня с кем-то путаешь, красавица, – ответил он. – Я не знаю никакого Мемнона Александрийца.

Щеки Ювентины порозовели.

– Хорошо, – сказала она, – в таком случае прими эту гостевую табличку. Надеюсь, ты не забыл своего старого друга и гостеприимца Тита Стация Сальвидиена.

Она вынула из внутреннего кармана плаща небольшую деревянную табличку и протянула ее хозяину гостиницы.

Тот взял из руки девушки табличку и стал внимательно ее рассматривать. Видно было, что она произвела на него некоторое впечатление.

– И чего же ты хочешь? – спросил он по-прежнему неласково.

– Во-первых, я желала бы остановиться в твоей гостинице...

– К сожалению, все комнаты заняты.

– Я готова довольствоваться самым скромным помещением. Очень устала с дороги.

– Хорошо, – немного помедлив, сказал Видацилий. – Пойдем со мной.

Он поднялся с кресла и повел девушку по галерее в сторону летней трапезной.

Вскоре они спустились вниз и очутились перед дверью небольшой пристройки у входа в трапезную.

– Милости прошу! – распахивая перед девушкой дверь, произнес хозяин гостиницы.

Девушка не колеблясь шагнула в небольшую полутемную комнату. Видацилий вошел следом, плотно прикрыв за собой дверь.

Ювентина быстро огляделась. Эта крошечная комната напоминала тюремную камеру. У стены была узкая кровать, а рядом с ней, у изголовья, стоял круглый дельфийский столик. Пол, впрочем, устилал дорогой цветастый ковер.

– Гостевая табличка, действительно, от моего друга Сальвидиена, – заговорил Видацилий. – Но вот что я скажу тебе, красавица. Мне нужно убедиться в том, что ты не подслана ко мне римлянами. Если не объяснишь толком, почему ты здесь и чего тебе нужно, то приготовься к самому худшему.

Ювентина трепетно вздохнула.

– Ты не веришь мне. Что я могу сказать? Только то, что я беглая рабыня и сама скрываюсь от римлян. Несколько месяцев назад я убежала из Рима. Меня объявил в розыск претор Рима Луций Лициний Лукулл...

Видацилий посмотрел на нее с недоверчивой усмешкой.

– Сам претор? – переспросил он. – Это что же такое можно было натворить, чтобы сам римский претор занялся такой юной особой? – медленно произнес он. – Может быть, ты хотела поджечь Капитолий?

– Если наберешься терпения и выслушаешь меня, то, может быть, поверишь моим словам, – сказала Ювентина, стараясь говорить спокойно. – Четыре месяца назад я стала рабыней римского всадника Тита Минуция. Ты, наверное, слышал о недавнем мятеже рабов близ Капуи? Минуций сам его подготовил. Он купил в кредит оружие и убедил своих собственных рабов поднять восстание против римлян. Надо сказать, что этот молодой человек относился ко мне с сочувствием и не раз говорил мне, что я достойна лучшей участи, чем быть рабыней тех негодяев, которые владели мной до него. Незадолго до восстания я уговорила его помочь Мемнону и пятерым его товарищам совершить побег из римской гладиаторской школы. С Мемноном я познакомилась еще прошлым летом и полюбила его всей душой. Я была готова на все, только бы вырвать его из этой тюрьмы для смертников. У Минуция тоже был свой расчет относительно Мемнона, который обещал ему помочь в бегстве к пиратам на Крит...

– Это интересно, – оживился Видацилий. – Ты хочешь сказать, что высокородный римский всадник Минуций собирался войти в предосудительное сообщество эвпатридов моря?

– Мемнон говорил мне, что Минуций в случае неудачи восстания хотел бежать на Крит, куда не в состоянии была бы дотянуться до него рука римского правосудия.

– Это было бы весьма благоразумно с его стороны, – усмехнувшись, произнес Видацилий. – Руки коротки у римлян, чтобы распоряжаться на Крите, как у себя дома... Но продолжай, я слушаю тебя.

– Минуций при подготовке побега гладиаторов продумал все до мелочей, приказав своим рабам устроить для них тайник с оружием и одеждой на пути их бегства. В общем, побег удался. Правда, стражники из школы Аврелия настигли нас близ Альбанского озера, но гладиаторы обратили их в бегство. Они убили в схватке с ними десять человек и завладели их лошадьми. Это помогло нам спастись. Вскоре весть о случившемся дошла до Рима и, видимо, наделала там много шума. Как потом стало известно, сенат приказал претору Лукуллу провести строгое расследование и организовать поимку беглых гладиаторов. Я тоже была объявлена во всеиталийский розыск. Претору стало известно, что я пособница побега гладиаторов... Не стану утомлять тебя рассказом о наших злоключениях во время бегства. Скажу только, что близ Таррацины я чуть не умерла, заболев горячкой. Мемнон сказал товарищам, чтобы они следовали дальше, а сам остался вместе со мной в чаще леса. Я выжила только благодаря его самоотверженному уходу. Когда болезнь немного отступила, Мемнон и я добрались до Кайеты, где нас и приютил на время этот славный старик Сальвидиен. Нашим товарищам-гладиаторам удалось благополучно добраться до кампанского имения Минуция, который вскоре поднял восстание. Мемнон и я прибыли в его лагерь, когда он уже одержал три победы над ополчениями из Свессул, Ацерр и Капуи. Минуций показал себя блестящим военачальником, действуя отважно и предусмотрительно. Силы его росли с каждым днем. Прибывший из Рима претор Лукулл собрал пятитысячное войско против трех с половиной тысяч кое-как вооруженных рабов, которыми располагал тогда Минуций. Однако претор потерпел сокрушительное поражение. Его войско было рассеяно. Преторский легат, девять центурионов и восемьсот солдат попали в плен. После такой удачи Минуцию нужно было бы идти походом на юг Италии, чтобы переправить войско в Сицилию, как ему советовали некоторые рассудительные люди, но он не хотел уходить из Италии, строя свои честолюбивые планы. Он предполагал, что с наступлением лета кимвры пойдут на Рим, который окажется в тяжелом положении. Минуций рассчитывал к этому времени собрать огромную армию рабов и двинуть ее на помощь Риму. Я знаю, что он в глубине души надеялся заслужить прощение у сената, когда Рим будет осажден бесчисленными варварами. Он мечтал о славе изгнанника Фурия Камилла, освободившего город от галлов. Поэтому он остался в Кампании, заперев Лукулла в Капуе и осадив соседний город Казилин. Все-таки он был римлянином. По-настоящему возглавить дело рабов он, по-моему, не собирался...

Ювентина, утомленная долгой речью, замолчала.

– Мы здесь тоже слышали об этом странном мятеже, – задумчиво проговорил Видацилий, – тем более странном, что во главе его был римский всадник из очень знатного рода. Говорят, претор Лукулл распял его на кресте. Это правда? – спросил он.

– Нет, – ответила девушка. – Минуций покончил с собой в капуанской тюрьме.

– Но почему же Мемнон ни словом не обмолвился о тебе и не уведомил меня, что ты можешь появиться здесь? – помолчав, снова спросил Видацилий. – Как ты это объяснишь?

– Он ничего не рассказал обо мне потому, что считал меня погибшей... В ту ночь, когда римляне захватили Минуция с помощью одного предателя, я была в имении его возлюбленной, где все и произошло. Кажется, Минуция заманили в западню благодаря этой женщине. Он ее очень любил. Предатель, отпущенник Минуция, этим воспользовался. Он привел с собой в имение отряд римских легионеров. Римляне перебили телохранителей Минуция, а его самого взяли живым. Меня тоже схватили, но мне и еще одному юноше удалось спастись бегством. Римляне гнались за нами. Мы бросились в реку. Мне удалось добраться до противоположного берега... Потом я узнала от рабов имения, что вернувшиеся в усадьбу римляне хвастались, что убили нас обоих и сами видели, как мы пошли ко дну, пронзенные дротиками. Вскоре солдаты

ушли из имения, а под вечер туда прискакали на конях Мемнон и его товарищ Варий, которые каким-то чудом вырвались живыми из битвы под Казилином. Там стоял укрепленный лагерь восставших. Ночью с помощью предателей римляне ворвались в него. Утром все было кончено. Избежавшие гибели Мемнон и Варий ничего не знали о судьбе Минуция. Они приехали на отбитых у римлян конях в имение Никтимены (так звали его возлюбленную), чтобы забрать меня с собой, но им сообщили, что я погибла... А я вернулась на виллу только поздно ночью. Там были все мои пожитки. От виллика я узнала, что Мемнон и Варий живы. Я была вне себя от счастья, но, к сожалению, Мемнон так и остался в уверенности, что меня нет в живых... Вот и вся моя история. Теперь-то ты веришь мне?

И Ювентина с надеждой посмотрела на хозяина гостиницы.

– Не торопись, девушка, сначала мне нужно кое-что выяснить, – в раздумье сказал Видацилий. – Ты и сама понимаешь, что рассказ твой не совсем обычный и не очень связный. Побудь-ка здесь, в этой комнате. И не пытайся кричать или звать на помощь, только себе же хуже сделаешь, – внушительным тоном предупредил он.

Он повернулся к двери, собираясь уходить, но Ювентина остановила его.

– Ответь мне только на один вопрос... Мемнон отправился на Крит? – спросила она.

– Думаю, что он уже там, – сказал Видацилий, немного помедлив. – Корабль, на котором он ушел в море, следовал курсом на Мелиту³⁸, чтобы забрать оттуда ценный груз. Оттуда до Крита пять дней ходу при попутном ветре.

С этими словами Видацилий вышел из комнаты и запер дверь снаружи. Ювентина услышала, как звякнул железный засов.

Она присела на край кровати и еще раз окинула взглядом маленькую комнату. Свет проникал в нее сквозь крошечное окно, расположенное высоко над самой дверью. За стеной, обращенной к трапезной, изредка слышались громкие голоса посетителей, которые подзывали прислужников.

Ювентина прилегла на кровать и закрыла глаза. Она чувствовала себя очень усталой, но спать почему-то не хотелось. Морское путешествие она перенесла на удивление легко. Только в первый день плавания дала о себе знать морская болезнь, от которой мучительно страдали многие на корабле, в том числе и Сирт, хотя он постоянно хвастался своим железным здоровьем. В конце плавания среди пассажиров началась паника: пронесся слух, что судно дало течь. Видимо, дело было серьезное, потому что кормчий приказал править к берегу. Когда корабль уткнулся носом в песок, все пассажиры, ругаясь и проклиная кормчего вместе с его кораблем, сошли на берег и побрели пешком в сторону Сиракуз. Ювентина же отчасти была рада этой вынужденной остановке, так как получила возможность искупаться в море.

Местом высадки был небольшой залив неподалеку от так называемого Льва – большой скалы, напоминавшей своим видом львиную гриву. Здесь она впервые за всю свою жизнь окунулась в чистую и прозрачную морскую воду, испытыв ни с чем не сравнимое удовольствие.

Ювентине вдруг отчетливо вспомнилась яркая картина детства: она, десятилетняя девочка, купается в Альбанском озере, а мать, присев на серый базальтовый камень в тени большого ветвистого дерева, с улыбкой наблюдает, как дочка весело барахтается в воде, похваливаясь перед нею своим умением плавать и нырять...

Но она не позволила этим светлым воспоминаниям овладеть собой. Нужно было думать о настоящем и будущем. Итак, прошло уже более трех месяцев с той ночи, когда она навсегда оставила Рим. Это было каким-то чудом, что она и Мемнон благополучно избежали стольких опасностей. Она должна была умереть в холодном Таррацинском лесу. Она чувствовала тогда близкое дыхание смерти, хорошо помнились ей ее горячечные ощущения и равнодуш-

³⁸ *Мелита* – древнее название острова Мальты.

ная мысль, что вот уже конец и она умирает. Но жизнь вернулась к ней. Рядом неотлучно был Мемнон, которого она полюбила с новой силой, безумно и безоглядно...

Глубоко вздохнув, Ювентина стала думать о том, как она будет счастлива, когда снова увидит его. Хорошо, если это случилось бы как можно скорее. Больше всего она опасалась, что Мемнон порвет с пиратами и отправится в Грецию, в Афины, где у него были родственники. Этого вполне можно было ожидать, потому что он однажды говорил ей, что в случае, если обстоятельства не позволят им устроиться в Кидонии, у них появится возможность с помощью его афинских родственников обосноваться в одном из городов Эллады. Мемнон тяготился жизнью пирата и твердо решил покинуть Требакия. Он говорил, что, по большому счету, не обязан служить ему до конца своих дней. Из римского плена он вырвался только благодаря Минуцию, Ювентине и Иринею. Правда, Требакий незадолго до этого предпринял неудачную попытку освободить его посредством обмена на захваченного пиратами молодого римского всадника из богатой семьи...

«Если Мемнон оставил Крит, – размышляла Ювентина, – тогда я отправлюсь в Афины. Хватит ли денег на такое путешествие? Можно будет продать что-нибудь из одежды, а также расстаться с золотыми серьгами, оставшимися у меня как память о матери. В крайнем случае, напишу Лабиену и его отцу. Они должны помочь. Отец Лабиена стал намного богаче, сделавшись собственником дома Минуция в центре Рима. Старик, кажется, и раньше неплохо ко мне относился, а теперь, когда он знает, что я спасла жизнь его любимому сыну, не откажет мне в помощи...».

С этими мыслями Ювентина незаметно для себя уснула, но спала недолго. Чуткий сон ее был нарушен чьими-то пронзительными голосами.

Проснувшись, она не сразу поняла, откуда так отчетливо доносятся голоса, но вскоре обнаружила источник звуков, проникавших в комнату. Они доносились через круглую отдушину в стене, которая была обращена к трапезной. Ювентина догадалась, что это было специально сделанное отверстие для подслушивания и подсматривания за тем, что происходило в трапезной. Мемнон как-то рассказал ей о разных ухищрениях, к которым прибегали пираты, чтобы собрать нужные сведения о богатых путешественниках, посещавших «Аретусу», в том числе и о подслушивании их разговоров в трапезной из специальной комнаты. Несомненно, она находилась именно в этой комнате.

Ювентина вскочила с кровати и, приподнявшись на цыпочки, заглянула в отдушину. Глазам ее открылась только небольшая часть трапезной: несколько столов и сидевших за ними людей, одетых в белые тоги.

В трапезной раздавалась латинская речь. Почти все присутствующие в ней были римляне из всаднического сословия.

Лицо одного из них, грубое и неприятное, Ювентина сразу узнала.

Это был центурион Марк Тициний, которого она видела на пиру у Волкация в тот памятный день, когда неожиданная прихоть Минуция так резко изменила всю ее жизнь. Ювентина вспомнила, что в тот вечер Тициний просил Клодия помочь ему устроиться в свиту нового претора Сицилии Публия Лициния Нервы. Судя по всему, Клодию удалось выполнить просьбу центуриона.

В то время как прислуживавшие в трапезной рабы расставляли на столах блюда с кушаньями и чаши с вином, римляне крикливыми голосами переговаривались между собой.

За ближним столом двое сотрапезников делились новостями из Рима.

– Оратора Марка Антония едва не притянули в суд за инцест, – говорил один из них. – Люди давно уж заметили: дочь его заневестилась, только наш краснобай не торопится выдавать ее замуж...

– Сплетни, клянусь Юпитером! – с сомнением отвечал другой.

– Весь Рим об этом говорит, но только один свидетель мог бы выложить всю правду...

– И кто же этот свидетель?

– Доверенный раб Антония, которого восемь раз подвергали пытке. Сам Антоний пошел на это, пригласив в свой дом множество свидетелей из уважаемых в Риме людей.

– И что же?

– Молчал раб, не хотел давать показания против своего господина...

– А каково теперь жене Антония! Ведь стыдно людям на глаза показаться...

– Так ей и надо! Сама-то она никогда не корчила из себя никому недоступную Пенелопу.

– Только не упоминай Пенелопу, когда говоришь об этой толстой жабе! Пенелопа и после смерти Одиссея была отменной бабенкой, если Телегон, сын Одиссея и Кирки, женился на ней и потом имел от нее детей...

Со стороны дальних столов до Ювентины доносились резкие голоса. Там, не стесняясь в выражениях, ругали постановление сената о союзниках.

– Рабы – это наша собственность. Кто возместит нам их стоимость? – кричал высокий сухопарый старик, неряшливо завернутый в тогу.

– В Риме, кажется, все с ума сошли от страха перед варварами! – вопил другой римлянин с лицом, искаженным яростью. – Из-за этого постановления, неслыханного по своей наглости, рабы толпами убегают из имений... А кто будет пахать и сеять, разбрасывать удобрения? Кто станет убирать урожай?

Остальные собеседники разразились негодующими возгласами:

– Пусть Марий сам закупает себе рабов на деньги из своей нумидийской добычи!

– Его прихвостень Нерва убеждает всех, что боится гнева сената, хотя он должен больше бояться нас, которые его будут судить в Риме по окончании срока его полномочий.

– Верно! Уже в этом году суды отнимут у сената и передадут их нам, всадникам. Нужно напомнить об этом Нерве, если он не образумится.

– Возмутительно! Сенаторы хотят за наш счет пополнить вспомогательные войска! Во время войны с Ганнибалом за рабов-добровольцев хотя бы обещали владельцам возместить их стоимость!

– Вспомогательные войска из рабов! Клянусь двенадцатью богами Согласия! Неужели мы, свободные, пали так низко, что стали доверять свою безопасность презренным рабам! – громким голосом сказал один из посетителей, сидевший за одним из столов спиной к Ювентине, которая с удивлением узнала голос говорившего – она узнала бы его из тысячи других.

Это, несомненно, был голос публикана Клодия, с грубой наглостью преследовавшего ее в Риме четыре месяца назад.

– Надо положить конец этому беззаконию, иначе скоро все мы останемся без рабов, – продолжал Клодий. – Косконий верно подметил, что в Ганнибалову войну государство выкупало рабов, обещая выплатить за них все сполна после победы, а ныне всех нас просто ограбили...

Со всех сторон раздались яростные голоса:

– Грабеж, да и только!..

– Как будто мы не римские граждане, а какие-нибудь грекосы!..

В этот момент Ювентина услышала звук отодвигаемого дверного засова.

Она отпрянула от слухового отверстия и села на кровать.

Дверь открылась, и в комнату вошел Видацилий, а вслед за ним показался седоволосый человек, в котором Ювентина с изумлением и радостью узнала Квинта Вария.

– О боги! Варий! – закричала она.

– Возможно ли? – воскликнул фрегеллиец. – Неужели это ты? Ювентина! Глазам не верю! Жива!..

Ювентина бросилась к нему на шею и в порыве радости несколько раз поцеловала.

Она сразу начала его расспрашивать о Мемноне.

– Я простился с ним двадцать дней назад, – быстро заговорил Варий. – Он торопился попасть на Крит. Будем надеяться, что он жив и здоров...

– Расскажи, как вам удалось спастись? – нетерпеливо спросила девушка.

– Прости, Ювентина. К сожалению, я очень спешу. Меня ждут, боюсь опоздать. Мне предстоит поездка в другой город по очень важному для меня делу. Когда вернусь, поговорим обо всем. Я не нахожу слов... Какая радость для Мемнона! Это просто чудо! Прости, но я должен идти. Мы еще увидимся... обязательно увидимся.

Варий повернулся к Видацилию и сказал ему:

– Этой девушке ты можешь полностью доверять. Не сомневайся. Все, что она тебе рассказала, – суцая правда.

Затем он снова обратился к Ювентине и произнес с чувством:

– Благодарение богам! Я так рад, Ювентина... за тебя, за Мемнона!

Он обнял девушку и, еще раз пообещав навестить ее, быстро вышел из комнаты.

– Теперь я спокоен, – сказал Видацилий, и морщины его сурового лица немного разгладились.

– Но как ты нашел его? – взволнованно спросила Ювентина, которая еще не совсем пришла в себя после неожиданного появления Вария.

– Это было нетрудно. Я послал за ним на Племмирий одного из своих рабов с просьбой срочно навестить меня. Я знал, где он остановился по прибытии в Сиракузы. Мемнон успел познакомить меня с ним и уверил, что на него во всем можно положиться. Я и раньше о нем слышал. Кто из нас, италиков, не помнит имени квестора Фрегелл Квинта Вария, возглавившего восстание против Рима?..

Глава пятая

Преторский эдикт. – Леена. – Возвращение Вария

На следующий день у пританея в Ахрадине выставлен был еще один альбум. Это был эдикт претора Сицилии. В нем подробно разъяснялось, какими правилами претор будет руководствоваться при освобождении рабов согласно постановлению сената. Провозглашалось, что сенатусконсулт³⁹ о союзниках касается лишь рабов, которые до продажи в рабство являлись верноподданными союзных с Римом царей и тетрархов. К этой категории относились и проданные в рабство за долги свободнорожденные выходцы из Италии. Лица, попавшие в рабство по приговору суда за совершенные преступления или за участие в мятежах, освобождению не подлежали.

Первое судебное заседание претор провел в ахрадийском пританее, возле которого на площади собралась огромная толпа стоявших в очереди рабов, прибывших в Сиракузы из разных мест.

В этот день Нерва заседал почти до наступления сумерек и успел освободить не менее восьмидесяти рабов.

Между тем быстро нарастал приток рабов из самых отдаленных областей. Их можно было различить по ветхой и грязной одежде, деревянным сандалиям и почерневшим от солнечного загара лицам.

Можно было подумать, что весть о сенатском постановлении облетела всю Сицилию едва ли не за один день. По всем дорогам, ведущим к столице провинции, поодиночке и группами спешили обездоленные, самовольно покинувшие поместья своих господ и преисполненные надеждой получить свободу посредством преторской виндикты⁴⁰.

В последующие девять дней еще несколько сотен рабов получили свободу. Правда, всех освобожденных при этом обязывали принимать присягу на верность Риму с последующей службой во вспомогательных войсках союзников. Из них по приказу претора были составлены первые две когорты, подлежащие отправке в Рим. «Союзников римского народа» временно поместили в старом зимнем лагере для римских легионеров неподалеку от Шестивратия, как назывались северные ворота города. Солдат в лагере уже не было, так как по приказу сената все отряды, состоявшие из римских граждан, еще в минувшем году покинули провинции, где они несли службу, и возвратились в Рим, чтобы пополнить легионы, готовившиеся к войне с кимврами.

Хотя собравшимся в Сиракузах рабам очень не нравилось, что после освобождения они будут привлечены к военной службе и, возможно, в самом скором времени примут участие в опасном походе против кимвров, все они без исключения находились в радостном возбуждении, предвкушая близость желанной свободы.

Между тем претор Сицилии с каждым днем убеждался в верности предсказаний своего отпущенника Аристарха. О том, что происходило на собраниях конвента римских граждан, ему подробно доносили Тициний и Клодий.

Сицилийская знать, большею частью римские всадники, владельцы латифундий, съезжалась в Сиракузы целыми депутациями из различных областей провинции. Они приходили в преторский дворец, уговаривая Нерву прекратить освобождение рабов. Одновременно наместника провинции засыпали анонимные письма, в которых было больше угроз, чем просьб. В ответ Нерва усилил охрану своей персоны и каждый день являлся в пританей с отрядом вооруженных до зубов легионеров из преторской когорты.

³⁹ *Сенатусконсулт* – постановление римского сената (лат. *senatus consultum*).

⁴⁰ *Виндикта* – особый преторский жезл освобождения. Прикосновение им к рабу служило символом отпущения на волю.

Жадность землевладельцев приводила претора в ярость. Похоже, они больше рассчитывали на грубый шантаж и угрозы, чем на подкуп.

– Проклятые скряги! – сетовал Нерва в очередной беседе с Аристархом. – Они думают, что напугают меня своими анонимными писульками. Нет, я скорее их всех разорю! Передай Публию Клодию, чтобы он намекнул конвенту о том, что Нерва равнодушен к угрозам, но не равнодушен к деньгам. Пусть раскошеляются, мерзавцы! Иначе очень скоро из вифинцев и каппадокийцев я составлю по легиону, а потом возьмусь за сирийцев, – грозился претор.

* * *

Ювентина все эти дни проводила в своей маленькой тесной комнатке.

Днем она не выходила наружу, опасаясь попасть на глаза Клодию, Тицинию или еще кому-нибудь из римлян, кто мог бы признать в ней объявленную в розыск беглую рабыню из Рима.

Каждый вечер в летней трапезной собирался сиракузский конвент римских граждан, и ей невольно приходилось слушать обо всем, что говорилось на их бурных собраниях.

Голоса Клодия и Тициния, которые постоянно присутствовали на заседаниях конвента, раздавались особенно часто. Оба они, как поняла Ювентина, специально подливали масла в огонь и подбивали собрание собирать деньги для дачи взятки претору, с тем чтобы тот прекратил разбор всех «рабских дел».

С Сиртом она встречалась ежедневно после заката солнца. Тот обычно поджидал ее на тропинке, тянувшейся от гостиницы к морю вдоль крепостной стены. Верный слуга рассказывал ей о городских новостях, о толпах рабов, стекающихся каждый день на площадь в Ахрадине и выстаивающих огромные очереди перед пританеем, где претор вершил свой суд.

Видацилий пообещал Ювентине при первой же возможности устроить ее на корабль, следующий на Крит, и даже оплатить проезд.

– К Мемнону я всегда хорошо относился, и мне приятно будет оказать ему любую услугу, – говорил он.

О хозяине «Аретусы» Ювентина многое знала из рассказов Мемнона. Видацилий долгое время служил на кораблях Требация, близким другом которого он был еще со времени трибуната Тиберия Гракха. В Риме оба они были бедными пролетариями и в числе первых примкнули к движению реформатора, а после того, как Тиберий был убит оптиматами, бежали в Малую Азию, где им пришлось участвовать в войне на стороне Аристоника. После того, как Аристонику был разбит и захвачен в плен, Видацилий последовал за Требацием на Балеарские острова, откуда римские изгнанники в течение ряда лет совершали свои набеги на берега Италии. Но римляне в скором времени захватили Балеары, превратив их в свою новую провинцию. Эскадра Требация вынуждена была уйти на Крит, дорийские общины которого были еще достаточно сильны, чтобы противостоять хищным устремлениям Рима. К тому времени Видацилию было уже шестьдесят три года, и морская служба стала ему в тягость. Требаций предложил ему обосноваться в каком-нибудь приморском городе. Архипирату выгодно было иметь своих людей на берегах, окружавших все Внутреннее море. Его состарившиеся друзья жили даже в портовых городах Африки. Это были его глаза и уши. Видацилий избрал Сиракузы. Бывший пират, появившись там, выдавал себя за уроженца Сабинской земли. Жил он неприметно, стараясь не попадаться на глаза римлянам, из которых кто-нибудь мог признать в нем старого гракхианца. Впрочем, по истечении двадцати лет мало оставалось римлян, сохранивших враждебную память о братьях Гракхах. Напротив, весьма многие, особенно те, кто был помоложе, считали их борцами за правое дело. Видацилий не раз слышал из потайной комнаты, как хвалили обоих реформаторов в трапезной на собраниях конвента римских граждан. Особенно с горячим одобрением вспоминали Гая Гракха, отнявшего суды у сената и передавшего их всадническому сословию. Поэтому Видацилий меньше опасался, что его разоблачат

как участника мятежа Гая Гракха и Фульвия Флакка, чем как пособника и соглядатая архипирата Требация Тибура, которого ненавидели и боялись все римляне.

Ювентина, чтобы скрасить свое заточение, занималась чтением книг, которые, по ее просьбе, раздобыл Видацилий. Это были в основном трудные для восприятия сочинения греческих писателей, в основном философов. Мало кто их читал, и по этой причине большая часть принесенных Ювентине свитков была в хорошем состоянии. Но одна из этих книг ее заинтересовала. Автором ее был Тимей⁴¹, весьма подробно излагавший историю Сицилии, начиная от времени основания города Наксоса – первой греческой колонии на сицилийской земле. Порой Ювентина читала ее вслух, найдя прилежную слушательницу в лице приставленной к ней молоденькой рабыни по имени Леена.

Девушка была немая, но хорошо слышала, потому что бедняжку специально лишили языка какие-то жестокие работоторговцы. Ювентина и раньше слышала, что на невольничьем рынке Делоса рабы и рабыни с «урезанными» языками пользуются большим спросом и стоят дорого. В немых слугах и служанках, особенно если они были совершенно неграмотны, нуждались многие богачи, погрязшие в разврате и преступлениях. Имея таких рабов и рабынь, они могли не опасаться их свидетельских показаний в суде.

С наступлением ночи Ювентина и Леена выбирались из гостиницы и уходили на берег моря, точнее, небольшой бухты, в которую впадал ручей Аретуса. Там они облюбовали укромное место, где можно было расстлать циновки и отдохнуть после купания.

Так прошли долгие десять дней, похожие один на другой. Видацилий все это время посылал своих рабов в гавань, чтобы они узнавали, нет ли кораблей, которые готовились бы к переходу на Крит.

Ювентина не теряла надежды, что ее в скором времени навестит Варий. Но время шло, и она уже стала серьезно опасаться, не случилось ли с фрегеллийцем какой-нибудь беды.

Варий появился лишь на одиннадцатый день. Как оказалось, он совершил поездку в область города Мерганы по какому-то важному делу. Ювентина не сомневалась, что дело это опасное. Она интуитивно догадывалась, что человек, участвовавший в двух больших мятежах, вряд ли смирился со своей участью изгнанника. Из рассказов Мемнона ей было известно, что Варий оказался в лагере Минуция потому, что римлянин хотел привлечь к рабскому восстанию и свободных италиков. Минуций считал, что кимвры после своей победы при Араузионе не заставят себя долго ждать и ринутся в Италию. Ему не давала покоя слава Фурия Камилла, изгнанника, который, собрав большую армию, пришел на выручку осажденному галлами Риму. Армия, составленная из рабов и свободных жителей Италии, которую можно было двинуть против варваров – вот что сблизило Варию и Минуция. Но здесь, в Сицилии? На кого Варий решил здесь опереться? Только на рабов? Только ради них восстать против Рима? Ведь свободная сицилийская чернь далека от того, чтобы подняться против римского владычества...

Ювентине не терпелось поговорить с фрегеллийцем о Мемноне. Она заставила его подробно рассказать о кровавой бойне под Казилином, в которой были истреблены все участники восстания. Варий и Мемнон не сомневались в том, что живыми удалось вырваться из сражения только им двоим. Ювентина печально с этим согласилась, умолчав о Сирте. Она подумала, что Варию о нем знать не обязательно.

– Мы пробили брешь в строю этих башмачников и устремились к городу, – описывал фрегеллиец последние отчаянные схватки у городских ворот и на Казилинском мосту. – Нас оставалось не более двухсот человек. Въездные ворота оказались не запертыми: слишком велика была уверенность казилинцев в своей победе. Мы решились на отчаянную попытку пробиться

⁴¹ Тимей – греческий историк (345/340—250 гг. до н. э.). Написал историю Сицилии и других западных областей Средиземноморья. Из его произведений сохранились лишь незначительные отрывки.

через весь город на противоположный берег Вултурна. Мемнон первым вбежал в ворота, помешав охранявшим их солдатам опустить решетку...

– Вы ворвались в самый Казилин? – поразилась Ювентина, слушавшая рассказ фрегеллийца с глубоким волнением.

– Да. Но нам не удалось проложить себе путь к воротам, выходящим на Латинскую дорогу. Ты ведь знаешь, что город на две части разделен рекой. На Казилинском мосту мы сошлись с солдатами городской милиции. Произошла свалка. Деревянные перила моста не выдержали и рухнули, увлекая за собой дерущихся. Мемнон и я тоже оказались в воде. Ухватившись за толстый брус, оставшийся от сломанных перил, мы поплыли вниз по течению, и вскоре нас вынесло за пределы города. Вода была ледяная. На левом берегу, вопреки нашим ожиданиям, тоже были римляне. Те из наших, кому удалось вырваться из окруженного врагами лагеря, бежали к Вултурну, чтобы вплавь добраться до противоположного берега, но там их беспощадно избивали римляне и вооруженные дубьем казилинцы. Мы с Мемноном проплыли серединой реки не меньше мили и, наконец, выбрались на левый берег, стуча зубами от холода. Вскоре нас настигли трое римских конников. У меня из оружия оставался один кинжал, но Мемнон сохранил свой меч. То, что произошло потом, трудно описать. Никогда в жизни я не встречал воина, который с таким искусством, как Мемнон, отражал и наносил удары. Повторяю, всадников было трое. Одного из них он каким-то непостижимым образом свалил с коня и завладел его мечом. Он успел вскочить на коня поверженного римлянина и, держа по мечу в каждой руке, вступил в бой с двумя другими всадниками. Нет, такого не увидишь ни на одной гладиаторской арене! Все было кончено в несколько мгновений. Мемнон уложил на месте обоих. Поверишь ли, одному из них он на скаку снес голову!.. Вот так благодаря его отваге мы заполучили коней и спаслись. Без остановки мы гнали лошадей до слияния Вултурна и Литерна. Там был мост, по которому мы перебравшись на правый берег Вултурна. Мемнон все время думал о тебе. Он и слышать не хотел о том, чтобы продолжать бегство без тебя. Мы договорились, что доберемся до виллы Никтимены, заберем тебя с собой и все вместе отправимся в Сицилию. Хотя большинство дорог были затоплены разливом реки, мы еще до заката напрямик через заливные луга прискакали на виллу, где рабы имения сообщили нам, что ты погибла, а Минуций, преданный Аполлонию, отвезен римлянами в Капую. На Мемнона больно было смотреть – так неутешен был он в своем горе... Зато теперь! Хотел бы я первым передать ему радостную весть, что ты жива и здорова!

Варий умолк и после небольшой паузы спросил:

– Ну а ты, девочка? Что с тобой произошло?

Ювентина коротко поведала о своих злоключениях. Вария заинтересовала ее встреча с Лабиемом.

– Это тот самый центурион, приятель Минуция, которого ты не дала прикончить у Тифатской горы?

– Он обещал, что замолвит слово за Геродора перед претором. Но я не знаю, удалось ли бедному юноше избежать казни. Всех взятых в плен при Казилине претор приказал подвергнуть пыткам и распять на крестах.

– А Минуций? – тихо спросил Варий. – Ты думаешь, что Лабиему удалось передать ему яд?

– В этом я не сомневаюсь, – ответила Ювентина и тяжело вздохнула.

– Ах, если бы не этот предатель! – со злобой воскликнул Варий. – Какое большое дело загублено из-за одного негодяя!

Он помолчал, затем сказал:

– Мне нужна твоя помощь в одном деле.

– Моя помощь? – с удивлением переспросила Ювентина.

– Но сначала я должен кое-что объяснить тебе... Буду откровенен. Я пришел к выводу, что в Сицилии скоро начнется великая смута. Будут заговоры и мятежи, будет литься кровь. И если за дело восстания не возьмется опытная рука, римляне с легкостью расправятся со стихийными и неорганизованными бунтами рабов...

– И под этой опытной рукой ты подразумеваешь себя? – спросила Ювентина, бросив на собеседника пылливый взгляд.

– А почему бы и нет? – спокойно ответил Варий. – Я участвовал в двух восстаниях, кроме того, имею большой военный опыт, полученный мною еще в молодости, когда я служил в римской армии. Теперь я отверженный, изгнанник. Я ненавижу римлян, отнявших у меня родину, семью, могилы предков. Совсем недавно я не мог представить себя в рядах взбунтовавшихся рабов. Пример Минуция, римского всадника из древнего рода, оказал на меня большое воздействие. Я хочу повторить его начинание, но постараюсь не совершить допущенных им ошибок... Недавно я познакомился с людьми, которые, так же как и я, убеждены, что настало время для решительных действий. Они согласны со мной, что освобождение рабов по сенатскому указу скоро закончится. Претору Сицилии очень невыгодно ссориться с римскими всадниками, которые вот-вот станут грозой для провинциальных магистратов, вернув в свои руки судебную власть... Я заинтересовал своих новых друзей рассказами о своем участии в восстании под Капуей, а также поведал им о Мемноне, который, прощаясь со мной, обещал выполнить одну мою просьбу...

– Какую просьбу? – быстро спросила Ювентина.

– Я хотел, чтобы Мемнон при встрече с Требацием уговорил его доставить оружие в Сицилию.

– Но разве Требаций захочет помогать беглым рабам? Какая выгода от этого пиратам?

– Требаций неглуп и прекрасно знает, что римляне со всей серьезностью обсуждают планы морского похода против пиратов и о том, что в первую очередь они постараются уничтожить пиратские стоянки на Крите. Несомненно, знает он и то, что многие римские сенаторы горят желанием отомстить ему за смерть претора Луция Беллиена и других убитых им высокопоставленных римлян. Сенат уже оценил его голову в двадцать талантов. Разве Требацию не выгодна кимврская война, перед которой трепещут и Рим, и вся Италия? Не будь ее, давно бы уж римляне занялись искоренением морского разбоя, и прежде всего не поздоровилось бы критским пиратам. Если же к этой войне прибавится еще война с сицилийскими рабами, в Риме и вовсе забудут о пиратах... Кроме того, – помолчав, сказал Варий, – я и мои товарищи готовы обещать Требацию, что мы расплатимся за доставленное им оружие той добычей, которая будет захвачена нами в будущем.

– Ты сказал, что тебе нужна моя помощь, – напомнила Ювентина.

– Да, девочка, – мягким, почти вкрадчивым голосом произнес Варий. – Скоро я покину Сиракузы. Но перед отъездом мне хотелось бы поддержать некоторых моих друзей надеждой на помощь пиратов делу восстания. Сегодня у меня будет встреча с ними в Теменитской роще. Надо сказать, эти люди еще колеблются. Они считают, что восстание без серьезной подготовки, без оружия с самого начала обречено на неудачу. Вот я и подумал о своем последнем разговоре с Мемноном и о том, что ты могла бы выступить перед ними от его имени, то есть от имени своего мужа. Все мои товарищи наслышаны о нем от меня как о необыкновенном герое. Я рассказывал им также и о тебе, о том, с каким самоотвержением и отвагой ты помогла бегству гладиаторов из Рима. Одно твое появление на этом собрании их очень воодушевит. А если ты сообщишь им, что пираты согласны оказать поддержку сицилийским борцам за свободу и что оружие будет доставлено в условленное место и в условленный срок, все их сомнения и колебания разом отпадут.

– Ах, Варий! – волнуясь, проговорила Ювентина. – Ты хочешь, чтобы я обманом подтолкнула этих людей к решению идти навстречу смертельной опасности?

Фрегеллиец нахмурился.

– Я уже говорил тебе, что в интересах самих пиратов оказать помощь восставшим. В сущности, никакого обмана нет. Я уверен, что Мемнон убедит Требация доставить нам оружие. Хуже будет, если заговорщики упустят благоприятный момент и выступят слишком поздно из-за проволочек и нерешительности. В этом случае всем участникам заговора будет угрожать действительно большая опасность.

– Хорошо, – вздохнув, сказала Ювентина. – Ты сказал, что встреча назначена в Теменитской роще? Но где это? Как туда добраться?

– Из Ортигии по мосту пройдешь в Ахрадину. Там спросишь у прохожих, как пройти к Теменитским воротам, где я и буду тебя ждать за два часа до наступления темноты.

– Хорошо, я приду туда вместе со своим слугой...

– У тебя есть слуга? – удивился и вместе с тем насторожился фрегеллиец.

Ювентина улыбнулась.

– Возможно, ты видел его в лагере Минуция. Это Сирт, родом он из Африки. Отважный боец, сильный и мужественный человек. Я случайно встретила его в зарослях на берегу реки близ Казилина... в тот злосчастный день. Он был весь изранен. Я сделала все возможное, чтобы он оправился от ран. За это он поклялся служить мне до последнего вздоха...

– Хорошо, если так... Смотри, не опаздывай. За два часа до заката у Теменитских ворот, не забудь, – напомнил Варий.

Глава шестая

Случай на Ортигийском мосту

В тот же день, рано утром, в преторский дворец на Ортигии явилась большая депутация конвента римских граждан, владельцев наиболее крупных латифундий в Сицилии. Во главе ее были известный своим богатством римский патриций Секст Менений Агриппа, не менее богатый и влиятельный землевладелец из Энны Гай Косконий, а также известный нашему читателю Публий Клодий, откупщик и владелец обширного имения близ Гераклеи Минойской.

Претор принял депутацию в «тронном зале» дворца, еще не зная, какое решение вынес сиракузский конвент римских граждан на последнем своем собрании.

Депутаты конвента с самого порога обрушили на Лициния Нерву такую лавину негодования, что ему не удалось выступить перед ними с заранее подготовленной речью, в которой он хотел изобразить себя пламенным патриотом Рима, пекущимся об интересах государства в преддверии опаснейшей войны с кимврами.

В разгар этой бурной и неприглядной сцены в зале появился вольноотпущенник Аристарх. Он приблизился к Нерве и что-то прошептал ему на ухо. После этого лицо претора заметно просветлело, и он сменил непреклонный тон на весьма благожелательный. Немного поломавшись для вида, Нерва объявил собравшимся о прекращении судопроизводства по делам рабов.

– Пусть лучше я нарушу повеление сената, чем посею недовольство среди вас, о достойнейшие мужи Сицилии, – с лицемерным вздохом закончил претор.

Депутаты, вполне удовлетворенные, покинули преторский дворец. Между собой они толковали о том, что за тот риск, которому подверг себя претор Сицилии, нарушив постановление сената, он достаточно вознагражден. Все они прекрасно знали, что полученная претором взятка представляла весьма значительную сумму.

В этот день огромная толпа пришлых сельских рабов на ахрадийской площади напрасно ожидала появления претора. Ближе к вечеру прошел слух, что претор собирается покинуть Сиракузы, чтобы начать объезд провинции по судебным округам.

Несколько десятков человек из тех рабов, которые стояли в очереди ближе остальных, поспешили на Ортигию. Они подошли к портику дворца Гиерона в тот самый момент, когда Нерва садился в лектику: он приглашен был на торжественный пир в доме сиракузского проагора по случаю окончания молебствий в честь Артемиды, или Дианы, как называли римляне эту богиню.

Завидев толпу рабов, Нерва рассвирепел.

– Кто пропустил сюда всю эту сволочь? – заорал он, высовываясь из лектики. – Эй, Тициний! Центурионы! Гоните их всех в шею!.. О, Юпитер! Даже здесь мне нет от них покоя, – пожаловался он стоявшему рядом с лектикой Аристарху.

Военный трибун Тициний и находившиеся поблизости легионеры с грубой бранью набросились на незваных просителей и, выполняя приказание претора, быстро очистили от них все прилежавшие к дворцу улицы.

– Наглецы! Ублюдки! – кричал рабам Марк Тициний. – Еще раз увижу вас здесь, всех до одного загоню в каменоломни! Убирайтесь отсюда и передайте остальным, чтобы они возвращались к своим господам, иначе с ними поступят как с беглыми рабами!..

* * *

Публий Клодий по выходе из преторского дворца был любезно приглашен на обед Менением Агриппой, дом которого стоял в центральном квартале Ортигии, и задержался у патриция почти до заката солнца.

С Агриппой его связывали совместные дела по поставкам в Рим зерна от десятины. Агриппа был распорядителем грузовых судов, принадлежавших римскому эрарию, и отвечал за морские перевозки между Сицилией и Римом.

Во время обеда Агриппа и Клодий долго обсуждали предложения частных судовладельческих товариществ, подсчитывая необходимое количество кораблей для бесперебойной доставки зерна в Остию. От Клодия Агриппа узнал, что одно из товариществ хлебных торговцев снизило цену на хлеб.

– Они еще не пронюхали о сорока миллионах сестерциев, присланных из Рима претору на закупку зерна, – заговорщически пояснял Клодий приятелю. – Купцы весьма заинтересованы сбыть оптом весь свой товар. Мы можем заработать с этой продажи не меньше ста пятидесяти тысяч сестерциев, если скупим весь хлеб, после чего предложим его претору по более высокой цене.

– Одно удовольствие иметь дело с таким человеком, как ты, – говорил Агриппа, весьма заинтересованный сообщением публикана.

Домой Клодий отправился под вечер в сопровождении двух своих рабов, дожидавшихся его на улице.

Дом Клодия стоял в Неаполе. Он купил его два года назад, решив окончательно обосноваться в Сицилии. Рим он давно уже возненавидел. Там многие помнили Клодия жалким бедняком, не брезговавшим даже рабским трудом по найму. К тому же «столица мира» в сравнении с Сиракузами, красивейшим и благоустроенным городом, казалась ему просто большой деревней.

– Надо поторапливаться, господин, – сказал Клодию один из рабов, показав рукой на небо. – Вот-вот пойдет дождь.

– Без тебя вижу, дурак! Если хлынет ливень, накроете меня своими плащами...

Погода портилась на глазах. Со стороны моря на город надвигались темные грозные тучи.

Проходя по Ортигийскому мосту, Клодий едва не столкнулся с женщиной, лицо которой было скрыто головной накидкой. Женщина торопливо обошла Клодия и продолжала свой путь. Рядом с ней, оберегая госпожу от толчков встречных прохожих, шел рослый темнокожий слуга. В стройной фигуре и легкой походке женщины Клодию показалось что-то знакомое.

Почему-то ему вспомнилась вдруг юная красавица Ювентина, служанка Волкация. Тогда, в день торжеств в Риме по случаю победы над Югуртой, на пиру у Волкация, девушка ему очень приглянулась. Все ему нравилось в ней: и беленькое личико, и белокурые волосы, и волнующая красота молодого тела, едва прикрытого тончайшей тканью короткого греческого хитона, и даже ее походка, в которой было что-то непередаваемое, свойственное только ей одной. Он уже готов был купить ее у Волкация по сходной цене, но помешал Минуций, этот проходимец, согласившийся уплатить за девушку неслыханную сумму – семь талантов. После выяснилось, что Минуций с самого начала ничего не собирался платить. Он уже тогда подготавливал мятеж рабов и строил козни Волкацию и его другу Габинию Сильвану, заподозрив их в том, что они разорили его своим плутовством при игре в кости. В конце концов, он заманил обоих в ловушку и казнил, после чего подбил на восстание несколько тысяч рабов. Клодий был уверен, что Минуций перед своим отъездом из Рима вовлек Ювентину в историю с нашумевшим побегом гладиаторов из школы Аврелия. Рассказывали, что она покинула Рим вместе с беглецами. Клодий не сомневался, что Ювентина действовала по приказу Минуция. Сама бы эта робкая девушка не решилась на столь дерзкий поступок. Когда пришло известие, что мятеж рабов подавлен, а сам Минуций, попав в плен, покончил с собой, Клодию очень хотелось что-нибудь узнать о судьбе прелестной беглянки. Он расспрашивал о ней знакомых центурионов и легионеров, возвратившихся из кампанского похода. Но никто из них ничего не слышал о ней.

Клодий оглянулся вслед женщине и остановился, заметив тонкую прядь белокурых волос, выбившуюся из-под накидки.

– Ювентина! – невольно окликнул ее публикан.

Женщина вздрогнула, но не остановилась и ускорила шаги, бросив на ходу несколько слов своему чернокожему слуге.

Теперь Клодий уже не сомневался, что это она, Ювентина. Он пустился за ней вдогонку, крича во все горло:

– Постой, Ювентина! Я узнал тебя! Остановись, я не сделаю тебе ничего плохого...

Но сопровождавший женщину черный слуга решительно преградил ему путь.

– Не смей приставать к моей госпоже! – крикнул он по-латыни.

Клодий с размаху ударил его кулаком в грудь.

– А ну, прочь с дороги, черномазый!

Но африканец даже не покачнулся от удара. Сильной рукой он схватил Клодия за плечо и, приблизив к нему искаженное ненавистью лицо, прохрипел:

– Римлянин! Я прибью тебя, как муху, если не отстанешь...

Проходившие мимо горожане останавливались, глядя на разыгравшуюся сцену с любопытством, но не выказывали готовности принять в ней участие.

Разъяренный Клодий обернулся и крикнул рабам, которые уже спешили к нему на помощь:

– Задайте хорошенько этому наглецу!

Двое рабов без промедления набросились на африканца. Произошла короткая потасовка, во время которой «черномазый», яростно работая своими мощными кулаками, сбил с ног одного за другим обоих своих противников под восхищенные возгласы и даже аплодисменты прохожих.

Рабы Клодия, люди молодые и крепкие, быстро поднялись на ноги и в бешенстве снова ринулись на противника, готовые растерзать его на части.

Африканец, запрыгнув на каменное ограждение моста, стал в оборонительную позу и крикнул:

– Сюда, сюда! Ближе, милейшие! Дайте мне возможность хорошенько лягнуть вас своей пяткой по вашим рабским рожам!

– Оставьте это эфиопское отродье и скорее за ней! – крикнул Клодий рабам. – Задержите ее и приведите ко мне. Это беглая рабыня. Можете с нею не церемониться...

Оба раба, повинувшись приказу господина, со всех ног помчались за беглянкой.

Африканец, соскочив с парапета, устремился вслед за ними, на бегу расталкивая прохожих.

Как раз в это время молодая женщина уже исчезла под аркой Ортигийских ворот, а навстречу бежавшим за ней рабам Клодия из ворот вдруг высыпала густая толпа мальчишек, которые бежали впереди показавшейся следом за ними колонны греческих наемников. Это были солдаты, заступавшие на ночную службу по охране общественного порядка в городских кварталах.

Рабы Клодия вынуждены были остановиться у ворот, чтобы пропустить солдат.

Чернокожий, убедившись, что госпожа его вне опасности, облегченно перевел дух и замешался в толпу, теснившуюся у ворот.

Глава седьмая

Возвращение Мемнона

Над городом сгустились тучи. В небе засверкали первые молнии, сопровождавшиеся гулкими раскатами грома. Немного погодя стал накрапывать дождь.

Движение на мосту заметно оживилось. Люди торопились укрыться от дождя под арками Ортигийских и Предмостных ворот, а также в портиках ближайших зданий.

Клодий быстрым шагом отправился домой, решив не дожидаться возвращения своих рабов. Начавшийся дождь обещал очень скоро превратиться в настоящий ливень. Прикрывая голову краем тоги, публикан бежал по улицам Неаполя, пока не добрался до улицы Квиритов, где стоял его дом.

Возле своего портика он увидел человека высокого роста, одетого в долгополый плащ. Поднятый капюшон плаща скрывал его глаза, открытой оставалась лишь нижняя часть лица: волевой, уже много дней не бритый подбородок и обветренные, но еще по-юношески полные губы.

Завидев Клодия, незнакомец шагнул ему навстречу.

– Приветствую тебя, Публий Клодий, – негромко сказал он. – Мое имя Артемидор Лафирон. Я пришел к тебе вместо Гая Цестия. К сожалению, он не смог навестить тебя из-за болезни...

С этими словами он протянул Клодию бронзовую гостевую табличку.

Откупщик недоверчиво принял табличку из рук незнакомца и внимательно рассмотрел выбитые на ней буквы.

– Когда-то я действительно обменялся гостевыми табличками с Гаем Цестием, но это ничего не значит, – произнес он сквозь зубы. – Чего тебе нужно?

– Ты слишком осторожничаешь, Клодий, – сказал незнакомец. – Твоего домоправителя, не пустившего меня на порог, можно понять. Но тебе не стоит привлекать внимание посторонних, беседуя со мной на улице. Я прибыл по известному тебе делу чрезвычайной важности.

– Хорошо, следуй за мной, – поколебавшись еще немного, сказал Клодий и направился к портику.

Дом Клодия находился в одном из самых богатых кварталов Неаполя. Здесь жили в основном состоятельные люди, в большинстве своем римские всадники, среди которых у Клодия было много знакомых, занимавшихся морской торговлей и хлебными откупам. Клодию давно приглянулся этот квартал, застроенный красивыми домами с великолепными портиками и мраморными колоннами перистилей. На сооружение этих роскошных домов пошли доходы от различного рода спекуляций и откупов, связанных с незаконными поборами и узаконенными взятками.

Сам Клодий, как уже известно читателю, принадлежал к среде самых беззастенчивых римских хищников, готовых на все ради наживы.

Его отец, осужденный по делу о мятеже Гая Гракха, избрал местом своего изгнания Сицилию и долго жил там в большой нужде. В Тиндариде, где он обосновался, случай свел его с несколькими римскими изгнанниками, которые оказались людьми Гая Требация Тибура, основавшего на Крите пиратскую колонию. Озлобленный на весь свет выпавшими на его долю невзгодами, старик Клодий легко пошел на сотрудничество с пиратами, тем более что они в большинстве своем были его соотечественниками, пострадавшими, как и он сам, за одно и то же дело. Пираты использовали его как своего осведомителя в Тиндариде. За свои услуги он время от времени получал от них вознаграждение.

Публий Клодий встретился с отцом после пятнадцатилетней разлуки. Он прибыл в Сицилию на корабле квестора, при котором занимал скромную должность письмоводителя. Корабль

следовал в Лилибей, где находилась резиденция квестора. Во время остановки в Тиндариде Клодий навестил отца, уже совсем больного.

В жилище отца Клодий застал человека, который оказался критским пиратом, собиравшим сведения о купцах, занимавшихся морской торговлей. Этот-то человек (его звали Гай Цестий) уговорил Клодия предать квестора, известного в Риме своим богатством, обещая ему за это большое вознаграждение. Цестий и Клодий составили план похищения квестора. Замысел удался, и римский магистрат оказался в руках у пиратов, захваченный ими вместе с кораблем, солдатами охраны и служителями, среди которых был и Клодий. Хитрый письмоводитель, вызвавшись на роль посредника в деле освобождения своего начальника за огромный выкуп, проявил большую энергию. Он занялся сбором выкупных денег с сицилийских городов (по установившемуся обычаю, провинциальные римские магистраты, попавшие в плен к пиратам, выкупались за счет городов провинций) и в очень короткий срок успешно выполнил поручение квестора, но потом выяснилось, что собранных Клодием денег оказалось больше, чем требовалось. Излишек же денег бесследно исчез. Клодию грозило судебное разбирательство, но до суда дело не дошло. Его удалось замять с помощью того же квестора, который так никогда и не узнал, что пострадал из-за предательства своего подчиненного. Позднее Клодий сделал удачное вложение этих преступным путем добытых денег, вступив в товарищество хлебных откупщиков. В течение нескольких лет на одних только откупах он сколотил немалое состояние.

В конце минувшего года благодаря знакомству с новым претором Сицилии публикану удалось заполучить должность главного распорядителя сицилийским зерном, которое получал Рим от налогов. Еще в Риме, перед тем как выехать в Сицилию, Клодий узнал о распоряжении сената выделить из эрария сорок миллионов сестерциев для закупки хлеба в Сицилии. У него возник дерзновенный план, как с помощью пиратов «заработать» очень большие деньги. Через верного человека (это был Стаций Сальвидиен, проживавший в Кайете) Клодий дал знать о своем замысле главарю критских пиратов Гаю Требацию и назначил встречу с его посланцем в Сиракузах. От Требация довольно долго не было никаких вестей. Клодия это удивляло. Он был уверен, что архипират не откажется от предложения, сулившего ему, по меньшей мере, тысячу аттических талантов чистой выгоды. И вот, наконец, пиратский посланец явился.

Клодий повел гостя в дом.

В портике, сидя на скамейке и свесив на грудь лохматую голову, дремал прикованный цепью к стене бородатый раб-галл.

Клодий не удержался от того, чтобы дать привратнику хорошего пинка.

– Спишь, галльская собака! – грозно прикрикнул он на раба, который быстро вскочил, тараща на господина заспанные глаза.

С приходом Клодия в доме началась беготня прислуги.

Так как уже совсем стемнело, Клодий приказал рабам принести свечи в свой кабинет, подгоняя их криками:

– Живее! Живее поворачивайтесь, лентяи!

Один из рабов услужливо предложил гостю снять его плащ, но тот отказался, лишь откинул капюшон с головы. При этом он еще плотнее запахнул на себе плащ, чтобы скрыть висевший на перевязи тяжелый испанский меч.

Озадаченный раб подбежал к господину и шепнул ему на ухо несколько слов.

Клодий небрежно отмахнулся от слуги и коротко бросил:

– Оставь его в покое.

Пройдя через атрий, он привел незнакомца в хорошо освещенную комнату, расположенную рядом с зимним конклавом.

Здесь Клодий получил возможность хорошо разглядеть посланца пиратов.

Это был рослый и сильный молодой человек, которому было, вероятно, не больше тридцати лет. Его давно небритое лицо показалось Клодию знакомым.

– Где я мог тебя видеть? – спросил он, напрягая память. – Ты назвался Артемидором Лафионом, но это, конечно, не настоящее твое имя?

– Вряд ли мы с тобой когда-либо встречались, – сухо ответил тот и добавил: – Зови меня Артемидором, и давай поскорее перейдем к делу. Я не отниму у тебя много времени. Надеюсь, у этих стен нет ушей?

– Будь спокоен... Ты прибыл прямо с Крита? – снова спросил Клодий.

– Да. Я высадился у мыса Тапса и дальше проделал весь путь пешком, войдя в город через Шестивратие.

– Итак! Тебя прислал Гай Цестий? – сказал Клодий, не спуская с гостя изучающего взгляда.

– Нет, я послан к тебе самим Требацием. Как я уже сказал, Цестий заболел. Требаций посвятил меня в суть дела и послал к тебе вместо него. Сразу скажу, твое предложение его заинтересовало. Теперь нужно кое-что уточнить... Во-первых, где и когда будут происходить разгрузки захваченных нами судов? Во-вторых, как ты собираешься обеспечить эти разгрузки? Не возникнут ли затруднения из-за нехватки рабочих рук? Требаций не сможет выделить для этой цели достаточного количества людей, а задержки с разгрузкой зерна весьма нежелательны. Длительное присутствие наших кораблей в одном и том же месте не останется незамеченным береговой охраной, к которой мы обычно относимся с презрением, но, как ты сам говорил три месяца назад во время беседы с Сальвидиеном в Кайете, залогом успеха нашего предприятия должно быть соблюдение строжайшей тайны. Если же наши корабли будут подолгу маячить у берега, кто поручится за то, что весь твой превосходный план не окажется под угрозой разоблачения?

Незнакомец, назвавший себя Артемидором, говорил на правильной латыни, но с явным греческим акцентом.

– Слушай ответ на первый вопрос, – заговорил Клодий. – Разгрузка судов будет производиться в Гераклее под моим непосредственным руководством. Сообщи Требацию, что сорок миллионов сестерциев квестор уже доставил претору. Первые грузовые суда с закупленным хлебом должны отправиться в Остию самое большое через двадцать пять дней. Поэтому Требацию следует поторопиться с началом своих действий на море. Нужно, чтобы вся звонкая монета, присланная претору из Рима, перекочевала в наши руки. Что же касается второго твоего вопроса, то я привлеку к работе в Гераклее своих собственных рабов. Мое имение находится всего в трех милях от города. Я могу занять разгрузкой и погрузкой судов более четырехсот рабов. Кстати, Требацию и его людям необходимо помнить, что кибей, загруженные зерном в гераклейской гавани, должны беспрепятственно доходить до самой Остии.

– Не беспокойся, мы всегда будем иметь это в виду, – сказал Артемидор Лафион, не без любопытства глядя на римлянина, который по законам своего отечества вполне заслуживал того, чтобы его сбросили с Тарпейской скалы.

– Претор Сицилии не должен испытывать головной боли от того, что в прибрежных водах вверенной ему провинции активизировались пираты, – продолжал Клодий. – Поэтому и перехват хлебных грузов также должен производиться у берегов Италии...

В этом месте своей речи Клодий сделал паузу и добавил:

– Передай Требацию, что я хочу получить от вырученных денег тридцать процентов. Это будет справедливо, учитывая риск, которому я себя подвергаю.

– Требаций поручил мне настаивать на двадцати процентах, – произнес Артемидор. – Если задуманное нами дело выгорит...

– Задуманное мною дело, хотел ты сказать, – живо перебил его Клодий. – Пусть Требаций не забывает, что этот план придуман и до мельчайших тонкостей продуман мною. При этом я сильно рискую. Тридцать процентов! Это мое неперемное условие. Так и передай Требацию.

– Хорошо, я так и передам, – сказал посланец пиратов равнодушным тоном.

– Кроме того, я хотел бы повидаться с ним самим, чтобы мы могли скрепить наш договор взаимными клятвами. Хорошо бы устроить нашу встречу в моем гераклейском имении.

– Не думаю, что это будет самое подходящее место для Требация, – нахмурился, возразил Артемидор.

– Почему? Или ты полагаешь...

– Требаций чувствует себя в безопасности только на палубе корабля, – перебил Артемидор. – Тебе ведь известно, что римский сенат назначил крупное вознаграждение за его голову?

– В моем имении ему никто и ничто не будет угрожать. Впрочем, я готов встретиться с ним в любом другом месте...

В этот момент Клодий, взглянув на собеседника, изумленно воскликнул, озаренный воспоминанием:

– Клянусь Янусом Патульцием! Теперь я вспомнил, где видел тебя... Какая встреча? Ведь ты, как мне кажется... Так и есть! Ты гладиатор! Мемнон твое имя! Ты сражался в Риме во время Югуртинских игр четыре месяца назад!

– Что ж, у тебя хорошая память, если ты вспомнил о каком-то гладиаторе, – натянуто улыбнулся мнимый Артемидор, явно не обрадованный тем, что Клодий его узнал.

– Не скромничай! – хохотнул Клодий. – Клянусь Юпитером Всеблагим и Величайшим! Ты был великолепен! Бился, как лев! И так отделал непобедимого Эзернина! Но, признаюсь, я тогда был очень, очень на тебя зол, потому что из-за твоей храбрости потерял восемьдесят золотых монет, проиграв их Минуцию, тому самому бездельнику, который едва не возмутил всех рабов в Италии. Кстати, ты очень благоразумно поступил, что, совершив побег из гладиаторской школы, не пристал к его мятежу, иначе мне не пришлось бы сегодня беседовать с тобой. Говорят, Лукулл истребил под Капуей всех мятежников, от лысого до лысого...

Губы бывшего гладиатора слегка дрогнули в иронической усмешке, но тут же лицо его приняло обычное выражение.

Клодий вдруг вспомнил о Ювентине.

– Послушай, Мемнон, – после небольшой паузы, снова заговорил он. – Я ведь знаю, что тебе помогла бежать из Рима одна девушка. Она принадлежала Минуцию, и звали ее Ювентина...

Лицо бывшего гладиатора болезненно исказилось.

– Ее больше нет... она умерла, – глухо произнес он.

– Умерла? – с удивлением переспросил Клодий. – Нет, ты ошибаешься. Часа не прошло, как я разминусь с ней на Ортигийском мосту.

Мемнон вздрогнул. Лицо его побледнело, глаза расширились.

– Что ты такое говоришь? – дрогнувшим голосом сказал он. – Этого не может быть! Ювентина погибла в Кампании. Она утонула в Вултурне, пытаясь спастись от преследовавших ее римских солдат. Люди, рассказавшие мне об этом, не могли...

– Да нет же, клянусь Кастором! – перебил его Клодий. – Говорю тебе, это была она... Я ее узнал и окликнул по имени. Она же, глупая, испугалась и побежала от меня прочь, как серна. Верно, подумала, что я собираюсь сдать ее властям. Напрасно боялась. У меня она нашла бы самое надежное пристанище. Я послал за ней вдогонку своих рабов... Кстати, им пора бы уже вернуться.

Клодий взял со стола колокольчик и позвонил.

Мемнон хотел еще о чем-то спросить римлянина, но в это время дверь комнаты отворилась, и на пороге показался слуга.

– Антиной и Гербесс вернулись? – спросил у него Клодий.

– Да, господин. Они ждут, когда ты позовешь их для доклада, но я не стал тебя беспокоить, думая...

– Привели они с собой девушку? – нетерпеливо перебил Клодий слугу.

– Нет, никакой девушки с ними нет, – ответил слуга, с удивлением взглянув на господина.

– Позови их сюда, этих бездельников! – сердито приказал Клодий.

Слуга скрылся за дверью. Римлянин в задумчивости прошелся по комнате, потом обратился к Мемнону:

– Не знаю, что было между тобой и Ювентиной. Меня это не интересует. Я найду девушку, и она останется у меня. Хватит ей жить, прячась ото всех и пугаясь каждого встречного. Отправлю ее в свое гераклейское имение. Там она будет в полной безопасности. Тебе же, если не хочешь вызвать моего недовольства, советую забыть о ней и...

Он не договорил. В этот момент дверь открылась, и в комнату вошли двое молодых людей, лица которых выражали смущение. У одного из них заметна была сильная припухлость под глазом – след удара, полученного им на Ортигийском мосту от слуги молодой женщины, принятой Клодием за Ювентину.

– Ну что? Упустили? – набросился на них Клодий. – Или тот черномазый снова вас поколотил?

– Мы расспрашивали об этой женщине всех встречных и выяснили, что она укрылась в гостинице Видацилия, – с виноватым видом заговорил один из рабов.

– Ну и что же? Узнали что-нибудь? – нетерпеливо спросил Клодий.

– Мы вызвали хозяина и сказали ему, что в его заведении скрывается беглая рабыня, но тот стал уверять нас, что мы ошиблись, так как в гостинице нет других женщин, кроме одной служанки. Он даже вывел ее к нам. Это была немая девушка, совсем не похожая на ту, другую...

– Ну, если Видацилий солгал, то у него будут большие неприятности, – насупившись, сказал Клодий.

Он несколько раз прошелся по комнате, бормоча себе под нос:

– Посмотрим! Завтра же явлюсь к нему вместе с центурионом и десятком солдат. Они там все перевернут вверх дном. Я учиню допрос всем его слугам.

Мемнон, опустив голову, стоял в глубокой задумчивости. На лице его отражалось смятение мыслей и чувств.

Как только хозяин дома умолк, он поднял голову и глухо произнес:

– Прощай, Клодий! Мне пора идти, – и он сделал движение, чтобы направиться к выходу.

– Куда же ты? – удивился Клодий, поворачиваясь к нему. – Можешь переночевать у меня. Подумай, уже стемнело, а на улицах полно солдат, которые выполняют приказ претора к завтрашнему дню очистить город от пришлых рабов. По правде сказать, видом своим ты меньше всего походишь на добропорядочного гражданина, а под плащом твоим я заметил что-то очень похожее на иберийский меч...

– Благодарю тебя за твою любезность, но я очень спешу. У меня есть еще одно неотложное дело.

– Как знаешь, – пожав плечами, сказал Клодий. – Я подумал, что мы могли бы перед тем как лечь спать, поужинать и еще о многом потолковать. Но раз ты так спешишь, не буду тебя удерживать. Передай от меня Требацию самые наилучшие пожелания. Прощай! Пусть боги тебя охраняют!..

* * *

Мемнон вышел из дома Клодия сам не свой. Он был потрясен. Понадобилось немало времени, чтобы он пришел в себя после того, что услышал от Клодия. Ювентина жива! Он

боялся этому верить. Этого не могло быть. Но рабы Клодия сказали, что женщина укрылась в гостинице Видацилия на Ортигии! В душе его затеплилась надежда. Ведь Ювентина могла объявиться только там! В голове у него смешались воспоминания и догадки. Не слишком ли легко поверил он в гибель Ювентины? Возможно, римские солдаты солгали Гиппию, что поразили ее дротиком, когда она кинулась в реку! Они солгали просто от досады, что упустили беглянку! Ювентина как-то рассказывала ему, что еще девочкой без труда переплывала Альбанское озеро, но это озеро гораздо шире Вултурна. Ювентина могла переплыть реку и спастись!..

Ноги сами понесли его по темным ахрадийским улицам в направлении Ортигии.

Пока Мемнон был в доме Клодия, над городом пронеслась короткая гроза с сильным дождем. Мемнон то и дело ступал ногами в глубокие лужи, но не замечал этого. Мысли его были заняты только одним – скорее добраться до «Аретусы».

Он уже подошел к Ортигийскому мосту, как вдруг сообразил, что поступает неосмотрительно. У Предмостных ворот мелькали зажженные факелы. Можно было разглядеть силуэты людей в шлемах с высокими гребнями. Это были греческие наемники из городской стражи.

Мемнон остановился и потер ладонью лоб, собираясь с мыслями. Он вспомнил слова Клодия о том, что претор отдал приказ очистить город от пришлых рабов. Мемнон был слишком просто одет, к тому же под плащом скрывал меч. В лучшем случае солдаты могли его прогнать, приняв за раба, а в худшем заподозрить в нем разбойника.

Он решил идти на Племмирий и, наняв там лодку, переправиться на остров со стороны залива, в который впадал ручей Аретуса.

На мыс Племмирий кратчайшая дорога из города вела через Теменитские ворота, но они, скорее всего, тоже охранялись, а по всей Теменитской роще наверняка уже рыскали солдаты, выгоняя оттуда бродяг, устроившихся там на ночлег.

Подумав об этом, Мемнон направился в сторону Ахрадийских ворот – главных ворот Сиракуз. Скорее всего именно там в настоящее время было скопление рабов, которых выдворяли из города. Он решил под видом раба выйти в предместье через Ахрадийские ворота, после чего пройти к свайному мосту, перекинутому через реку Анап, откуда до Племмирия было не больше двух миль.

Быстро прошагав по пустынной площади мимо пританея, он вышел на центральную улицу Ахрадины, застроенную общественными и частными зданиями с украшавшими их великолепными портиками.

Чем ближе подходил Мемнон к воротам, тем оживленнее становилось вокруг него. Быстро продвигаясь в темноте, он то и дело наталкивался на бредущих по улице людей. Это были рабы, пришедшие в город с надеждой получить свободу от претора.

Вскоре Мемнон убедился, что Клодий был прав. Распоряжение претора выполнялось стражами порядка неукоснительно. Солдаты с горящими факелами в руках обходили все улицы и закоулки. Грубо бранясь, они выгоняли укрывавшихся там рабов и приказывали им идти к Ахрадийским воротам. Из темноты то и дело доносились их резкие голоса:

– А ну, встать! Чего разлеглись?.. Живее поднимайтесь, оборванцы!.. Чтобы к рассвету духу вашего не было в городе!

Хотя Мемнон появился в Сиракузах несколько часов назад, все происходящее в городе не было для него полной неожиданностью. По пути от мыса Тапса, где александрийца высадил один из пиратских кораблей, совершивший восьмидневное путешествие от Крита до Сицилии, он присоединился к небольшой группе рабов, следовавших в Сиракузы из области Леонтин. От них он узнал о странном постановлении римского сената, взбудоражившего всю Сицилию.

Приблизившись к Ахрадийским воротам, Мемнон увидел большую толпу, освещенную множеством факелов, которые держали в руках римские легионеры и греческие наемники.

– Молчать! Кто тут посмел рот открыть? – раздавался в глубине толпы властный голос. – Я – военный трибун Марк Тициний, и я говорю, чтобы вы немедленно убирались из города. Или вы хотите, чтобы я приказал своим солдатам взяться за мечи?

Ответом на эту угрозу был сильный ропот множества голосов.

Мемнон протолкнулся сквозь толпу к воротам и вскоре беспрепятственно покинул Ахрадину.

Сразу за воротами находилось старое кладбище. Говорили, что на этом кладбище, где-то неподалеку от ворот, была могила Архимеда. Но кладбище уже давно поросло репейником, и никто за ним не ухаживал. Могила Архимеда была всеми забыта⁴². Неблагодарные жители Сиракуз старались не вспоминать о своем великом соотечественнике, хотя не забывали устраивать ежегодные празднества в честь римского завоевателя Марка Клавдия Марцелла. Празднества эти назывались Марцеллиями.

От Ахрадийских ворот прямая широкая дорога делила на две части старинное предместье Сиракуз. Справа от дороги находился квартал Тихе, слева – Неаполь. К Племмирию удобнее было пройти через Неаполь к Теменитским воротам. За воротами начиналась священная роща, окружавшая храм Аполлона, а за рощей несла свои воды река Анап, впадавшая в глубокую бухту, являвшуюся частью Большой гавани Сиракуз. На Племмирий можно было попасть, перейдя Анап по каменному мосту, находившемуся почти у самого устья реки. Но Теменитские ворота в эту ночь наверняка охранялись солдатами. Поэтому Мемнон решил идти прямо по дороге к развалинам старых городских стен. Во время осады Марцеллом Сиракуз там тоже были ворота с мощными башнями, но после взятия города римляне приказали жителям их разрушить. Здесь находился священный участок Олимпий с возвышавшимся на нем старинным храмом Зевса Олимпийского. Отсюда можно было добраться к переброшенному через Анап деревянному мосту. От него до рыбацкого поселка на Племмирии было около двух римских миль.

Мемнон дошел до Олимпия и, обойдя развалины, двинулся к реке. Примерно через полчаса он вышел к ней и, пройдя еще немного по тропинке через заросли папируса, добрался до моста, перешел по нему на правый берег реки и быстро зашагал по дороге, ведущей в сторону моря. Довольно скоро он достиг северной окраины поселка, находившегося на берегу мыса Племмирия у самого входа в Большую гавань.

Мемнон хорошо знал этот поселок, в котором не раз бывал, когда ему приходилось собирать сведения, интересующие пиратов, пока их корабли стояли на якоре где-нибудь поблизости, между Сиракузами и Гелором. Поселок был многолюдным и грязным. Возле домов громоздились кучи мусора. Улицы, похожие на сточные каналы, спускались к морю. Многие из них имели случайное направление, и в них можно было заблудиться, как в лабиринте. Воздух был пропитан тяжелым запахом нечистот, сочившихся по склонам оврагов, превращенных в мусорные свалки. Здесь проживали со своими семьями матросы и гребцы, лодочники и мелочные торговцы, не считая всякого сброда, состоявшего из нищих, бродяг и даже беглых рабов, нередко находивших здесь приют.

⁴² Спустя несколько десятков лет могилу Архимеда разыскал Цицерон. Сам он этим чрезвычайно гордился. Он писал: «Мне, квестору, удалось разыскать эту могилу, заросшую сорными травами и репейниками; сиракузяне не только ее не знали, но даже отрицали ее существование. Мне помнились некоторые стихи, о которых я знал, что они написаны на его памятнике; мне было также известно, что вверху его гробницы были выгравированы шар и цилиндр. Внимательно всматриваясь – у Ахрадийских ворот находится большое число могил, – я заметил небольшую колонну, немного выступающую из кустов репейника; на ней был виден рисунок шара и цилиндра. Я сказал сиракузянам – меня сопровождали первые лица города, – что это, по-видимому, могила, которую я ищу. Туда были посланы люди с серпами, которые очистили и раскрыли это место. Когда доступ стал свободен, мы подошли к подножию памятника. Обнаружилась стихотворная надпись, последняя часть которой – примерно половина – выветрилась. Таким образом, в одном из самых благородных государств Эллады, некогда наиболее знаменитом по своей культуре, остался бы неизвестным памятник его гражданину, отличавшемуся наиболее глубоким умом, если бы его им не открыл муж из Арпина».

Дорога привела Мемнона к большому дощатому строению с кровлей из тростника. По крикам, доносившимся оттуда, нетрудно было догадаться, что это был обыкновенный при-тон моряков. В последний раз Мемнон был на Племирии два года назад и хорошо помнил, что этого заведения здесь не было.

Место для таверны было выбрано весьма удачно. Сюда от Большой гавани пролегал оживленный путь. Здесь могли коротать время рыбаки, матросы, гребцы и владельцы небольших гребных судов, предлагавших купцам свои услуги по перевозке грузов.

После грозы ночь выдалась безветренной и душной, поэтому дверь таверны была открыта настежь.

Мемнон вошел в довольно просторное помещение, которое было освещено несколькими фонарями, свисавшими с потолка.

Таверна была полна народа и сотрясалась от пьяных криков.

– Эй, кто тут хозяин? Подойди ко мне! – громко позвал Мемнон.

Из глубины таверны откликнулся недовольный голос:

– Кто меня зовет? Чего тебе, приятель?

– Подойдешь, тогда узнаешь! – рассердился Мемнон. – Есть разговор.

В это время из-за стола, стоявшего в ближнем углу, где царил полумрак, поднялся человек и радостно воскликнул:

– Клянусь всеми богами! Мемнон!

Лицо человека было трудно разглядеть, но Мемнон сразу узнал голос Вариия.

Мемнон молча двинулся ему навстречу.

– Не ожидал встретить тебя здесь! – крепко обняв друга, сказал он.

– Я тоже, – широко улыбаясь, ответил Вариий. – Догадываюсь, что ты вернулся не так давно.

– Я вошел в город, когда уже начало темнеть.

– Если так, то у меня, кажется, есть новость для тебя, дорогой мой Мемнон. О, это радостная новость! Крепись, дружище, чтобы не упасть!..

У Мемнона сильно забилося сердце, и он схватил фрегеллийца за плечи.

– Ну, говори!..

– Ювентина! Она жива!

– Благодарение богам! Клодий не ошибся! – едва слышно прошептал Мемнон, и глаза его увлажнились слезами.

Вариий смотрел на него с несвойственной ему нежностью.

– Сейчас она у Видацилия, – продолжал он. – Такая же красавица, как и прежде, даже еще краше... Клянусь Юпитером, я безмерно рад за вас обоих!..

В это время подошел хозяин таверны и обратился к Мемнону:

– Это ты звал меня, юноша? Чего тебе надо?

– Я хотел попросить тебя разыскать кого-нибудь из лодочников. Мне необходимо как можно скорее переправиться в Лаккийскую гавань с предварительным заходом на остров. Я хорошо заплачу и тебе, и лодочнику. Только поторопись. Мне нужно попасть туда до рассвета.

– Хорошо, – кивнул головой хозяин, – попробую договориться с Агенором... Если, конечно, этот поклонник Диониса годен сегодня на что-либо, – с сомнением добавил он и направился в дальний угол таверны, откуда слышалась нестройная песня, исполняемая хором гнусавых голосов.

– Пойдем, я хочу познакомить тебя со своими друзьями, – сказал Вариий. – Признаюсь, я не мог удержаться от того, чтобы не поведать им о тебе. Все они знают от меня о твоей необыкновенной храбрости и... обо всем остальном.

И он увлек Мемнона к столу, за которым сидели три человека, спокойно беседовавшие друг с другом.

– Друзья мои! – торжественно обратился к ним Варий. – Представляю вам этого юношу. Это Мемнон Александриец, о котором я столько раз вам рассказывал...

И Варий стал по очереди знакомить Мемнона со своими друзьями: сначала с латинянином Сальвием, седоволосым и болезненным с виду человеком лет пятидесяти пяти, затем с сирийцем Дамаскидом, своим геркулесовским телосложением похожим на атлета из цирка, и, наконец, со смуглым еще молодым красавцем Афинионом родом из Киликии.

Мемнону этот киликиец чем-то напомнил жизнерадостного тарентинца Сатира, которого он уже оплакал в душе, считая его погибшим в сражении под Казилином.

Для человека подневольного Афинион имел довольно щегольской вид. На нем был расшитый узорами хитон с короткими рукавами. В ушах, по обычаю восточных народов, блестели золотые серьги. Мемнон, пожимая руку киликийцу, невольно вспомнил, что и Сатир носил серьги.

По требованию Вария раб-слуга принес кратер с вином.

Мемнон едва успел сделать глоток из своей чаши, как хозяин таверны подвел к нему лодочника Агенора, который после чрезмерных возлияний нетвердо стоял на ногах и еле ворочал языком.

Первым делом лодочник заявил, что перевоз будет стоить не менее трех драхм – плата просто невыносимая, если учесть, что поденному сицилийскому рабочему в страдную пору платили по одной драхме в день. Однако Мемнон, не торгуясь, тут же расплатился с лодочником, достав из своего пояса четыре римских денария⁴³, один из которых достался хозяину таверны за его хлопоты.

– Я провожу тебя, – сказал Варий Мемнону.

Вслед за лодочником, который двигался, шатаясь из стороны в сторону, друзья вышли из таверны.

Агенор привел друзей на берег моря к тому месту, где возле растянутых на шестах сетях рыбаков, зарывшись носом в песок, лежала его большая плоскодонная лодка.

– Ждите меня здесь... я схожу за веслами, – хрипло выговорил лодочник и исчез в темноте.

Мемнон стал спрашивать Варию о Ювентине.

– Когда ты видел ее в последний раз?

– Минувшим вечером. Я пригласил ее на наше тайное собрание в Теменитской роще.

– В этом была необходимость? – быстро спросил Мемнон.

– Я не стал бы вовлекать ее в опасное дело из-за пустяков. Она помогла придать больше уверенности тем, кто недавно посвящен в наш заговор. Прости, но я уговорил ее выступить на собрании от твоего имени.

– От моего имени? – изумился Мемнон.

– Если бы ты видел, как у всех собравшихся загорелись глаза, когда Ювентина сообщила, что храбрый Мемнон Александриец – ее муж и влиятельный человек на Крите. Всем им я рассказал, что ты обещал доставить в Сицилию большую партию оружия, а Ювентина подтвердила мои слова...

– Ты слишком торопишь события, – покачал головой Мемнон. – Я, как и обещал, говорил с Требацием, но, к сожалению, он еще не принял окончательного решения о поставке оружия.

– Догадываюсь, почему. Не верит, что здесь затевается что-то серьезное? – спросил Варий.

– Именно. Но ты можешь рассчитывать на четыреста пятьдесят комплектов полного дорийского вооружения, которые я заказал на Крите. По возвращении в Новую Юонию я найму корабль, и он доставит груз в условленное место...

⁴³ Римский денарий был равноценен греческой драхме.

– Ты потратил на оружие собственные деньги? – воскликнул фрегеллиец.

– Половину из того, что припрятал когда-то в развалинах Феста.

– Благородный юноша! Пусть боги будут всегда милостивы к тебе за твою бескорыстную помощь делу угнетенных! – расстроганно проговорил Варий. – Когда мы еще увидимся? – тут же спросил он.

– Ничего определенного сказать не могу. Во-первых, я должен немедленно увезти Ювентину из Сиракуз. Ей нельзя здесь больше оставаться. Я хочу переправить ее в более безопасное место... К тому же я связан важным поручением Требация и буду очень занят до самого конца таргелиона.

Мемнон помолчал и снова заговорил:

– Я был в городе... Кажется, претор отказался освобождать рабов по сенатскому указу.

– Что ты говоришь! – воскликнул Варий, не скрывая охватившей его радости. – Но, может быть, это только слух?

– Я сам видел, как солдаты выталкивали пришлых рабов за Ахрадийские ворота.

– Что ж! Римская комедия под названием «Освобождение рабов» должна была когда-нибудь закончиться подобным образом, хотя я не ожидал, что это произойдет так скоро, – удовлетворенно произнес фрегеллиец.

– А эти трое, с которыми ты познакомил меня в таверне? Кто они? – спросил Мемнон.

– Это самые надежные люди из тех, кого я привлек к нашему делу в последнее время.

Они настроены весьма решительно и в то же время очень рассудительны.

– Скажи без обиняков, насколько созрел заговор? – спросил Мемнон.

– Пока нас всего несколько десятков человек. В большинстве своем это беглые рабы, которым нечего терять. Но теперь, когда претор вступил в сговор с сицилийскими богачами, у нас будет много сторонников.

Варий на минуту умолк, потом снова заговорил, как бы рассуждая с самим собой:

– Я хочу задержать обманутых претором людей под Сиракузами и обстоятельно поговорить с ними. Заговору знати против рабов нужно противопоставить большой заговор рабов, распространив его по всей Сицилии. Такого благоприятного случая больше никогда не представится... Сотни людей из разных мест! И все они охвачены разочарованием и гневом... Больше медлить нельзя! Надо ковать железо, пока оно горячо...

– И что ты намерен предпринять?

– Я давно лелею одну мысль...

– Что за мысль?

– Неподалеку от города Палики... Ты слышал о нем?

– Да. Кажется, он знаменит своими серными источниками.

– Верно. Там находятся два больших источника, посвященных братьям-богам Паликам. Это подземные боги, но сицилийцы почитают их наравне со светлыми богами Олимпа. Святылище божественных братьев служит оракулом. Кроме того, там дают священные и нерушимые клятвы. Вот место, где можно зажечь сердца закосневших в рабстве людей, заставив их смелее взяться за оружие!

– Хочешь собрать там рабов и связать их клятвами?

– Я сам поклянусь, что первым подниму знамя восстания.

Оба ненадолго умолкли.

– Куда он запропастился, этот поклонник Диониса, – обеспокоенно произнес Мемнон, вспомнив о лодчнике.

В это время из темноты показалась долговязая фигура Агенора, который, тяжело дыша, волочил за собой весла.

– Ноги меня не держат и руки трясутся, – сказал пьяница, обращаясь к Мемнону. – Весьма меня обяжешь, если сам сядешь за весла...

– Давай сюда, – нетерпеливо сказал Мемнон и, выхватив из его рук весла, с привычной ловкостью моряка вставил их в ключины.

Втроем они стащили лодку на воду.

Лодочник тотчас устроился на корме, а Мемнон, обняв Вария, сказал:

– Мы еще обязательно встретимся. В Сиракузах посредником между нами будет Видаций. Береги себя. Да сопутствует тебе удача!

– Пусть боги тебя охраняют! Передай мой привет Ювентине. Прощай.

Мемнон запрыгнул в плоскодонку и, взявшись за весла, двумя мощными взмахами их вывел лодку с мелководья на глубину.

Глава восьмая

Мемнон и Ювентина. – Ночь у башни Галеагры

Мемнон греб в сплошной темноте, ориентируясь по маленькой светящейся точке, мерцавшей на щите храма Афины. Там в ночное время специальные служители вывешивали зажженный фонарь, служивший маяком кораблям, которые шли к Сицилии со стороны Пелопоннеса и Крита.

Примерно через полчаса лодка вошла в бухту ручья Аретусы. Мемнон продолжал энергично работать веслами, пока лодка не уткнулась носом в песчаный берег.

К этому времени лодочник уснул, развалившись на дне лодки. Мемнон попытался разбудить его, но это оказалось бесполезным делом. Пьяница спал мертвым сном, не реагируя на толчки, которыми Мемнон пытался привести его в чувство.

Мемнону пришлось самому вытащить лодку на прибрежный песок, чтобы ее не унесло течением в море. После этого он, ощупывая в темноте каждый камень, стал подниматься вверх по крутому скалистому берегу.

Южные ворота Ортигии по ночам запирались, но в этой части острова можно было пройти за ограждавшие его стены берегом ручья Аретусы. На обоих берегах ручья, друг против друга, стояли крепостные башни. Во время осады они надежно защищали это место со стороны моря.

Мемнону все здесь было хорошо знакомо. Отсюда он много раз пробирался в гостиницу Видацилия, где под видом богатого путешественника знакомился с людьми, занимавшимися морской торговлей, и выводывал у них нужные пиратам сведения о движении торговых судов и перевозимых на них товарах.

Он пошел по тропинке, тянувшейся вдоль правого берега ручья, стараясь не производить шума. По ночам вдоль крепостной стены по всему побережью Ортигии патрулировали солдаты городской стражи. Мемнон крадучись обошел южную башню и стал подниматься вверх по склону возвышенности, на которой была расположена гостиница.

Вскоре он добрался до знакомой ограды летней трапезной. Перелезть через ограду не составило для него труда. Очутившись в трапезной, Мемнон, осторожно ступая, двинулся вдоль ограды в сторону здания гостиницы.

Он был почти уверен, что Видацилий поселил Ювентину в сторожке у входа в трапезную. Сам он, время от времени посещая Сиракузы, несколько раз устраивался на ночлег в этой комнатке.

Видацилия и его слуг Мемнон не хотел будить. Ему хотелось увести Ювентину из «Аретусы» без шума и свидетелей.

Пройдя через трапезную, он вскоре очутился возле двери сторожки. Дверь оказалась не запертой и приоткрылась от легкого толчка.

В это время, выглянув из-за туч, ярко засияла луна. Чтобы свет от нее проник в комнату, Мемнон распахнул дверь настежь и сразу увидел девушку, спавшую на кровати в углу перед небольшим треножником.

С сильно бьющимся сердцем Мемнон вошел в комнату. Лежавший на полу толстый ковер скрадывал звуки его шагов, и он совершенно бесшумно приблизился к спящей.

С той минуты, когда Гиппий сообщил ему страшную весть о гибели Ювентины, образ ее преследовал его и днем и ночью. Все это время он носил мучительную боль в сердце, и уже на Крите дал самому себе клятву в вечной ненависти к римлянам, считая их кровными своими врагами, погубившими самое дорогое ему существо. Он мечтал о страшной мести, грезя мятежами рабов и кровавыми битвами их с римскими легионами.

Двадцать дней назад он со страстной убежденностью доказывал Требацию и членам конвента Новой Юнии, что, оказав помощь сицилийским рабам-заговорщикам и подготовляемому ими восстанию, пираты свяжут руки Риму, который уже готовится к походу на Крит и Киликию. Он говорил, что восстание очень скоро охватит всю Сицилию благодаря «широко разветвленному заговору рабов от Сиракуз до Лилибея», хотя никакого заговора еще не было даже в зародыше. Но Мемнон на все был готов в своей жажде мести. Если бы он знал тогда, что Ювентина жива! Наверное, вел бы себя иначе. Уехал бы вместе с нею в Кидонию, и там прожили бы они вдвоем свой век тихо и незаметно, как советовал мудрый Эпикур. Увы! Теперь он связан был клятвой, принесенной им перед членами конвента, и должен был до конца дней верой и правдой служить Новой Юнии...

Он наклонился над лицом девушки, жадно вглядываясь в любимые черты. Ювентина спала, дыхание ее было спокойно, губы по-детски шевелились во сне, маленькая рука свисала с кровати.

Ему не хотелось ее будить, но нужно было спешить. Он опустился на колени перед кроватью и стал покрывать руку девушки горячими поцелуями.

Ювентина проснулась и, приподнявшись на постели, испуганно прижалась спиной к стене.

– Кто здесь! – вскрикнула она, широко раскрыв глаза.

– Не бойся, радость моя! Это я! – тихо отозвался александриец.

– Мемнон!

Она бросилась к нему и обвила руками его шею. Он поднял ее на руки, как ребенка, и губы их слились в страстном поцелуе. Оба трепетали от счастья, наслаждаясь этими первыми мгновениями радостной встречи.

Объятия и поцелуи продолжались довольно долго. Наконец, Мемнон, оторвавшись от любимой, осторожно поставил ее на ноги и прошептал:

– Надо уходить. Завтра на рассвете сюда должны нагрянуть солдаты с обыском. Твой старый знакомый Клодий выведет, где тебя искать...

– Клодий? – изумилась Ювентина. – Вчера вечером он пытался меня задержать... Но откуда ты знаешь?

– Этим же вечером я был в его доме. От Клодия я узнал, что ты жива, но не мог этому поверить. Потом случайно встретил Вария...

– Ты сказал, что был в доме Клодия? Я ничего не понимаю... У меня голова кругом идет.

– Я должен был встретиться с ним по поручению Требация. Помнишь о подслушанном тобой разговоре между Клодием и Сальвидиеном? Кто мог подумать тогда, что мне придется участвовать в этом деле? Теперь я главный посредник между Требацием и Клодием. Потом расскажу тебе обо всем подробнее. А сейчас собирай все свои вещи. Затемно мы должны добраться до Трогильской гавани. Оттуда мы уйдем на каком-нибудь корабле, следующем в сторону Катаны...

– Катаны? – переспросила Ювентина

– Неподалеку от этого города находится вилла, на которой ты будешь чувствовать себя в полной безопасности, – торопливо пояснил Мемнон. – Потом, потом я обо всем тебе расскажу...

Они покинули гостиницу тем же путем, каким Мемнон пробрался в нее.

Перескочив через железную решетку, ограждавшую трапезную, александриец принял от Ювентины ее узел с вещами. Вслед за тем сильные руки его подхватили девушку и бережно перенесли над острыми зубьями ограды.

– Прощай, «Аретуса»! – тихо сказала Ювентина.

Но в голосе ее не было сожаления. Она чувствовала себя узницей, совершившей удачный побег.

Они благополучно добрались до берега бухты. Лодочник по-прежнему спал на дне лодки, не подавая ни малейших признаков жизни: не было слышно даже храпа. Будить его не имело смысла. Мемнон стащил лодку на воду и удерживал ее за корму, пока Ювентина пробиралась в ее носовую часть.

Вскочив в лодку, александриец взялся за весла. Он вывел лодку из бухты и направил ее вдоль берега острова в сторону Малой гавани.

* * *

Менее чем за час они обогнули весь восточный берег Ортигии и вошли в Малую гавань. Иначе она называлась еще Лаккийской.

Мемнон стал грести осторожнее, так как в темноте можно было столкнуться с каким-нибудь судном, стоящим на якоре. Лаккийская гавань была мелководной. Здесь стояло множество легких кораблей.

По пути Мемнон, налегая на весла, короткими фразами рассказывал Ювентине о приморской вилле в области Катаны.

– Вилла принадлежит Гаю Гереннию. Старик родом из Рима... В свое время он был горячим приверженцем Гая Гракха и вынужден был покинуть родной город после гибели своего кумира... Требаций помог ему деньгами, но с условием, чтобы тот приобрел виллу на восточном побережье Сицилии, где пираты теперь оставляют на хранение свою добычу, а также раненых или заболевших товарищей... Человек он неплохой, с ним ты легко поладишь... Имение не очень велико... Несколько десятков рабов и рабынь... Кроме них на вилле обитают пятеро искалеченных в боях пиратов... народ, по правде сказать, грубый, но, в общем, безобидный... Меня они хорошо знают, потому что раньше я был там частым гостем... Место живописное... Город Катана всего в трех или четырех милях от имения... Ты можешь посещать его в любое время... Старинный и красивый город... Театр... Это разнообразит твою жизнь. В праздники, а порой и в будни там можно посмотреть интересные представления... Одним словом, очень скучать там тебе не придется...

Около полуночи лодка пересекла Лаккийскую гавань и уткнулась носом в берег.

Лодочник зашевелился во сне и даже промычал что-то нечленораздельное, но тут же смолк.

– Мошенник, – сквозь зубы бормотал Мемнон, помогая Ювентине выйти из лодки. – Я сделал за него всю его работу.

Он вытащил лодку на песчаную отмель. Потом они пошли берегом моря к чернеющей на фоне звездного неба башне Галеагры⁴⁴, которой заканчивалась внешняя стена города, охватывавшая Тихе, Неаполь и южный склон Эпипол. Эта мощная башня, возвышавшаяся на стыке внешней городской стены и стены Ахрадины, являлась главным укрепленным пунктом города со стороны моря. С высоты ее можно было обстреливать из луков, скорпионов⁴⁵ и катапульт всю Лаккийскую гавань, если бы в нее ворвались вражеские корабли.

Когда они поднялись к башне, Мемнон положил на землю узел и пододвинул ближе к стене один из валявшихся вокруг грубо отесанных камней, оставшихся здесь еще со времени строительства башни.

Мемнон сел на камень, прислонившись спиной к стене, и позвал Ювентину:

– Иди ко мне! До рассвета осталось немного. Постарайся заснуть.

Мемнон усадил подругу себе на колени, прикрыв ее до самых плеч полой своего грубого и толстого дождевого плаща.

⁴⁴ *Галеагра* – в переводе с греч. «западня».

⁴⁵ *Скорпион* – здесь: машина для метания стрел, стреломет.

– Вряд ли я усну, – прошептала она. – В такую ночь! Мы снова вместе... Твое сердце... как оно гулко стучит! Я самая счастливая женщина на свете! Люблю и знаю, что любима!

– Да, любима, моя богиня! – тихо, как эхо, отозвался Мемнон и покрыл ее лицо поцелуями...

Небо над городом расчистилось от туч, медленно отступавших на восток. Звезды сияли ярко, но море обнимала непроглядная мгла.

Ювентина рассказала Мемнону обо всем, что произошло в ту злосчастную ночь на вилле Никтимены: о том, как римляне, которых привел туда предатель Аполлоний, схватили Минуция и как она и Геродор вырвались из плена, бросившись в холодные воды Вултурна.

– Ни мне, ни Геродору не удалось вовремя добраться до лагеря, чтобы предупредить Ламида и Клеомена об измене Аполлония. Переплыв реку, я долго блуждала во тьме по залистой водой пойме, пока не добралась до Казилина. Было очень холодно и страшно, но я должна была предупредить вас о смертельной опасности. Я заставила себя еще раз переплыть Вултурн... К сожалению, я не успела. Когда я выбралась на левый берег, сражение уже подходило к концу...

– Бедная голубка моя! – обнимая и целуя ее, прошептал Мемнон.

– Геродору повезло меньше, чем мне, – со вздохом продолжала Ювентина. – В конце концов его снова схватили...

– Погиб?

– Не знаю. В Капуе у меня была встреча с Марком Лабиемом. Не может быть, чтобы Лукулл отказал храброму и заслуженному центуриону в его просьбе пощадить Геродора, которого Лабием должен был представить ему как своего спасителя в день битвы у Тифатской горы...

– Ты пришла в Капую специально, чтобы встретиться с Лабиемом?

– Да. Я просила его, чтобы он навестил Минуция в тюрьме и передал ему алабастр с ядом... помнишь, тот самый, который я показывала тебе на альбанской вилле Аврелия? Я хотела избавить его от издевательств и пыток перед казнью. Это все, что я могла сделать для него...

– Понимаю, – тихо сказал александриец.

Ювентина подробно изложила свой разговор с Лабиемом во время свидания с ним в Капуе. Не утаила она и о нечаянной встрече с Эмилием Скавром, сыном принцепса сената, хотя рассказывала об этом с явной неохотой.

– Надо было мне прикончить этого мозгляка! – мстительным тоном проговорил Мемнон, когда Ювентина рассказала, как хвастался перед ней Скавр своим ранением в голову, якобы полученным во время сражения под Казилином. – Все они таковы, эти знатные римские особы! С жизнью расстанутся раньше, чем со своей спесью! И сколько хвастливого вранья можно прочесть на их могильных памятниках! Пока они молоды, любую царяпину, полученную на войне, выдадут как свидетельство выдающегося подвига, а потом, возглавляя легионы, будут писать в сенат о взятии десятков городов, а на самом деле жалких деревушек, брошенных без боя их обитателями.

Он коротко рассказал ей о том, что она уже знала от Вария, – о своей кровавой схватке с тремя преследователями, среди которых был и отпрыск рода Эмилиев, показавший себя презренным трусом.

– Ну, а я, – продолжала рассказывать Ювентина, – до самого заката пряталась в зарослях неподалеку от Аппиевой дороги и, когда стемнело, вернулась в имение. По пути туда я случайно встретила раненого африканца из отряда Гилерна. Его зовут Сирт. Теперь он преданный мне слуга...

– Это хорошо, – с удовлетворением сказал Мемнон. – Пока меня не будет рядом, надежный защитник тебе не помешает. Как мне его найти?

– Он снимает комнату в одном из бедных кварталов Тихэ... там есть ночлежный дом на улице Шорников.

– Я найду его, – сказал Мемнон и, помолчав, продолжил: – Кроме того, я пришлю тебе служанку. Теперь я вполне состоятелен для того, чтобы обеспечить тебя всем необходимым. Обязательно подыщу тебе девушку на рынке рабов...

– В «Аретусе» я очень сдружилась с одной милой девочкой-гречанкой. Она бы мне подошла, но Видацилий, наверное, не согласится расстаться с ней?

– А, ты имеешь в виду эту бедную немую? Леену?

– Да. Она тоже привязалась ко мне, пока я жила в гостинице.

– Я уплачу за нее Видацилию столько, сколько он потребует... Но прости, я перебил тебя. Рассказывай, что было дальше?

Беседа их затянулась до третьей стражи ночи.

Мемнон рассказал подруге о своем десятидневном пребывании на Крите.

– Я был в полном отчаянии, моя ласточка! Во время плавания к Криту я и днем и ночью изнурял себя работой, заменяя уставших гребцов. Думал, что это хоть немного отвлечет меня, облегчит душу... Прибыв на Крит, я рассказал Требацию о своем участии в восстании Минуция и, по его рекомендации, предстал перед членами конвента, дав страшную клятву верности... Помнишь, я обещал, что увезу тебя в Кидонию? Мы мечтали о спокойной мирной жизни в этом городе. Теперь же все пошло прахом. Отныне я возведен в ранг навархов с правом участвовать в собраниях конвента. У меня был выбор. Я мог отказаться. Требаций говорил мне об этом. Если бы я знал, что ты жива, то уклонился бы от этой чести, но теперь...

– Не огорчайся! – мягко прервала его Ювентина. – Знаешь, по правде сказать, мне никогда и не верилось в тихое счастье с тобой, мой бедный гладиатор. Да, да, я никогда не обманывала себя на этот счет, всегда крепилась душой, готовясь разделить с тобой любые горести, любую судьбу. Для меня высшее счастье быть рядом с тобой, остальное не имеет значения. Только ты мое благо. Без тебя мне не жить. Без тебя я чувствовала бы себя затерянной, всеми покинутой, заживо погребенной. Я твоя верная жена и... куда ты, Гай, туда и я, Гайя⁴⁶, – говорила она, прижимаясь своим нежным лицом к колкой щетине его небритых щек.

– Счастье мое! – прошептал Мемнон, целуя ее.

– На Крите я очень скоро нажил себе много врагов, – помолчав, снова заговорил он. – Не хочется рассказывать... Мы ведь с тобой условились, что я не буду вспоминать о женщинах, которые были у меня до тебя. Но о моей встрече со своей бывшей критской возлюбленной стоит сказать несколько слов, потому что из-за нее у меня случились неприятности, едва не стоившие мне жизни. Прошлым летом, когда меня схватили и сделали гладиатором, она считала меня погибшим и сошлась с одним молодым человеком, который...

– Я должна тебе признаться, – перебив его, сказала Ювентина. – Как-то в одной беседе со мной старик Сальвидиен поведал мне о твоей критской подруге и о том, что после того, как ты пропал без вести, она утешилась с другим. Я даже запомнила их имена, которые он мне назвал... Его зовут Мамерк Волузий, а ее Понтия Умбрена...

– Так ты все знала и помалкивала? Вот плутовка! – с нежным укором произнес он. – За это я должен наказать тебя. Ну-ка, где твои губки?

Он еще раз поцеловал ее и продолжил свой рассказ:

– Мамерк Волузий был проратом на корабле, доставившим меня на Крит. Он с самого начала стал выказывать мне свою враждебность, предупредив, чтобы я держался подальше от Умбрены, иначе мне несдобровать. Нужно было как-то успокоить его, поговорить с ним со всей откровенностью. Я ведь не собирался возвращаться к Умбрене. После тебя все женщины стали мне постылы. Но я ответил с презрением, что не боюсь его угроз, и посоветовал

⁴⁶ Эту фразу, по римскому обычаю, произносила невеста, обращаясь к своему жениху во время свадебного обряда.

ему никогда не становится на моем пути. Мое состояние в то время трудно описать. Потеряв тебя, я стал замкнут и зол. Когда я прибыл на Крит, то не искал встречи с Умбреной. Она сама пришла ко мне. Я был холоден с нею, но она расценила это по-своему, заговорив о том, что все уладит с Мамерком, если я вернусь к ней. Возможно, я не нашел нужных слов... более мягких и тактичных, необходимых в таких случаях. Можно было рассказать ей о тебе, о своем горе. Но я ни перед кем не хотел раскрывать свою душу. Видимо, мой отказ прозвучал слишком черство и безжалостно. Этим я ее оскорбил. Умбрена всегда была девушкой гордой и самолюбивой. Ей покровительствует сам Требаций, потому что ее покойный отец был его другом. С Мамерком она дружила с детства. Кроме него, у нее было много поклонников, но когда я впервые появился в Новой Юнонии, она предпочла меня всем остальным. Мне она просто нравилась, и это меня вполне устраивало. Тогда у меня не было явных врагов, если не считать соперника Мамерка, который, впрочем, тогда не выказывал открыто своей зависти и вражды по отношению ко мне. Но как только нога моя ступила на критскую землю после бегства из Италии, лишь немногие из моих прежних знакомых выражали радость по случаю моего возвращения из римского плена. Поначалу я не придавал особого значения косым взглядам, которыми меня встречали в таверне, куда я обычно заходил подкрепиться, но однажды какой-то каппадокиец, один из приятелей Мамерка, затеял со мной ссору. Он был огромен ростом и обладал большой силой, но я превзошел его ловкостью и искусством кулачного боя, и победа осталась за мной. Эта драка в таверне была только началом козней, которые готовил против меня Мамерк. Он был взбешен, узнав о том, что я встречался с Умбреной. Сама она, видимо, тоже настраивала его против меня. В конце концов Мамерк и его друзья решили меня убить...

– Убить! – вырвалось у Ювентины.

– В этом мне вскоре пришлось убедиться... Я тогда хлопотал перед Требацием относительно доставки оружия в Сицилию. Ты уже знаешь, что об этом просил меня Варий, перед тем как мы расстались с ним в Сиракузах. Прибыв на Крит, я встретился с Требацием и солгал ему, что заговор уже существует, что сотни рабов вовлечены в него и только ждут сигнала к выступлению. Я убеждал его в необходимости снабдить оружием хотя бы застрельщиков и пугал тем, что в Риме идут серьезные приготовления к морскому походу против пиратов. Требаций и все его влиятельные друзья сами понимали, что большая смута в Сицилии заставит римлян на долгое время отказаться от борьбы с морским разбоем и бросить все свои силы не только против кимвров, но и против восставших рабов... Тогда же я договорился в Гортине с одним торговцем оружия о покупке четырехсот пятидесяти комплектов тяжелого вооружения, заплатив ему вперед наличными... Как я тебе раньше говорил, деньги свои я припрятал в развалинах дворца в Фесте. Тайник оказался в полной сохранности. В тот день я вынес из него около двух талантов серебра, столько, сколько необходимо было для покупки оружия. Остальные деньги до сих пор лежат в тайнике... На обратном пути из Феста на меня напали Мамерк и трое его приспешников. Они выследили меня и устроили засаду на безлюдном берегу реки Электры. Возможно, они догадывались, что я возвращаюсь в крепость не с пустыми руками. Поэтому Мамерку легко удалось подговорить своих друзей разделаться со мной. К счастью, я вовремя заметил мелькнувшую впереди меня тень и заподозрил неладное. Нападавшим не удалось застать меня врасплох. Как только они обнаружили себя, неожиданно выскочив навстречу из-за громоздившихся вокруг скал, я поспешил занять выгодную позицию на возвышенном месте. Они окружили меня, но разве эти увальни могли сравниться со мной в искусстве владеть оружием? Мне удалось отбить все их удары, причем двое из них вскоре получили достаточно тяжелые ранения, чтобы не представлять для меня опасности. Потом я ранил и Мамерка, а последний его товарищ не осмелился вступить со мной в единоборство и обратился в бегство. Раненый Мамерк сам просил, чтобы я прикончил его. Я был в ярости и готов был тут же исполнить его просьбу, но мысль об Умбрене, которой я не хотел причинять боли, меня остановила.

Смерть Мамерка сделала бы ее несчастной. Я подарил ему жизнь, хотя до сих пор не уверен, что поступил правильно...

– Ты думаешь, Мамерк и его друзья по-прежнему будут искать случай, чтобы отомстить тебе? – с беспокойством спросила Ювентина.

– Посмотрим... Пока что я недотягиваю для своих критских врагов. Мое посредничество между Требацием и Клодием, судя по всему, затянется до конца года. Если все пойдет как надо, я перевезу тебя в Гераклею, и там мы некоторое время будем вместе... Знаешь, мне все больше начинает нравиться Сицилия, эта поистине благодатная страна. Все здесь меня привлекает... и мягкий климат, и близость моря, но больше всего неприступные скалы, удобные для восстаний.

– Ты хочешь принять участие в войне рабов с римлянами, – задумчиво сказала Ювентина, глядя его рукой по волосам. – А ведь не так давно ты совсем по-другому относился ко всякого рода мятежам, считая их заранее обреченными на неудачу.

– Ты права, голубка моя. Раньше меня подавляло могущество Рима. Но теперь мои представления на этот счет сильно изменились. Римляне противопоставили себя всем остальным народам, даже своим союзникам. Сейчас они бессильны отразить нашествие кимвров. Как только варвары ворвутся в Италию, дни Рима будут сочтены. Минуций был прав, когда говорил, что в самой Италии к кимврам примкнут тысячи и тысячи рабов, и все вместе они могут опрокинуть этот проклятый город. Но раньше, чем это произойдет, угнетенные в самой Италии сами должны заявить о себе, выступив с оружием в руках за свои интересы. Если восставшим удастся захватить Сицилию, она превратится в оплот свободы против всех поработителей, как бы они ни назывались... римлянами или даже кимврами, относительно которых я не строю никаких иллюзий.

– Вчера Варий привел меня в Теменитскую рощу, где собрались его единомышленники...

– Да, я знаю. Варий рассказал мне об этом...

– Среди них был один молодой киликиец по имени Афинион. Как я поняла, он образован, увлечен астрологией и что-то цитировал мне из Платона... из его знаменитых «Законов». Он говорил, что только силой можно заставить весь род людской жить по законам справедливости.

– Вот он каков, этот киликиец! – усмехнулся Мемнон. – А мне-то он при встрече показался легкомысленным щеголем.

– Так ты знал его раньше? – с удивлением спросила Ювентина.

– Нет. Меня познакомил с ним Варий несколько часов назад.

– Я пришла на это собрание по настоянию Вариия, – помолчав, продолжала Ювентина. – Он уговорил меня выступить от твоего имени... о предстоящей доставке тобой оружия в Сицилию. Никогда в своей жизни я не лгала столь вдохновенно...

– Ты все сделала правильно, девочка моя. И ты и я лгали ради пользы дела. В конце концов, ложь обернулась правдой. Заговор существует, а первая партия оружия будет доставлена в Сицилию не позднее скирофориона. Уж я об этом позабочусь...

Незадолго до рассвета, утомленные долгой беседой, они уснули, тесно прижавшись друг к другу.

Часть вторая

ЗАГОВОР РАБОВ

Глава первая

Трогильская гавань. – Плавание на «Прекрасном Главке». – Бухта Улисса

Проснулись они, когда со стороны моря широкая пурпурная полоса прочертила темно-синий горизонт. Только-только начинало светать.

Открыв глаза, Ювентина увидела склоненное над собой лицо Мемнона. Глаза его светились любовью.

– Я так и спала... у тебя на коленях, – с сонной улыбкой проговорила она. – Бедный мой, у тебя же ноги затекли!

– Ничего, разомнусь, – поцеловав ее, сказал Мемнон.

Вскоре совсем рассвело, и багряный отблеск утренней зари вспыхнул на золотом щите храма Афины. Ночь была довольно холодной, но день обещал быть жарким. Весело посмеиваясь, они проделали несколько гимнастических упражнений, чтобы согреться, после чего тронулись в путь.

Им предстояло пересечь мыс и спуститься в Трогильскую гавань.

Мемнон нес узел с вещами Ювентины, с улыбкой наблюдая, как она, далеко опередив его, легко поднимается по склону взгорья. Ее голубой плащ мелькал среди зубьев скал и камней.

Взобравшись наверх, Ювентина увидела небольшой залив шириной около четверти мили. Он был заполнен множеством средних и малых кораблей, стоявших на якорях у деревянных причалов.

Трогильская гавань находилась за пределами Сиракуз и была гораздо менее удобным пристанищем для кораблей, чем две основные сиракузские гавани, почти полностью окруженные городскими стенами. Корабли заходили сюда на кратковременную стоянку, обычно только на одну ночь, чтобы с рассветом продолжить плавание, минуя Сиракузы.

В этой гавани матросы и гребцы могли отдохнуть, подкрепиться едой и вином, запастись пресной водой и провизией. Берег залива был усеян торговыми палатками и лавками. К прибывавшим в гавань большим судам, становившимся на якорь далеко от берега, по мелководью устремлялись легкие челны. Лодочники наперебой предлагали морякам свои услуги по перевозке с кораблей на берег людей и грузов. Работы здесь хватало и рабам, и свободным.

Когда Мемнон и Ювентина спустились в гавань, там, несмотря на ранний час, царило оживление. Было время завтрака. Матросы, гребцы, путешественники и их слуги собирались под парусиновыми навесами, возле которых сутились разносчики вина и лоточники, громко предлагавшие горячую снедь, которую рабы готовили тут же на пылающих жаровнях.

Мемнон и Ювентина ничем не выделялись в этих оживленных толпах людей.

Александриец был в одной короткой тунике. Тяжелый испанский меч в ножнах с широкой кожаной перевязью он завернул в плащ и все это сунул себе подмышку. Открыто разгуливать с оружием здесь не было принято, а в пределах города ношение его было запрещено.

Ювентина, как только пригрело солнце, тоже сняла с себя свой нарядный голубой плащ, оставшись в длинной тунике до пят. В таких платьях, препоясанных под грудью, ходили обычно все свободные сицилийские женщины.

Погода стояла прекрасная. Небо полностью расчистилось от туч.

Подкрепившись горячими пирожками, солеными маслинами и терпким вином, Мемнон и Ювентина ненадолго расстались.

Ювентина осталась одна с вещами под сенью навеса харчевни, в которой они позавтракали, а Мемнон отправился на поиски судовладельца, который согласился бы доставить их в Катану.

Один из стоявших в гавани грузовых кораблей уже готовился к отплытию. От матросов Мемнон узнал, что корабль идет в Тавромений. Александриец нашел кормчего, который охотно согласился доставить супружескую чету в Катану за шесть денариев (Мемнон, как и во время путешествия с Ювентиной по Италии, назвался Артемидором Лафироном, купцом из Брундизия, а жену нарек привычным для нее именем Веттия, как бы невзначай поведая кормчему, что она родом из Лация). Деньги он уплатил не торгуясь, хотя кормчий назначил непомерно высокую плату за проезд.

– Через два часа выходим в море, радость моя! – вернувшись к Ювентине, объявил Мемнон и тут же вспомнил о своем желании обратиться к услугам цирюльника.

– Пора возвращаться к жизни! – счастливо рассмеялся он.

Примерно через полчаса он предстал перед Ювентиной чисто выбритый и красиво подстриженный. Ювентина нашла его очень пригожим и расцеловала в обе щеки.

«Прекрасный Главк», на котором им предстояло совершить путешествие, был так называемым полуторпалубным судном. Такие корабли имели над нижней палубой только неширокие палубные настилы, которые тянулись вдоль бортов от кормы до кастерия⁴⁷. По мнению Мемнона, опытного моряка, этот корабль при помощи весел, под одним большим парусом и при попутном ветре способен был от рассвета до заката покрыть не меньше сорока миль. До Катаны он должен был добраться не раньше чем в два часа пополудни.

На носу корабля возвышалось большое ярко раскрашенное изображение Главка, сына владыки морей Посейдона. А на корме была помещена небольших размеров гипсовая статуя женщины в парусообразном головном уборе, изображавшая особенно почитаемую моряками Авраю, богиню легкого попутного ветра.

Мемнон и Ювентина поднялись на корабль, когда гребцы уже рассаживались по своим местам на апостиках⁴⁸. Вскоре раздались команды кормчего: «Поднять якорь!.. Весла на воду!». Эту команду, как эхо, повторил прорат, носовой начальник и помощник кормчего. Вслед за этим послышались удары деревянного молотка, дававшие такт гребцам, которые, налегая на весла, испустили дружный крик:

– Эй-я!

«Прекрасный Главк», поднимая и опуская весла в такт методичным ударам молотка, вышел из гавани и, распустив парус, помчал по гребням волн, подгоняемый свежим нотом.

Мемнон и Ювентина, обнявшись, молча стояли у борта, бросая прощальные взгляды на грозные крепостные башни Ортигии и Ахрадины.

Щит на храме Афины еще долго сверкал на солнце, перед тем как скрыться из виду.

Когда судно обогнуло мыс и повернуло на север вдоль побережья, Мемнон предложил Ювентине перейти к левому борту корабля, чтобы познакомить ее с наиболее достопримечательными местами побережья. Он прекрасно знал весь восточный берег Сицилии от Сиккульского пролива до мыса Пахина.

На чистом голубом небе четко вырисовывалась белая шапка вулкана Этна с поднимающейся над ней струйкой серого дыма.

⁴⁷ *Кастерий* – помещение в носовой части античного корабля; в нем хранились снасти и отдыхали гребцы.

⁴⁸ *Апостики* – помосты, выступающие за пределы борта корабля, на которых располагались весла и гребцы.

– Как она величественна и красива! – любясь ею, говорила Ювентина. – Поистине она царит над всей Сицилией! В Мессане мне казалось, что до нее рукой подать, а ведь оттуда до Этны, как мне сказали, не менее ста миль.

В это время кормчий, стоявший неподалеку, приблизился к ним и вмешался в их разговор.

– У меня, который прожил здесь много лет, эта красавица вызывает чувство одного лишь смиренного почтения. Видели бы вы ее восемнадцать лет назад!.. Я тогда был в Катане. Вот это было зрелище, клянусь Вулканом! Извержение⁴⁹ всех застало врасплох. В городе была такая суматоха, будто в него ворвался неприятель: женщины с распущенными волосами бегали из храма в храм, умоляя богов о спасении. Многие корабли уходили из гавани подальше в открытое море. А из самой вершины Этны непрерывно вырывался огонь, и тучи дыма поднимались высоко в небо. И все это сопровождалось такими подземными толчками, будто Энекилад и Пифон⁵⁰, восстав от вечного сна, сговорились между собой, чтобы вырваться наружу. Через несколько дней лавовые потоки достигли города, и один из них, разрушив часть городской стены, изливался в море...

– Ты имеешь в виду северную часть стены? – поинтересовался Мемнон, внимательно слушавший кормчего.

– Да, молодой человек, именно северную. Она до сих пор не восстановлена, и город был бы весьма уязвим в случае войны...

– Большое счастье для Катаны, что римляне подарили благословенной Тринакрии вечный мир и процветание, – с едва уловимой иронией сказал Мемнон, подумав о том, что война в Сицилии, по его расчетам, начнется в самое ближайшее время и плохо укрепленная Катана могла бы стать легкой добычей восставших.

Полдневный зной заставил всех матросов раздеться до набедренных повязок.

Мемнон убедил Ювентину снять с себя длинное платье и остаться в одной короткой тунике.

Кормчий отдал приказ установить передний парус, который всегда ставился при устойчивом попутном ветре. Корабль заметно прибавил ход.

Мемнон, услышав разговор между кормчим и проратом о том, что неплохо было бы развернуть еще и суппар (это был самый верхний парус), тут же обратился к ним, выразив желание поставить его, уверяя, что сделает это не хуже любого из матросов. Кормчий, подумав немного, дал согласие, и александриец, взобравшись на мачту, развернул и закрепил парус с такой ловкостью и умением, что все матросы одобрительно загудели, а кормчий сказал Ювентине:

– Твой муж отменный моряк.

Мемнон, спустившись на палубу, рассказал Ювентине о своем друге, навархе Блазионе, который открыл секрет плавания под одними парусами почти против ветра.

Говоря об этом, Мемнон несколько не преувеличивал. Пираты довели свои корабли до такой степени совершенства, что стали благодаря им подлинными властителями моря.

– Когда-нибудь ты увидишь его «Амфитриту», непревзойденный либурнийский корабль, – говорил александриец. – На таком корабле я рискнул бы отправиться даже за Геркулесовы Столпы.

– Я помню, как ты рассказывал о своей страсти к морским путешествиям, – ласково заглядывая ему в глаза, сказала Ювентина. – Помнишь, в Риме?.. Ты говорил, что в ранней

⁴⁹ Кормчий говорит об извержении Этны, впервые зафиксированном в письменном источнике. Оно произошло в 122 г. до н. э.

⁵⁰ *Энекилад* и *Пифон* – мифические существа. *Энекилад* – один из сторуких гигантов, сын Тартара и Геи, убитый богиней Афиной и погребенный под горой Этной. *Пифон* – чудовищный великан, порождение Геи, задевавший головой звезды. Зевс напоил его ядом, вызывавшим беспамятство, после чего навалил на него Этну. Именно он с тех пор, по представлениям древних, изрыгал ядовитые пары и расплавленную лаву.

юности тайком от отца рисовал географические карты и мечтал о славе первооткрывателя далеких земель.

– Увы! Я давно уже расстался с этими мечтами, – грустно улыбнулся ей Мемнон.

В полдень «Прекрасный Главк» прошел мимо полуострова с видневшимися на его берегу развалинами Мегары Гиблейской. Сто десять лет назад этот город был разрушен Марцеллом и с тех пор не восстанавливался.

Ювентина удивлялась пустынным, необжитым берегам. На побережье не видно было ни деревень, ни вилл, хотя трудно было представить себе более благодатные места для обитания. Только на очень почтительном расстоянии от моря видны были разбросанные там и сям деревенские поселки, нарядные виллы, поля, оливковые рощи и виноградники, взбирающиеся по склонам холмов широкой Леонтинской равнины.

– Какая красота! – восхищалась Ювентина. – Какая щедрая растительность! А эти каштановые рощи и зеленые луга! Почему же сицилийцы строят свои жилища так далеко от моря?

– Все очень просто, моя голубка! – отвечал Мемнон. – Они страшатся пиратов, которые охотятся за людьми даже на суше. Поэтому сицилийцы считают рискованным строить усадьбы на самом побережье, несмотря на то, что здесь можно найти земли, отличающиеся сказочным плодородием. Многие поплатились своей свободой, случайно и не вовремя оказавшись вблизи моря.

Приблизительно за четыре часа до заката показалась Катана.

– Знаешь ли ты бухту Одиссея, которую римляне называют бухтой Улисса? – подойдя к кормчему, спросил Мемнон.

– Конечно. Это немного севернее города. Но почему ты спрашиваешь?

– Ты можешь не заходить в Катану, как мы с тобой договаривались. Ветер попутный, и ты успеешь до заката добраться до Абрикса. Не соблаговолишь ли высадить нас в этой бухте? Я уплачу тебе за эту остановку еще пять денариев.

– Ну, что ж! Идет! – не раздумывая, согласился кормчий.

«Прекрасный Главк» прошел еще около трех миль, минуя Катану, и повернул к берегу.

Кормчий приказал матросам убрать паруса. Вскоре корабль малым ходом вошел в небольшой залив, защищенный высокими скалистыми берегами от южного и северного ветров.

Гребцы выполнили команду прората «весла поперек».

Корабль медленно пристал к берегу, уткнувшись острым носом в прибрежный песок. Матросы сбросили на берег сходни.

Мемнон пожал руку кормчему.

– Счастливого плавания! Да будут милостивы к тебе и твоим людям Посейдон и Амфитрита!

– Да ниспошлет вам Аврая попутный ветер до самого Тавромения! – сказала Ювентина, помахав на прощанье рукой кормчему и матросам.

– Пусть всегда к вам будет благосклонна Афродита Фиалковенчанная! – добродушно улыбаясь, крикнул кормчий, когда Мемнон и Ювентина сошли на берег.

Матросы убрали сходни и, действуя длинными шестами, оттолкнули судно от берега.

– Весла на воду! – послышалась команда прората.

Выйдя из бухты, «Прекрасный Главк» еще некоторое время медленно двигался кормой вперед, затем плавно развернулся, и до стоявших на берегу Мемнона и Ювентины донесся дружный возглас гребцов:

– Эй-я!

Четыре десятка весел, поднявшись высоко вверх, разом опустились, ударив по воде.

Мемнон и Ювентина провожали корабль взглядами, пока он не исчез за скалистым мысом.

Ювентина с любопытством осмотрелась вокруг.

– Неужели в этой самой бухте останавливался корабль Улисса⁵¹?

Мемнон улыбнулся.

– Во всяком случае, сам Одиссей со слов Гомера рассказывал так:

... в заливе

Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.

Близко была ключевая вода; все товарищи, выйдя

На берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин.

– После я покажу тебе тот самый родник, из которого брали воду Одиссей и его спутники, – пообещал он.

⁵¹ Улисс – латинизированная форма имени Одиссей.

Глава вторая

Вилла Убежище. – Крипта, или «пещера циклопов». – Либурна «Амфитрита»

Над кромкой песчаного берега бухты полукольцом выселись серые гранитные утесы. Между ними вверх по крутому склону вилась едва приметная тропинка. По ней Мемнон и Ювентина поднялись на высокую скалистую возвышенность, с которой открывался вид на залитую ярким солнечным светом цветущую долину. Ювентина не сразу заметила в глубине ее крышу большого сельского дома, утопавшего в зелени виноградников.

Со стороны моря усадьба была огорожена довольно высокой каменной стеной и напоминала небольшую крепость. Впрочем, с кораблей, проходивших мимо бухты Улисса, ни стен, ни самого усадебного дома вместе с другими постройками не было видно.

Мемнон и Ювентина спустились к каменной ограде виллы и остановились у калитки, почти скрытой от глаз в зарослях винограда. Вдоль ограды на всем ее протяжении росли кусты розмарина.

Мемнон несколько раз с силой ударил кулаком в дверь калитки.

На стук раздалось разноголосое тьяканье собак. Через некоторое время послышался грубый мужской голос, ругавшийся по-гречески:

– А ну, пошли прочь! Замолчите, проклятые... Эй, кто там?

– *Aperi, jam scies!*⁵² – ответил Мемнон по-латыни. Эта латинская фраза у критских пиратов издавна служила паролем. Ее понимали и грекоязычные.

Загремел засов, и тяжелая дверь калитки со скрипом отворилась. Из нее, прихрамывая, вышел человек огромного роста, бородатый, одетый в эпоксиду – короткий греческий хитон, закрепленный на одном левом плече. Наполовину обнаженная грудь бородача была покрыта многочисленными шрамами.левой рукой он опирался на толстую суковатую палку. Правая рука покоилась на рукояти прикрепленного к поясу широкого кинжала в ножнах из буйволиной кожи.

Великан сразу узнал Мемнона.

– Клянусь Зевсом Олимпийцем! – вскричал он с изумлением. – Мемнон! Александриец! Так ты жив? Вот чудеса! А нам рассказывали, что тебя похитил Нептун прошлым летом во время бури у Мизенского мыса...

– Привет тебе, Гераклеон! Рад видеть тебя! – отвечал Мемнон. – Я прибыл по поручению Требация. Здесь он назначил мне встречу. А это Ювентина, моя жена... Мы только что прибыли из Сиракуз на частном судне.

– Из Сиракуз? Ну, что ж! Со счастливым прибытием! – сказал Гераклеон, бросив внимательный взгляд на Ювентину.

Он пропустил во двор гостя и его спутницу, а сам стал запирает калитку, гремя засовами.

Сразу за калиткой начинался сад, представлявший сплошные заросли. Фруктовые деревья в нем давно уже смешались с ельником и каштаном, переплелись между собой и образовали глухое, дикое место.

Мемнон уверенно повел Ювентину по узкой тропинке к большому усадебному дому. У входа вместо портика растянут был широкий навес из парусины, крепившийся на почерневших от времени толстых деревянных столбах. Под навесом за большим квадратным столом сидели четверо мужчин. Возле стола хлопотала уже немолодая женщина-служанка с лицом

⁵² Открой, тогда узнаешь!

морщинистым и румяным, как печеное яблоко. Она устанавливала перед сотрапезниками широкое серебряное блюдо с дымящимися на нем кусками жареной баранины.

Трое из четырех сидевших за столом были людьми пожилыми. Четвертый был в том возрасте, когда на лице только начинают появляться первые морщины. Он был лишен правой руки, ампутированной у самого предплечья. Лицо сидевшего рядом с ним старика было отмечено жестоким неровным шрамом, тянувшимся от навсегда закрывшегося глаза до самого подбородка. У остальных двоих сотрапезников на голых плечах видны были многочисленные рубцы от ран, а находившиеся у них под рукой костыли свидетельствовали о поврежденных нижних конечностях.

Мемнона они встретили возгласами удивления. Как и Гераклеон, они считали его давно погибшим.

– Дорогой Мемнон! Если бы ты знал, сколько раз мы поминали тебя в числе других храбрых, павших прошлым летом! – воскликнул старый пират со шрамом на лице.

– Привет вам всем, друзья! Видимо, богам было угодно, чтобы я, испытав столько невзгод и опасностей, вновь оказался среди своих.

Сказав это, Мемнон взял за руку Ювентину и продолжил:

– Представляю вам мою жену, которую я очень люблю. Она останется жить здесь, пока не изменятся обстоятельства. Вы должны знать, что у меня нет ничего дороже ее. Поэтому я прошу вас относиться к ней уважительно и другим не давать в обиду.

В это время появился хромой Гераклеон и, услышав последние слова александрийца, воскликнул:

– О чем разговор, дружище? Каждый, кто посмеет ее обидеть, будет иметь дело со мной! И он потряс в воздухе своим громадным кулаком.

Мемнон знал Гераклеона еще до того, как тот получил тяжелое ранение в морском сражении с эвбейцами и стал инвалидом: у него были повреждены сухожилия на левой ноге, которая стала короче и почти не сгибалась.

Этот грек, родом с Андроса, был очень уважаемым человеком среди обитателей виллы за свою огромную силу и обостренное чувство справедливости. Сам Геренний, хозяин виллы, относился к нему с большим почтением.

– Не беспокойся за свою красавицу, Мемнон!.. Будем оберегать ее, как родную сестру!.. – раздалась нестройные возгласы тех, кто сидел за столом.

После этого Мемнон и Ювентина присоединились к участникам пиршества.

Служанка принесла и поставила на стол кратер с вином. Пока Гераклеон разливал по кубкам вино, черпая его киафом из кратера, Мемнон по очереди представлял Ювентине каждого из сидевших за столом, называя их полными именами, что очень льстило отставным пиратам.

За исключением Гераклеона, все они были уроженцами Рима, активными участниками мятежа Гая Гракха. Вынужденные спасаться от преследований, они в разное время примкнули к Требацию, честно отслужили на своих кораблях, участвуя во многих походах и сражениях, и после того, как были признаны непригодными к морской службе, конвент Новой Юнии определил их на постой к Гереннию.

Наполнив все кубки, Гераклеон произнес здравицу в честь Мемнона, не забыв упомянуть о том, что когда-то александриец, рискуя собой, спас самого Требация, прикрыв его щитом от вражеских стрел во время боя с римлянами у Вулкановых островов.

Мемнон еще в Риме говорил Ювентине, что Требаций обязан ему жизнью, но только теперь она узнала во всех подробностях, как это произошло. По словам Гераклеона, александриец в том бою во всем блеске выказал свою силу, храбрость и умение владеть оружием.

После первой выпитой чаши Мемнон по единодушным просьбам друзей рассказал о своих злоключениях в Италии. Его слушали с глубоким вниманием, особенно о восстании рабов под Капией.

Значительную часть своего рассказа Мемнон посвятил Ювентине, описав ее выдающийся подвиг во время бегства гладиаторов из Рима.

Пока Мемнон произносил эту восторженно-хвалебную речь в ее честь, Ювентина сидела, скромно опустив глаза и чувствуя на себе уважительные взгляды всех сидевших за столом.

Окончив свой рассказ, Мемнон спросил:

– А Геренний?

– Отправился с товарами в Мессану, – ответил Гераклеон.

– Самое ценное он распродал еще в прошлом году, а теперь осталась одна мелочь, – сказал одноглазый Субрий Флав.

– Вся наша добыча за двадцать лет скитаний по морю действительно мелочь по сравнению с тем, что римляне недавно награбили только в одной Нумидии, – прохрипел Гай Веллей, самый старый из всех сидевших за столом.

– Это верно! – согласился Мемнон. – Я был в Риме в тот день, когда Марий праздновал свой триумф над Югуртой. Вместе с другими гладиаторами меня привели в цирк Фламиния, чтобы мы несли перед зрителями царскую добычу и дары Юпитеру Феретрию. При виде всех этих сокровищ, которые римляне навезли из Нумидии, я невольно подумал о бедных пиратах. Они, постоянно рискуя жизнью, носятся по морям из-за добычи, которой им едва хватает, чтобы обеспечить старость...

– А уж проклинают-то нас куда более бранными словами, чем этих великолепных грабителей и убийц, стирающих с лица земли целые города и царства! – подхватил Марций Монтан, сосед Веллея.

– И вот что странно! В Рим стекаются богатства почти со всего света, а из четырехсот тысяч римских граждан подавляющее большинство живет в позорной нужде, – заметил однорукый Септимий.

– Так им всем и надо! – с ненавистью вскричал Субрий Флав, стукнув кулаком по столу. – Бедный Гай Гракх в день своей гибели умолял Диану Авентинскую, чтобы она наказала римский народ вечным рабством. Он этого вполне заслуживает.

– Что же касается нас, тех, кто не предал своего вождя, то лучше уж нам доживать свой век в звании пиратов, чем пресмыкаться перед олигархами и оптиматами, – добавил Марций Монтан.

– Давайте же выпьем за тех, кто не склонился перед ударами судьбы и мужественно встретил выпавшие на его долю опасности и невзгоды! – подняв свой кубок, предложил Гераклеон.

Мемнон, хорошо знавший характер и нравы обитателей виллы, неизменно превращавших любое застолье в безудержную оргию, после второй выпитой чаши сказал, что день на исходе, а ему хотелось бы познакомить Ювентину с усадьбой и ее окрестностями.

Мемнон и Ювентина вышли из-за стола и направились к главным воротам усадьбы, обращенным в сторону Этны.

* * *

От усадьбы Мемнон повел подругу по едва заметной тропинке мимо густых зарослей виноградника. Вскоре они поднялись на вершину небольшого холма с округлой вершиной, и Ювентина получила возможность окинуть взглядом окрестности до самой Этны.

Ближе к подножию горы видны были разбросанные там и сям небольшие деревеньки и виллы, окруженные темной зеленью рощ. Чуть выше пологие склоны прорезались неглубокими ущельями, поросшими соснами и каштанами. А дальше громоздились причудливые серые скалы из вулканических пеплов, туфов и застывшие лавовые потоки. Там, среди камней и скальных обломков, торчали лишь редкие кустарники.

Долина, где находилась вилла Геренния, была образована двумя древними потоками лавы во время одного из самых мощных извержений Этны. В самой глубине ее пышно зеле-

нели виноградники, рядом с ними была небольшая оливковая роща. На прогреваемых солнцем склонах росли смоковницы, сладкие плоды которых часто назывались винными ягодами, так как они использовались для лучшего брожения вина.

Поселок рабов находился почти у самой дороги, где собственно и заканчивалось владение Геренния.

Прямо напротив виллы по обочинам дороги, тянувшейся вдоль морского побережья, густо зеленели кустарники, и среди них высокая пиния одиноко возносила к небу свою вершину. Немного севернее начиналась густая каштановая роща, далеко простиравшаяся в сторону города Абрикса, о котором Мемнон сказал, что он отстоит от Катаны примерно на восемь миль и что до него от усадьбы Геренния немного дальше, чем до Катаны.

– Куда мы идем? – поинтересовалась Ювентина, когда они подошли к обрывистому берегу моря.

– Увидишь сама, – с таинственным видом ответил Мемнон.

– Чтобы я совсем не сгорела от любопытства и палящего зноя, давай сначала искупаемся, – предложила она.

– С удовольствием.

Они спустились к морю и, сняв сандалии и туники, бросились в воду.

Уже на глубине Мемнон, поймав Ювентину за талию и прижав к себе, прошептал:

– Хочу тебя.

– Да, да, милый, мы так истосковались друг без друга, – отвечала она, ласково улыбаясь ему.

Она вдруг выскользнула из его рук и исчезла под водой. Вынырнула она довольно далеко от него и, отдышавшись, весело крикнула:

– Догоняй!

– Ну, погоди, плутовка!

Отличный пловец, он быстро нагнал ее и снова обхватил руками молодое упругое тело.

– Теперь не уйдешь!

Она поцеловала его. Большие серые глаза ее сияли счастьем.

Мемнон ответил ей таким долгим поцелуем, что они с головой погрузились в воду.

Когда они вынырнули и перевели дух, он сказал:

– А сейчас я приоткрою тебе завесу одной тайны... Я поведу тебя в одно потаенное место. Это пещера, крипта⁵³, как ее называют пираты... И еще она называется «пещерой циклопов»...

– «Пещерой циклопов»? Ну, конечно! Поблизости от бухты Улисса непременно должно находиться жилище одноглазого Полифема.

– Нет, эта пещера образовалась не так давно... во время одного из сильных извержений Этны. Очень немногие знают о ее существовании. Там сейчас очень уютно... сама увидишь, – нежно прошептал он.

Ювентина оглянулась на берег.

– Как далеко мы заплыли! – испуганно закричала она.

– Это течение относит нас в море! – озабоченно сказал Мемнон. – Немедленно возвращаемся.

Этот далекий заплыв был рискованным для Ювентины. Она явно переоценила свои силы и умение плавать, еще не научившись как следует отдыхать на воде.

Последний стадий она преодолела с трудом, но от помощи Мемнона гордо отказывалась.

Выбравшись на берег, они отдышались, потом оделись, обулись, и Мемнон повел Ювентину к обрыву, с которого свисала гигантская темно-коричневая глыба – один из рукавов древней лавы. Эта окаменевшая лава свидетельствовала о том, что когда-то произошло особенно

⁵³ *Крипта* – у древних греков и римлян так называлось подземное помещение со сводами.

сильное извержение Этны, и огромные лавовые потоки разлились от нее на большие расстояния. Один из них в последнем злобном усилии дополз сюда, да так и застыл в тридцати шагах от моря.

Под этой глыбой зиял вход в пещеру.

– Иди за мной, – сказал Мемнон и, пригнувшись, вошел в пещеру.

Сначала они шли по темному извилистому проходу. Ювентина продвигалась за Мемноном, осторожно ошупывая руками шершавые стены.

Несколько шагов они сделали почти в полной темноте, потом стало светлее, и вскоре они очутились в просторной и достаточно хорошо освещенной пещере с высокими сводами. Свет проникал в нее сквозь небольшие круглые отверстия, пробитые в отвесной стене пещеры со стороны моря. Сквозь эти отверстия можно было увидеть кромку песчаного берега с набегавшими на него пенными волнами. Сама стена была образована застывшими потоками лавы.

– О, боги! Сколько же здесь добра! – воскликнула Ювентина, с изумлением оглядываясь вокруг.

Пещера почти сплошь была завалена дорогими коврами, серебряной и бронзовой посудой. За грудями ковров, чаш, гидрий, ковшей и блюд виднелись окованные бронзой сундуки, в которых обычно морские торговцы хранили дорогие ткани и готовое платье. Здесь же стояли бронзовые дельфийские треножники и несколько десятков запечатанных амфор с вином. Но особенно много было ковров, среди которых были очень дорогие златотканые ковры, называемые атталиками.

– Эту пещеру обнаружил один из рабов Геренния несколько лет назад, – пояснил Мемнон. – С тех пор пираты, по совету Геренния, многое из своей добычи временно оставляют здесь. Ну, а Геренний постепенно сбывает этот товар в городах по всему восточному побережью, получая хорошие проценты с продаж.

Мемнон снял с себя перевязь с мечом и положил оружие на стоявший поблизости сундук. Потом он схватил один из свернутых ковров и расстелил его на песчаном полу.

Это был большой толстый ковер чудесной работы. Цветы и плоды на нем были вытканы с таким искусством, что обманули бы и пчелу.

– Иди ко мне! – сказал он, с грубоватым нетерпением притянув Ювентину к себе.

Он стал торопливо развязывать тесемки туники на ее плечах, но она, опасаясь, как бы ее возлюбленный в пылу страсти не оборвал их, прошептала:

– Я сама, дорогой мой.

И, высвободившись из его объятий, сняла тунику через голову...

* * *

С наступлением темноты в пещере стало прохладнее, но влюбленные долго этого не замечали. Целовались, иногда вспоминали о былом, о погибших друзьях и о тех, кого считали погибшими, – о Сатире, Астианаксе, Багиене, Думнориге...

Ближе к полуночи Мемнон, разыскав где-то огниво, кремь и сухой трут, высек огонь и зажег лампы на нескольких канделябрах, укрепленных на стенах пещеры. Крипта озарилась ярким светом. Мемнон, откинув крышку одного из сундуков, достал из него два больших цветастых покрывала. В одно из них он закутал Ювентину, в другое завернулся сам.

Проснулись они, когда заря только занималась, и первые лучи солнца, проникая в пещеру, боролись со светом, исходящим от ламп с догорающими фитилями.

Мемнон пробудился первым.

Ювентина лежала рядом на боку, подложив под щеку обе ладони. Она спала безмятежным сном. Плечи ее были обнажены, блиставшая молодостью грудь едва прикрыта покрывалом.

Он почувствовал страстное желание стиснуть юную красавицу в объятиях, но устыдился своего эгоистичного порыва и уткнулся лицом в ее разметавшиеся по ковру густые светлые волосы, решив терпеливо дожидаться, когда она сама проснется. От ее волос пахло морем, и он вспомнил, как они вместе купались накануне. Мемнон улыбнулся и, подняв голову, с обожанием стал разглядывать лицо подруги. Длинные, слегка изогнутые ресницы ее были темные, словно подкрашенные. Розовые губки слегка припухли от вчерашних страстных его поцелуев.

– Какая же ты красавица! – прошептал он.

Ювентина, вздрогнув, проснулась и открыла глаза.

– Любимый! – с сонной улыбкой проговорила она и обвила его шею руками.

Они не скоро оторвались друг от друга, опомнившись примерно во втором часу дня, когда багровый диск солнца поднялся над лазурной равниной моря.

– Довольно, милый, – с нежностью сказала Ювентина.

– Я утомил тебя?

– Немножко, признаться, – тихо рассмеялась она. – Тебе тоже надо поберечь силы.

– Зачем? – безмятежно улыбнулся Мемнон, перевернувшись на спину, и закрыл глаза.

Помолчав, он продолжил:

– В нашем распоряжении еще дней пять-шесть. Все это время мы будем вместе, ненаглядная моя... Ах, знать бы, какому богу или богине мы обязаны нашему счастью?..

Ювентина ответила серьезным и благочестивым тоном:

– Будем возносить свои молитвы Венере Эрицинской, которая, как я слышала, царит в Сицилии наравне с Юпитером Императором. Пусть она будет нашей заступницей перед всеми олимпийскими богами.

Она помолчала, потом спросила:

– Ты сказал, что в нашем распоряжении пять-шесть дней... А потом?

– Разве я тебе не говорил? Мне предстоит путешествие в Гераклею, – с неохотой ответил Мемнон.

Ювентина коротко вздохнула.

– Ну-ка, посмотрим, что там у нас в этих ящиках! – внезапно вскочил на ноги Мемнон. – Сегодня я выберу для тебя сразу несколько нарядов, достойных царицы.

Сбросив с себя покрывало и надев тунику, он направился к обитым бронзой сундукам, переступая через валявшиеся под ногами серебряные кувшины и чаши.

Открывая крышки сундуков, он рылся в них, отыскивая понравившиеся ему цветом или покроем женские платья.

Он заставил Ювентину примерить несколько дорогих и красивых нарядов, одевая и раздевая ее с ловкостью служанки.

Особо отметил он закрытое платье темно-синего цвета.

– В нем ты похожа на одну из грациозных статуэток из Танагры⁵⁴, – с восхищением произнес Мемнон, когда она облачилась в тонкую и мягкую ткань, пройдясь перед ним своей легкой походкой. – Этот длинный хитон наденешь, когда мы вместе посетим театр в Катане, – добавил он.

– Мне, право, немножко не по себе, – засмеялась Ювентина. – А вдруг хозяин виллы обнаружит пропажу этих дорогих и красивых вещей?

– Судя по всему, он еще сам толком не знает, что хранится в этих сундуках, – беззаботным тоном ответил Мемнон. – А если и знает, невелика беда. Знаешь, откуда все это? Из раз-

⁵⁴ *Танагра* – город в Греции, на востоке Беотии. Прежде всего известен как место, где при раскопках были найдены статуэтки из обожженной глины, особенно удачно передававшие изящность и красоту женских фигур в длинных облегающих тело одеждах.

грабленной прошлым летом Счастливой гавани в Остии. А я, как участник того памятного похода, имею право на долю из общей добычи, – заключил он.

Ювентина сама нашла в одном из сундуков костяной гребень и бронзовое полированное зеркало. Установив зеркало на одном из сундуков и присев на другой, она принялась расчесывать свои волосы, в то время как Мемнон с улыбкой ею любовался.

Когда они покинули крипту, день уже вступал в свои права. С моря дул легкий ветерок. Пронизанные солнечным светом зеленоватые волны лениво накатывались на песчаный берег.

Поднявшись на утес, они увидели примерно в двух милях от берега большой трехмачтовый корабль, идущий под парусами и на веслах. Он быстро приближался к бухте.

Уже отчетливо видны были бронзовые от загара тела матросов, бегавших по палубе или ползущих вверх на мачты по веревочным лестницам. На корабле готовились убирать паруса.

– Это «Амфитрита», – упавшим голосом сказал Мемнон.

– Ты огорчен? Почему? – быстро спросила Ювентина.

– На этом корабле должен находиться Требаций. Я думал, что он покинет Крит хотя бы тремя-четырьмя днями позже меня. Выходит, он поспешил выйти в море на следующий же день. Боюсь, нас разлучат сегодня же...

Это был либурнийский корабль, или либурна, быстроходное двухпалубное судно с двумя рядами весел. Его изобретателями были иллирийцы, обитавшие на северном побережье Адриатического моря в области, называемой Либурния. Жители ее издавна славились как искусные мореходы и отчаянные пираты. Римляне впервые столкнулись с иллирийцами во время правления царицы Тевты⁵⁵. Эта Первая Иллирийская война закончилась победой римлян, но тогда еще покорить эту страну им не удалось. Зато попавшие римлянам в качестве добычи либурнийские корабли были оценены ими по достоинству. Делались они либо из елового, либо из соснового дерева. По величине и вместимости они не уступали римским биремам, но были значительно легче и быстроходнее их. Пираты охотно использовали либурны, особенно для перевозки ценной добычи и пленных, но вообще предпочитали меньшие по размерам, но более маневренные и быстроходные гемиолы и миапароны, имевшие только по одному ряду весел.

– Вон он, смотри, – схватив Ювентину за руку, сказал Мемнон. – Видишь двоих на носу, рядом с изображением Амфитриты? Один из них Блазион, наварх, командир корабля, а тот, кто повыше ростом, и есть Требаций.

У Ювентины было острое зрение, и она хорошо разглядела знаменитого архипирата. В Риме им пугали маленьких детей. Примерно таким она его себе и представляла. Суровое лицо его было изборождено глубокими морщинами, похожими на шрамы от ран. Черты его были чисто римскими: орлиный нос, могучая шея и выдающийся вперед массивный подбородок.

Мемнон вздыхал, не скрывая своей досады. Ювентина прижалась щекой к его плечу и тихо сказала:

– Нам не пристало роптать на Фортуну. Это было бы слишком несправедливо. Она подарила нам великое счастье – сберегла нас друг для друга. Разве не так, милый?

– Ты права, мое солнышко! – обняв ее, проговорил он.

Возвращались они скорым шагом, чтобы поспеть на виллу раньше, чем «Амфитрита» бросит якорь в бухте. Нужно было предупредить пятерых инвалидов, чтобы Требаций не застал их в непотребном виде. Мемнон прекрасно знал, чем обычно заканчивались попойки этих несчастных, для которых в беспробудном пьянстве заключался весь смысл жизни.

И он не ошибся. Когда Мемнон и Ювентина пришли во двор усадьбы, то увидели там весьма неприглядную картину: все пятеро бывших пиратов спали вповалку прямо на траве под

⁵⁵ *Тевта* – царица Иллирии, над которой римляне одержали победу в 229–228 гг. до н. э., заставив ее платить дань и ограничив плавание иллирийских судов по Адриатическому морю.

старой раскидистой яблоней. Судя по всему, пировали они почти до самого рассвета. Стол был завален грудями объедков и грязной посудой.

Мемнон разбудил Гераклеона и сообщил ему о прибытии «Амфитриты» с самим Требацием на борту.

Гераклеон сразу протрезвел.

– Клянусь трезубцем Посейдона! Нельзя допустить, чтобы Требаций увидел все это безобразиие. Чего доброго вообразит, что мы живем здесь не хуже, чем римские сенаторы, отдыхающие в Байях.

И он принялся расталкивать товарищей, зычно покрикивая:

– Поднимайтесь, прах вас возьми! Зовите женщин – пусть уберут со стола! Живее, живее, разрази вас Зевс своими молниями! «Амфитрита» в бухте! Сам Требаций пожаловал!..

Известие о прибытии Требация возымело свое действие. Все пьяницы вскакивали, как ужаленные.

– Посоветуй, в какой комнате лучше поселить Ювентину? – спросил Мемнон, обращаясь к Гераклеону.

– Я уже подумал об этом. Рядом с вестибюлем есть небольшая, но вполне приличная комната. Там иногда ночуют женщины из деревни. Я распорядился, чтобы ее привели в порядок.

– Когда вернется Геренний, передай ему, что я буду перед ним в вечном долгу, если он окажет Ювентине свое покровительство.

– Ты покинешь нас вместе с Требацием? – спросил Гераклеон.

– Да. И вернусь обратно через месяц-другой.

Мемнон поспешил увести Ювентину в предназначенную ей комнату, которая была очень уютной и чисто прибранной. В ней стояли две кровати и средних размеров стол с поставцом.

– Я не хочу, чтобы Требаций видел тебя, – сказал Мемнон. – Ему не обязательно знать о нас. Только в крайнем случае познакомлю тебя с ним...

Ювентина присела на край кровати. Румянец сбежал с ее лица. Она вся поникла и сидела неподвижно, как сфинкс.

– Что с тобой, девочка моя? – удивленно спросил он, взяв ее руки в свои.

– Ты сказал Гераклеону, что вернешься через два месяца, – жалобным голосом проговорила она. – У меня сердце сжимается при мысли, что мне придется ждать тебя так долго...

Губы ее по-детски задрожали, и она отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы.

– Ну вот! А ведь только что сама говорила, что несправедливо обижаться на Фортуна.

Он нежно обнял ее.

– Потерпи, родная. Я постараюсь вернуться как можно скорее...

– Только ты очень береги себя... Ты ведь знаешь, что у меня нет жизни без тебя. Поклянись мне, что будешь осторожнее и хитрее лиса.

– Клянусь! Но ты напрасно беспокоишься. Эта поездка совершенно безопасна. Одна неприятность: мне предстоит общаться с Клодием, твоим обидчиком...

– О, забудь об этом, милый! И Клодий, и все римляне, от которых я столько претерпела, для меня больше не существуют. Я не хочу, чтобы ты из-за меня повредил себе какой-нибудь необдуманной вспышкой гнева или мстью. Думай только о том, чтобы сберечь себя... ради нас и нашей любви.

Она обвила его шею руками и замерла, прижавшись к нему.

– Постой! – сказал Мемнон, отрываясь от нее. – Я слышу шум во дворе... Жди меня здесь. Никуда не выходи до моего прихода.

Глава третья

Архипират

Гай Требаций Тибур, о котором так часто упоминалось в нашем повествовании, еще в молодые годы, когда он жил в Риме, снискал недобрую славу своим буйным нравом. Он происходил из римских пролетариев, и военную службу начал во флоте. По характеру был дерзок, вспыльчив и жесток. В молодости его привлекали к суду по подозрению в убийстве, но оправдали из-за недостаточности улик.

В год бурного трибуната Тиберия Гракха он со всею страстью своей неутомимой природы ввязался в борьбу против богачей и патрициев. Однако Тиберий, возглавивший движение за справедливый раздел общественных земель, был убит в народном собрании разъяренными сенаторами во главе со Сципионом Назикой. Вместе с ним в один день было перебито около трехсот его сторонников. Требацию тогда удалось скрыться. В городе несколько дней подряд свирепствовали оптиматы, убивая без суда и следствия своих политических противников. В эти дни был зарезан один из друзей Тиберия Гракха ритор Диофан, а близкого друга самого Требация Гая Биллия умертвили изощренным способом, посадив в бочку с ядовитыми змеями.

Философа Гая Блоссия из Кум, наиболее стойкого приверженца Тиберия, оптиматы хотели предать особому суду, превратив его в политический процесс над всеми гракхианцами, но тому удалось бежать из-под стражи. Требаций встретился с ним уже в Пергаме, захваченном гелиополитами Аристоника.

В то время многие римские изгнанники искали спасения в охваченном восстаниями Пергамском царстве. Гай Блоссий стал советником Аристоника и проповедником коммунистических идей Ямбула и Эвгемера среди восставших, которые стали называть себя гелиополитами. Требаций и его друзья, имевшие большой опыт в морском деле, помогали восставшим собирать флот и обучать матросов. Они приняли участие в ожесточенном морском бою против каппадокийского флота, который был уничтожен восставшими, причем убит был и царь Каппадокии Ариарат.

Однако вскоре у берегов Пергама появился большой флот понтийского царя Митридата. Гелиополиты, потерявшие много кораблей в сражении с каппадокийцами, не смогли воспрепятствовать Митридату высадить войско близ восставшей столицы. Понтийцы взяли город приступом, устроив в нем ужасающую резню.

Когда пала Стратоникея – столица восставших – и Аристоник был захвачен в плен римлянами, Гай Блоссий не стал больше испытывать судьбу и покончил с собой, бросившись на меч. Требаций же уговорил своих товарищей идти к Балеарским островам, где он надеялся найти приют у гнездившихся там пиратов.

Изгнанники располагали одиннадцатью легкими кораблями, на которых они и совершили плавание к Балеарам. Обосновавшись там, они в течение восьми лет избороздили все Внутреннее море, грабили торговые суда и охотились за римскими сенаторами. Немало оптиматов попало тогда в плен к Требацию, но только немногих из них он отпустил за большой выкуп. Остальные, запятнавшие себя кровью Тиберия Гракха и его сподвижников, были по его приказу утоплены в море. Двух пленников, участвовавших в расправе над его другом Гаем Биллием, Требаций убил собственноручно.

Сципиона Назику он готов был преследовать не только на море, но и на суше. Ненавидимый и презираемый своими же гражданами в Риме за организованное им убийство народного трибуна, Назика ушел в добровольное изгнание. Он хотел найти успокоение там, где еще недавно искали убежище Гай Блоссий и прочие гракхианцы. Но смерть настигла его раньше, чем он добрался до Пергама. Обстоятельства его кончины остались неизвестными. Ходили слухи, что он умер насильственной смертью. Потом в Риме узнали о гибели бывшего народного

трибуна Публилия Руфа, одного из противников и убийц Тиберия Гракха. Во время морского путешествия он попал в руки Требация, который приказал казнить его особо изощренным способом: убийцу народного трибуна утопили в море, зашив его в мешке вместе с петухом, собакой, змеей и обезьяной. По римскому обычаю, так казнили отцеубийц. Таким же способом пираты расправлялись и с предателями из своей среды.

Действия балеарских пиратов становились все более опасными для Рима. Всадническое сословие, благосостояние которого во многом зависело от морской торговли, требовало положить конец пиратству.

Наконец консул Квинт Цецилий Метелл, отец будущего Метелла Нумидийского, по приказу сената собрал большой флот и двинулся к Балеарским островам. Пиратские стоянки Метелл уничтожил, после чего приступил к завоеванию самих островов. В Рим он вернулся победителем и, справив морской триумф, получил почетное прозвище «Балеарский».

Требацию удалось вывести свои корабли из-под удара римлян, и вскоре они пристали к южному берегу Крита, недалеко от устья реки Электры. Это было не совсем удобное место для стоянки больших судов, но опытный глаз Требация разглядел у громоздившихся высоких известняковых скал несколько песчаных отмелей, на которые во время бури можно было вытаскивать легкие пиратские корабли.

С коренными жителями Крита пришельцы быстроладили. Критские города сами занимались морским разбоем, охотно принимая у себя наемников из чужеземных храбрецов, не боявшихся моря и умевших владеть оружием.

Поначалу Требаций и все прибывшие с ним римские изгнанники поступили на службу городу Гортине, который тогда нуждался в боевых кораблях для охраны своих торговых судов. Это избавило их от рискованной конфронтации с критскими аборигенами.

Договор, заключенный с гортинцами, обязывал бывших балеарских пиратов делиться с ними захваченной добычей. Однако беглецы из Рима продолжали считать себя частью того гордого народа, который привык повелевать другими и никому не подчиняться. Казна их быстро пополнилась за счет добычи от удачных походов к берегам Греции и Италии. Через год она уже насчитывала около ста двадцати талантов. Эти деньги Требаций и его сподвижники решили использовать для основания своей собственной колонии.

Их стоянка в устье Электры с течением времени превратилась в многолюдный поселок, обнесенный рвом и каменной стеной. Для этого понадобился труд нескольких тысяч рабов, которых Требаций брал в аренду у местных рабовладельцев. Одновременно сюда стекались изгнанники и беглые рабы со всей ойкумены, которым Требаций охотно давал приют, обучая их морскому делу и умению владеть всеми видами оружия.

В один прекрасный день римские изгнанники открыто объявили Гортине о своей самостоятельности.

Построенная в устье Электры крепость своей мощью превосходила любое укрепление пиратов на всем критском побережье. Эскадра Требация насчитывала в то время около сорока легких и средних кораблей. Попытки гортинцев организовать совместный поход всех критских городов с целью наказать «мятежных наемников» не увенчались успехом. К тому времени Требаций успел подкупить влиятельных людей во многих крупных городах Крита и заручился поддержкой пиратов, обосновавшихся на соседних с Критом островках. Гортина не отважилась на войну с пришельцами, удовлетворившись их обещанием платить ей небольшую дань и не принимать у себя беглых рабов из Италии, дабы это не навлекло на Крит гнева и мести римлян.

Вся власть в пиратской колонии принадлежала Требацию и его римским друзьям, которые объединились в конвент, связав друг друга клятвой верности. Слово «конвент» несколько согревало души изгнанников. Названия «сенат», «консул» или «претор» были им ненавистны как напоминание о касте олигархов, правившей Римом.

Во главе конвента стоял Гай Требаций Тибур, принявший титул «военного трибуна». Сам он любил, когда его называли просто трибуном. Требаций считал, что это слово подчеркивает его приверженность демократии, хотя в пиратском мире не было более деспотичного архипирата, чем он. Умный, жестокий и хитрый, он не любил, когда ему перечили. Общие собрания пиратов происходили редко. Это были просто военные сходки, на которых объявлялись уже принятые конвентом решения о назначении навархов и о целях морских походов.

Через восемь лет после гибели Тиберия Гракха изгнанники с радостью узнали о новом еще более мощном движении плебеев в Риме. Его возглавил Гай Гракх, явившийся суровым мстителем за брата и продолжателем его дела.

Свою трибунскую деятельность Гай начал с наказания убийц брата и реабилитации его сторонников, которых он приглашал вернуться из изгнания, обещая им свою защиту и покровительство.

Требаций решил воспользоваться этим приглашением и в сопровождении нескольких друзей отправился в Рим. Там он сразу сблизился с Марком Фульвием Флакком, другом Гая Гракха и сторонником решительных действий в борьбе с оптиматами и сенатом.

Фульвий Флакк был человеком незаурядным и заслуженным. За два года до трибуната Гая Гракха он победил на консульских выборах и пытался провести закон о даровании прав римского гражданства италийским союзникам, но сенат не принял к обсуждению его законопроект, а самому Флакку было приказано возглавить легионы и вести их за Альпы против галлов. Надо сказать, Флакк в этой войне проявил себя способным полководцем. Он первым из римских консулов одержал победу над галлами по ту сторону Альп и получил заслуженный триумф.

С Требацием Флакк был хорошо знаком еще со времени трибуната Тиберия Гракха. Однако появление Требация в Риме в значительной мере повредило гракхианцам. Самому Гракху его политические противники все время кололи глаза тем, что он окружил себя такими людьми, как Требаций, которого они открыто называли пиратом и убийцей. От Гракха отшатнулись некоторые из его сторонников и даже близкие друзья. Впрочем, популярность Гракха среди плебеев стала падать по другой причине. Многим простым гражданам пришлось не по душе его законопроект о союзниках, который он предложил в народном собрании по настоянию Фульвия Флакка. Он хотел наделить римским гражданством всех жителей Италии, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе против сенатской олигархии. Оптиматы же пугали бедняков тем, что с увеличением числа римских граждан уменьшатся размеры бесплатных хлебных раздач, а во время зрелищ и развлечений не всем будет хватать мест на зрительских помостах. Это привело к тому, что на следующих выборах в народные трибуны Гракх потерпел неудачу, и оптиматы повели решительное наступление и против него самого, и против его законов, принятых ранее. Обстановка в Риме была накалена. Малейшей искры было достаточно, чтобы вспыхнула междоусобица. Требацию, видимо, самой Фортуной было предназначено стать ее главным зачинщиком. В день народного собрания, которое должно было решить судьбу законов Гракха, друзья Требация и он сам явились на Капитолий со спрятанными под одеждой кинжалами. По окончании жертвоприношения один из консульских ликторов, убравший с алтаря внутренности жертвенных животных, оскорбил стоявших рядом Требация и его друзей, которые тут же набросились на него и закололи насмерть. Это убийство было использовано сенатом для введения чрезвычайного положения в городе, и вскоре обе стороны взялись за оружие. По приказу сената в город были введены наемники, а богатейшие граждане привели с собой своих вооруженных рабов. Силы оказались неравными. Гракхианцы потерпели полное поражение. Гай Гракх и Фульвий Флакк были убиты. Требацию с горсткой своих друзей-пиратов удалось вырваться из города и добраться до Остии. Он был человеком предусмотрительным и, отправляясь в Рим, не исключал того, что ему придется спастись оттуда

бегством. В Остии он оставил верных людей, которые постоянно держали для него наготове корабль.

Требаций вернулся на Крит и вновь стал во главе своего пиратского флота. Стоянка в устье Электры к тому времени разрослась, превратившись в настоящий город. По предложению Требация она была названа Новой Юнонией в честь основанной Гаем Гракхом колонии на месте разрушенного Карфагена (она называлась Юнонией), которая из-за происков римских олигархов очень скоро прекратила свое существование.

Основатели Новой Юнонии учредили культ двух величайших богов – Юпитера Диктейского и владыки морей Нептуна. В их честь пираты совершали священные обряды перед тем, как пуститься в плавание.

На широкой площади был воздвигнут храм Юпитера Диктейского, который построили из гранита и мрамора, доставленных из находившихся поблизости разрушенных землетрясением древнейших критских поселений. По верованиям греков и римлян, всемогущий повелитель богов и людей был рожден и воспитан на горе Дикт, самой высокой горе Крита. Пираты приносили ему умиловительные и благодарственные жертвы, уходя в море и возвращаясь из плавания.

В честь бога морей Нептуна и его божественной супруги Амфитриты совершались особые жертвоприношения на обрывистом морском берегу, где находился посвященный им алтарь. Сюда, по примеру жителей Сиракуз, пираты перед выходом в море приносили глиняные килики, наполненные цветами, ладаном и медом в сотах, которые они после молебствий и обетов уносили с собой на корабли и сохраняли до тех пор, пока еще виден был берег. Как только он исчезал из виду, матросы бросали сосуды в море с мольбой о счастливом плавании. Этим и заканчивалось жертвоприношение.

В Новой Юнонии оседали даже те, кто совершенно непригоден был для морской службы: одни из них занимались мелкой торговлей, другие ростовщичеством, третьи в удобных местах распахивали под огороды земельные участки. Повсюду кипела бойкая торговля, открывались таверны и меняльные лавки. Все эти кабатчики, менялы и земледельцы не участвовали на общих собраниях пиратов и довольствовались своим положением людей «третьего сорта».

Сами пираты Новой Юнонии делились на две категории. Большую по численности составляли матросы и гребцы, которые несли службу на кораблях. Навархи и прораты (командиры кораблей и их помощники) принадлежали к высшему сословию и входили в состав конвента, который по-прежнему почти целиком состоял из римских и италийских изгнанников. Эта сплоченная корпорация цепко держала в руках власть над пиратской вольницей, распоряжаясь добычей и общей казной.

Требаций как архипират устраивал всех и пользовался непререкаемым авторитетом. В свои пятьдесят семь лет он был крепок, как дуб, и никогда не болел. Он был прирожденным моряком и знатоком морского дела. Под его руководством пираты усовершенствовали свои легкие быстроходные корабли. Они добавили миапаронам, гемиолам и либурнам специальную оснастку, которая значительно увеличила их скорость.

Большого страха перед Римом пираты не испытывали, хотя сенат в любой момент мог отдать приказ о походе на Крит. Располагая сотнями кораблей и десятками тысяч воинов, любой римский предводитель без труда мог обратиться в бегство пиратов, разрушив все их стоянки как на Крите, так и в Киликии, но одной морской экспедиции было недостаточно, чтобы положить конец морскому разбою. Пиратские сообщества с полным основанием называли себя «плавучими государствами», не раз доказывавшими свою живучесть и неуязвимость. При настойчивом преследовании их быстроходные корабли рассеивались по морю и со временем вновь соединялись где-нибудь в условленном месте.

И все же расчеты Вария и Мемнона на то, что римские изгнанники на Крите не преминут воспользоваться удобным случаем, чтобы связать Рим большой рабской войной в Сицилии, не были напрасны.

О том, что влиятельный сенатор Марк Антоний Оратор ведет агитацию в Риме за решительную борьбу с морским разбоем, прекрасно были осведомлены и Требаций, и члены конвента. Об этом толковали между собой и рядовые пираты. Новая Юнония в случае войны с римлянами должна была первой принять на себя удар, который не в состоянии была бы выдержать. Требаций это прекрасно сознавал, и мысль о том, что массовое восстание рабов в Сицилии заставит Рим отложить на долгое время борьбу с морским разбоем, не могла его не заинтересовать. Мемнон напомнил ему и конвенту о восстании рабов под предводительством Минуция, о том, какой поразительный успех сопутствовал ему благодаря заранее приобретенному оружию. Он подробно описал удачные действия восставших в Кампании: разгром ополчений трех городов и, наконец, блестящую победу Минуция над римским претором в битве у Тифатской горы под Капуей. «Только гнусное предательство положило конец этому великому делу», – говорил Мемнон, выступая перед собранием конвента, и выразил надежду, что успешное начало восстания в Сицилии неизбежно выльется в многолетнюю войну, которая вместе с войной против кимвров свяжет римлян по рукам и ногам. Если это произойдет, подчеркнул он, в Риме и думать забудут о пиратах.

Требаций, во многом соглашаясь с Мемноном, не склонен был торопиться в деле, чреватом, как он выразился, весьма нежелательными последствиями. Он опасался, что о тайной поставке оружия пиратами сицилийским заговорщикам в случае неудачи восстания узнают в Риме, и это может послужить поводом для вторжения римлян на остров. «Они могут высадиться на нем даже малыми силами, предварительно настроив против нас все критские города, – говорил Требаций. – Римляне с полным основанием обвинят нас перед ними за то, что мы подстрекаем к восстанию рабов в римских провинциях». Из этих слов хитрого и осторожного архипирата Мемнон заключил, что тот окажет помощь заговорщикам не раньше, чем лично убедится в серьезности того, что они задумали. Но теперь, после своего разговора с Вარიем, александриец чувствовал себя увереннее.

* * *

Оставив Ювентину одну в комнате, Мемнон вышел во двор и сразу увидел Требация и Гераклеона, которые беседовали, сидя за столом под навесом.

– А, вот и он, – сказал Гераклеон, завидев Мемнона.

– Приветствую тебя, трибун! – сказал Мемнон, обращаясь к Требацию.

Требаций протянул ему руку.

– Привет тебе, Мемнон! Не ожидал увидеть тебя так скоро! – произнес он своим глухим хриповатым голосом. – Я думал, наша встреча произойдет в Трогильской гавани... Виделся ты с Клодием? – помолчав, спросил он.

– Да, позавчера вечером. Я передал ему все, что ты мне поручил. Разговор получился обстоятельный. Клодий назначил мне встречу в Гераклее. Он считает, что мы можем приступить к исполнению задуманного без промедления.

– Это хорошо, очень хорошо, – с довольным видом проговорил Требаций и повернулся к Гераклеону:

– Распорядись, чтобы нам принесли вина.

Как только Гераклеон удалился, Мемнон подробно изложил свою беседу с Клодием, опустив только то, что касалось Ювентины.

– Отныне тебе придется неотлучно находиться при нашем публикане, – выслушав его, сказал Требаций. – Будешь главным посредником в этом деле.

– Я это понял, как только ты послал меня в Сицилию вместо Гая Цестия. Кстати, как он себя чувствует?

– Судя по всему, у него терциана⁵⁶.

В это время появилась молодая рабыня, поставившая на стол перед собеседниками два кубка с вином и блюдо с вареной бараниной, приправленной солеными маслинами.

– Ну, а что нового у заговорщиков? – сделав глоток из кубка, спросил Требаций.

Мемнон давно готов был к этому вопросу.

– В Сиракузах я встретился с Варием, – быстро заговорил он. – Из разговора с ним я понял, что восстание в Сицилии не только неизбежно – оно может вспыхнуть в самое ближайшее время. Будет ли оно успешным, зависит от многих обстоятельств. О том, какие выгоды сулит Новой Юнии это восстание, я уже говорил тебе раньше и...

– Ты хлопчешь об оружии для заговорщиков, – прервал Требаций, бросив на Мемнона внимательный взгляд. – Скажи честно, зачем тебе все это? Ты потомок одного из знатных македонян, сражавшегося в армии Александра Великого и потом ставшего телохранителем Птолемея Лага⁵⁷. Что может быть общего у тебя с этими жалкими и презренными рабами? Или хочешь с их помощью отомстить римлянам за то, что тебе пришлось забавлять их на гладиаторской арене?

– Может быть, – сдержанно ответил Мемнон. – Но дело не в одной только мести.

– В чем же еще?

– Под Капуей я своими глазами видел, как доблестно сражались восставшие невольники и как позорно бежали от них римляне вместе со своим претором. Не так уж страшны эти покорители мира. Кимвры бьют их уже на протяжении многих лет. Варий говорит о роковом стечении событий, о неповторимой возможности захвата восставшими всей Сицилии, и мне все больше кажется, что в этом нет ничего невозможного.

– Рабы могут восстать, но победить – никогда.

– Но когда-то и сам ты, Требаций, участвовал в деле, которое с самого начала, как мне думается, было обречено на неудачу.

– Это было дело свободных, а не рабов, – надменно возразил Требаций. – Разве не бывало случаев, когда свободные граждане, подняв мятеж во имя демократии, изгоняли царей, тиранов и олигархов? А на что могут рассчитывать рабы, изменившие своим господам? Что они могут предложить свободным? Коммунистическое сообщество в духе Ямбула? Кто их поддержит? Разве можно переделать подлую и лицемерную человеческую породу? Кому захочется влачить жизнь почти что первобытных людей, отказавшись от мечты жить в довольстве и роскоши, в окружении послушных рабов? – презрительно спрашивал архипират.

– Я тоже думал об этом, – ответил Мемнон со вздохом, не желая вступать в спор. – Но что же остается тем, кто доведен до последней степени отчаяния и кому ненавистны узы рабства?

Он на минуту умолк, потом спросил:

– Известно ли тебе, что претор Сицилии обманул ожидания рабов, нарушив постановление сената о союзниках? Он объявил, что прекращает разбор всех дел, касающихся рабов.

– Вот как? – удивился Требаций. – Ты хочешь сказать, что претор отказался выполнить сенатское постановление? Клянусь Юпитером, это новость для меня!

– Я сам только позавчера узнал об этом.

Требаций на минуту задумался, потом заговорил:

⁵⁶ Терцианой у римлян называлась лихорадка, приступы которой повторялись каждый третий день.

⁵⁷ Птолемей Лаг – ближайший соратник и полководец Александра Великого, ставший после его смерти царем Египта, основателем династии Птолемеев под именем Птолемея I Сотера.

– Когда мне сообщили об этом странном сенатусконсульте, то я подумал: «Вот железный аргумент против безумных голов в Сицилии, собирающихся поднять восстание! Кто пойдет за ними, если сам Рим подал рабам надежду на освобождение?». Теперь совсем другое дело. Варию следовало бы воспользоваться самонадеянным поступком претора и негодованием людей, которых постигло столь горькое разочарование.

– Он уже принял дельное и, по-моему, верное решение, – сказал Мемнон.

– Какое же?

– Он хочет увести как можно больше рабов из собравшихся в Сиракузах к священным источникам братьев Паликов и там связать их клятвами верности делу освобождения. Это превосходный замысел. Нет сомнения в том, что после этого мятежи рабов начнутся почти одновременно в разных местах. Варий обещает первым поднять знамя восстания. Если мы доставим ему оружие, я ручаюсь за успех. Ты сам знаешь об этом бесстрашном человеке, предводителе восстания во Фрегеллах. Несчастья только закалили его и...

– Но если заговор будет раскрыт и мятеж будет уничтожен в самом зародыше? – прервал собеседника Требаций. – Конечно же, римляне начнут следствие по этому делу и выяснят, что нити заговора ведут на Крит.

– Не узнаю тебя, трибун! – почти с негодованием воскликнул Мемнон. – Столько раз ты оказывался в ситуациях, казалось бы, совершенно безвыходных! Столько раз ты рисковал, участвуя в мятежах братьев Гракхов и в восстании Аристоника, а ныне хочешь получить ручательство самой Фортуны!

– Я избежал многих опасностей и остался цел потому, что был осторожен и предусмотрителен, – холодно отпарировал Требаций.

Он осушил до дна свой кубок и, поставив его на стол, сказал решительным тоном:

– Идем в Трогильскую гавань! Мне надо с глазу на глаз переговорить с Варием. Да и любопытно, право, взглянуть на этого неугомонного фрегеллийского квестора, который готовит новый мятеж против Рима. Найдешь и приведешь его ко мне...

Глава четвертая

«Амфитрита» в Трогильской гавани. – На кладбище у Ахродийских ворот. – Собрание в роце Паликов

Около полудня «Амфитрита» вышла из бухты Улисса и незадолго перед закатом бросила якорь в Трогильской гавани.

В тот день в гавани скопилось много судов, в том числе несколько двухпалубных кораблей, так что «Амфитрита» не привлекла к себе особенного внимания. Она мало походила на пиратский корабль. В то время либурины были распространены у мореходов, которые ценили их за легкость и быстрый ход.

Требаций, наварх Блазион и еще около двух десятков матросов воспользовались услугами подоспевших к «Амфитрите» в своих небольших челнах лодочников, которые за небольшую плату доставили их всех на берег.

Вместе с ними был Мемнон. Не теряя понапрасну времени, он нанял лодку с двумя гребцами и отправился на Племирий. Он знал, что Варий обитает в поселке, снимая комнату в доме знакомого моряка.

По пути александриец велел гребцам остановиться в бухте Аретусы.

Поднявшись в гостиницу, он встретился там с Видацилием, застав его за ужином в летней трапезной.

Хозяин «Аретусы» сразу стал пенять ему, что он не предупредил его, перед тем как увести с собой Ювентину.

– Но как ты узнал, что это был я? – с веселым удивлением спросил Мемнон.

– Утром заходил Варий и сообщил мне, что ты вернулся... Из-за твоей красавицы мне могло nepоздоровиться. Хорошо, что она исчезла перед появлением центуриона и солдат...

– Они обыскивали гостиницу?

– Еще как! Вместе с ними был Клодий, публикан, утверждавший, что в гостинице под видом свободной скрывается беглая рабыня. Представляешь, что мне пришлось пережить?

– Ты расстроен, но теперь никаких оснований для тревоги нет, – успокаивающим тоном сказал Мемнон. – К тому же, как хозяин заведения, ты не обязан знать, кем являются твои постояльцы, лишь бы платили...

– Так-то оно так, – сказал Видацилий и, помолчав немного, спросил: – Кстати, где она теперь?

– Ювентина? Я увез ее в Убежище.

– Правильно, – облегченно вздохнув, произнес Видацилий. – Нет места более надежного. Правду сказать, завидую я Гереннию. А тут живешь, как возле кратера Этны...

– У меня к тебе есть дело, – сказал Мемнон.

– Говори, я слушаю.

– Во-первых, я хотел бы купить у тебя Леену...

– Клянись Сатурном! Зачем она тебе?

– Она нужна не мне, а Ювентине. Знаешь, они обе привязались друг к другу, пока Ювентина жила у тебя... Кроме того, я буду очень тебе признателен, если вместе с нею ты и Сирта, слугу Ювентины, переправишь в Убежище.

Видацилию явно не хотелось отпустить девушку.

– Видишь ли, – замявшись, сказал он. – Я тоже очень привык к ней. Ведь только этой немой и безграмотной девчужке я могу откровенно поведать что угодно, не боясь, что это станет известно кому-нибудь еще...

– Я предлагаю тебе за нее десять тысяч сестерциев.

– Десять тысяч! – воскликнул Видацилий, словно не поверив своим ушам.

– Теперь я состоятелен. Вот тебе в задаток пятьдесят золотых филиппиков. Монеты старые и немного потеряли в весе, но можешь не сомневаться в том, что здешние менялы дадут тебе за каждую из них по двадцать пять драхм. Остальные деньги получишь у менялы Евсевия. Немного позднее я оставлю у него часть денег, которые привез с Крита... Ты же знаешь, где находится его лавка?

– Да, конечно.

– Я напишу ему расписку, и он выдаст тебе по первому твоему требованию пять тысяч сестерциев...

Видацилий не смог устоять перед такими деньгами и дал слово переправить Леену и Сирта на виллу Геренния в течение ближайших двух или трех дней.

Когда Мемнон стал прощаться, Видацилий, вспомнив, сказал ему:

– Варий просил передать тебе, если ты появишься, не искать его на Племирии, а идти к Ахрадийским воротам. Он сказал, что ты найдешь его на старом кладбище, прибавив еще, что тебе известно о его намерении совершить паломничество к святилищу божественных братьев Паликов...

– Благодарю, Видацилий! Пусть покровительствуют боги тебе и твоему заведению. Будь здоров!

– Прощай, Мемнон! Да помогут тебе все великие боги!..

Мемнон поспешил на берег бухты к ожидавшей его лодке.

– Теперь на Племирий? – спросил его один из гребцов.

– Нет. Гребите в Большую гавань. Высадите меня у Предмостных ворот.

Оба гребца, дружно налегая на весла, вывели лодку из бухты. Обогнув южную оконечность острова, лодка пересекла Большую гавань и причалила к берегу Ахрадины почти у самой дамбы.

Мемнон расплатился с гребцами и, соскочив на берег, взбежал по каменным ступеням к Предмостным воротам.

* * *

Хотя всем пришлым рабам было уже ясно, что им больше нечего ждать в Сиракузах, они не торопились расходиться, словно еще на что-то надеялись. Большими и малыми группами они расположились вдоль большой дороги, начинавшейся от Ахрадийских ворот и ведущей в сторону города Акры, древней сиракузской колонии. В течение двух дней к ним присоединялись рабы, прибывавшие из самых отдаленных западных областей. Они подходили к городу, еще не зная, что напрасно проделали сотни стадиев долгого и трудного пути.

Часть рабов разместились на большом старинном кладбище, находившемся у самых Ахрадийских ворот.

Мемнон пришел сюда в надежде отыскать Вария, но вскоре понял, что тот, скорее всего, уже отправился в Палику.

На кладбище было оживленно. То тут, то там группами собирались рабы и вели между собой разговоры на злободневную тему: о неожиданном для всех решении претора нарушить указ сената и о причинах его поступка. Кое-кто еще надеялся на то, что можно будет попытаться счастья в Агригенте или в Тиндариде – центрах судебных округов, куда намеревался отправиться Нерва в ближайшие дни. Мемнон прислушивался к речам невольников, полным горечи и уныния.

Особенно роптали латиняне, самниты и прочие выходцы из Италии, кабальные рабы, проданные за неуплату долгов: они в первую очередь рассчитывали получить свободу от претора. Но преобладали грекоязычные сирийцы и уроженцы Малой Азии. Из числа сирийцев

немало было участников восстания против царя Деметрия Никатора⁵⁸. Эти вели себя развязно и открыто радовались, что претор отказался рассматривать дела рабов. Сами они не могли рассчитывать на освобождение как бывшие мятежники, выступившие против своего законного государя, союзника и друга римского народа.

Мемнон присел на старое и наполовину вросшее в землю надгробие, решив немного передохнуть и собраться с мыслями.

В это время несколько рабов, стоявших неподалеку от него, оживленно переговаривались между собой.

– А, и ты здесь, счастливый раб? С тех пор, как надел фригийский колпак, повеселел и пришел похвастать перед нами своим новым статусом. Что ж, поздравляю!

– Нашел чему завидовать! Не о такой свободе я мечтал! Пока нас всех вместе держат в старом римском лагере, а потом отправят на убой в Галлию. Вот прекрасная участь – пасть в сражении с германцами за величие и славу Рима!..

– Неплохо соображаешь! Минувшей осенью эти дикари уже изрубили в куски сто тысяч римлян...

– И еще изрубят, клянусь Зевсом Олимпийцем!..

– Лучше биться с римлянами, чем с кимврами, которые, быть может, освободят нас раньше, чем добрый и милостивый римский сенат!..

– Вон, поговори лучше с этим парнем, который сбежал прямо из питомника, потому что имел непривычную к ярму шею.

– Ради всех богов! Только не заставляйте меня вспоминать, что я пережил. Уже полгода прошло после побега, а я все еще чувствую зуд в тех местах, где носил оковы.

– А кто сказал, что только римлянам и их сенату решать, быть нам свободными или мучиться в рабстве? Разве тысячи кандалников и клейменных лбов не пользовались всеми благами свободы, поднявшись с оружием на своих господ тридцать лет назад?..

– Тише, приятель! Не так громко! Пригвоздят к кресту раньше, чем успеешь взяться за рогатину!..

В этот момент кто-то положил Мемнону руку на плечо.

Он обернулся и узнал загорелое и мужественное лицо сирийца Дамаскида, с которым Варий познакомил его в матросском притоне на Племмирии.

– Приветствую тебя, брат! – обрадовано воскликнул Мемнон. – Наконец-то! Не ожидал, что встречу сегодня кого-нибудь из знакомых.

– Да поможет тебе Зевс Урий, храбрый Мемнон! – сказал Дамаскид с подчеркнутым уважением.

Они обменялись рукопожатиями.

– Если ты ищешь Вария, – продолжал Дамаскид, – то его здесь нет. Сегодня на рассвете он отправился в Палики вместе с Афинионом. Сальвий и его товарищи ушли туда днем раньше...

– Насколько я понимаю, все эти толпы тоже должны последовать в Палику?

– Посмотрим... Трусливых здесь хватает, но есть и такие, что хоть сейчас готовы ринуться в бой. Многие опасаются, что по возвращении к господам их подвергнут порке за самовольную отлучку и тоже склоняются к тому, что лучше мятеж, чем плети и розги надсмотрщиков. Наши люди с самого рассвета рыскают повсюду, уговаривая всех идти в рошу братьев Паликов...

– Варий и Афинион пошли пешком?

– Да.

⁵⁸ Деметрий II Никатор – царь Сирии. На протяжении всего своего правления (145—126 гг. до н. э.) вел непрестанную борьбу с различными узурпаторами в охваченной восстаниями стране, но в конце концов потерпел поражение и погиб.

– Стало быть, завтра они уже будут на месте. Если я не ошибаюсь, до Палики около трехсот стадиев?

– Не меньше.

– Я сегодня же отправлюсь туда. Кажется, у меня есть что сообщить нашим друзьям... Прощай, брат! Еще увидимся, надеюсь.

– Прощай. Да сохранят тебя боги!

Расставшись с Дамаскидом, Мемнон быстро зашагал по тропинке, ведущей через кладбище вдоль городской стены в сторону крепости Эвриал. Он решил возвратиться в Трогильскую гавань по суше, обойдя город по северному склону Эпипол.

Потом он узнал, что в этот же день, незадолго до заката, многие из собравшихся у Ахрадийских ворот рабы поодиночке и группами двинулись по дороге, ведущей через Даскон в сторону Леонтин. Только самые законопослушные из рабов уныло побрели по дороге в Акры или разбрелись по ближайшим имениям, откуда они пришли в Сиракузы с надеждой получить свободу согласно сенатскому постановлению.

Добравшись до Трогильской гавани, Мемнон нашел Требация на берегу в специально разбитой для него палатке против стоящей на якоре «Амфитриты».

Узнав о готовящемся собрании рабов в роще Паликов, Требаций захотел отправиться туда и, как он с усмешкой выразился, «своими ушами послушать речи рабов о свободе и справедливости».

Мемнон попытался его отговорить.

– Стоит ли тебе подвергать себя опасности? Лучше я пойду туда один и, вернувшись, обо всем подробно расскажу...

– Давно не ездил верхом... Небольшая разминка пойдет мне на пользу.

– А я подумал, что человеку, голова которого оценена в двадцать талантов, нужно быть более осмотрительным...

– Не в первый раз рискую...

– Тебя не остановит даже то, что до Палики не менее шестидесяти миль?

– Что такое для всадника на добром коне какие-то шестьдесят миль!.. Сделаем так. Найдем лошадей, оставив залог, равный их стоимости, и до заката солнца будем на месте. Пойми, юноша, мне необходимо там побывать! По возвращении на Крит я должен рассказать конвенту о том, что видел и слышал сам, а не с чужих слов...

* * *

До города паликенов во второй половине следующего дня добралось не менее трехсот рабов. Окрестные жители принимали их за бедных паломников, пришедших поклониться божественным братьям-близнецам у посвященных им серных источников. Прошел слух, будто это рабы, получившие свободу согласно постановлению римского сената, а братья Палики считались покровителями рабов и вольноотпущенников. Так что поначалу их появление ни у кого не вызвало никаких подозрений.

Согласно преданию братья-близнецы Палики были сыновьями Зевса и речной нимфы Талеи. Совершив в Сицилии немало славных подвигов, они после своей смерти были обожествлены, став богами всех серных источников Сицилии. Их считали добрыми богами преисподней, приписывая им способность лечить болезни и оберегать людей от опасностей во время их путешествий. Центром поклонения им стал город Палика, названный так в честь божественных братьев-близнецов, олицетворением которых были два больших серных источника, окруженных каштановой рощей. В глубине этой рощи сооружен был посвященный им алтарь.

Местные жители с незапамятных времен называли себя паликенами, считая, что ведут свой род от братьев Паликов. Город их, как говорили, существовал еще до появления в Сици-

лии первых греческих колонистов. Святилище Паликов служило оракулом, и, кроме того, в нем давали священные и нерушимые клятвы.

Полемон Перизет, живший примерно за сто лет до описываемых событий, писал: «Палики, которые так называются у местных жителей, считаются здесь богами-автохтонами. Это два одинаковых, как близнецы, источника. Необходимо, чтобы те, кто к ним подступает, были очищены от всякой нечистоты, полового общения и даже от какой бы то ни было пищи. От них поднимается тяжелый запах, причиняющий головную боль тем, кто стоит рядом. Вода в них мутная и по своему цвету больше всего похожа на белую слизь. Она вытекает с пузырями и клокочет, так как там находятся родники с бурлящей внутри водой. Говорят, что глубина у них бездонная, ибо упавшие туда коровы, повозка, запряженная парой мулов, и другие попадавшие туда животные исчезали без следа. Есть у сицилийцев величайшая клятва, которая дается лишь тогда, когда приступающие к ней подвергнутся очищению. Жрецы, принимающие клятву, имея при себе табличку, объявляют клянущимся, в каких словах следует принести клятву. Дающий клятву, потрясая масличной ветвью, с венком на голове и не подпоясанный, а в одном только хитоне, приблизившись к самому источнику, по подсказке произносит клятву. Тот, кто будет хранить ее нерушимо, уйдет домой невредимым, а клятвopреступник перед богами тут же умирает. Ввиду того, что такое случается, каждый обещает жрецам, что оставит вместо себя поручителя, которому, если произойдет что-либо непредвиденное, придется совершить очищение священного участка».

К концу дня в священную рощу божественных близнецов пришло еще около ста пятидесяти человек. Их привел с собой сириец Дамаскид.

Примерно в это же время на дороге, соединявшей город Палики с Леонтинами, показались два всадника, скакавшие во весь опор. Это были Требаций и Мемнон.

В полустадии от въездных городских ворот находился конный двор с конюшнями. Здесь путешественники обычно оставляли своих лошадей и отправлялись в город на поиски гостиниц, где можно было подкрепиться и устроиться на ночлег.

Въехав на конный двор, Мемнон и Требаций передали конюхам своих лошадей и поспешили в рощу.

Был прекрасный тихий вечер. Высоко в небе белели редкие курчавые облака, подернутые розовым отблеском заката. В долинах сгушался сумрак, но прощальные лучи солнца еще золотили вершины гор.

В роще царил большое оживление, как во время праздника. Возвышавшийся посреди ступенчатый алтарь окружен был плотной толпой паломников. В основном это были люди цветущего возраста, крепкого телосложения, плохо одетые, небритые и нестриженные. Городских рабов среди них было немного. Большинство составляли труженики из сельских мест.

Вскоре на поляну пришел верховный жрец Паликов в сопровождении своих помощников и гадателей по внутренностям животных. Все они были в длинных одеждах темно-серого цвета с черными повязками⁵⁹ на головах.

Верховный жрец выглядел несколько растерянным и смотрел на сборище оборванцев с явным неудовольствием. Такого большого стечения паломников здесь давно не наблюдалось. Обычно в святилище приходили люди состоятельные, дававшие здесь обеты или клятвы при заключении важных сделок. Многие оставались в священной роще на ночь, надеясь увидеть вещий сон с предсказанием собственного будущего или получить от божества спасительный совет для излечения болезни. Богатые люди посвящали Паликам щедрые дары. Однако жрец,

⁵⁹ Во время жертвоприношений подземным богам священнослужители выступали в темных одеждах, а жертвенные животные были обязательно черной масти, и закалывали их у алтаря, пригибая головы к земле, в отличие от обряда жертвоприношений богам-небожителям, когда жрецы одевались в белоснежные одежды, а приносимые в жертву животные были белой масти, причем забивали их, поднимая им головы вверх.

которого призывали к алтарю для жертвоприношений и совершения прочих священных обрядов, не имел права отказывать в этом деле никому из смертных, независимо от их положения.

– Кажется, мы прибыли вовремя, – сказал Требаций, с интересом оглядывая собравшихся.

– Посмотри в сторону алтаря! – тихо произнес Мемнон. – Эти трое – главные заговорщики. Видишь, вон тот, молодой, высокий... это Афинион. Рядом с ним Варий, а чуть поодаль справа... высокий старик, который беседует с жрецом... это Сальвий.

Братья Палики были подземными божествами, поэтому в отличие от жертвоприношений богам-небожителям, которые совершались при свете дня, им полагались вечерние или ночные жертвы с последующим факельным шествием к посвященным им источникам, близ которых давались обеты и клятвы.

Шум утих. Наступило благоговейное молчание.

Помощники жреца по знаку последнего подвели к алтарю черного барана (жертвенные животные, приносившиеся богам преисподней, обязательно должны были быть черной масти). Наклонив голову животного вниз, помощники жреца перерезали ему глотку.

После этого они начали его потрошить, складывая внутренности жертвы на бронзовый поднос, установленный на треножнике.

Для проведения гиероскопии, то есть гадания по внутренностям жертвенного животного, к алтарю подошли гадатели-гиероскописты (у римлян и прочих италийцев они назывались гаруспиками).

Среди гадателей был Сальвий, одетый, как и все они, в серый долгополый хитон.

– Кажется, я догадываюсь, почему Сальвий присоединился к жрецам-гадателям, – тихо говорил Мемнон, обращаясь к Требацию. – Он знает толк в гиероскопии и принял участие в ней с целью предупредить какую-нибудь ошибку или подвох со стороны своих коллег. Ты ведь сам знаешь, как в твоём родном городе гаруспики обманывали народ в угоду знати? Они сорвали не одно народное собрание, объявляя, что состояние внутренностей жертв неблагоприятно...

– Что ж! Будем надеяться, что сегодня божественные Палики благосклонно примут скромную жертву от этих несчастных, – отозвался Требаций, пристально взглянув в лица будущих вождей восстания.

Между тем гадатели внимательно изучали внутренности жертвы, обращая особенное внимание на печень, сердце и селезенку, которые должны были быть без каких-либо отклонений от нормы. В противном случае жертвоприношение признавалось огрешным и повторялось заново. В случае если внутренности жертвы и во время повторного жертвоприношения не соответствовали норме, это было явным неблагоприятным знаменем богов, и любое начинание переносилось на другое время.

Толпа молча ожидала, когда ей объявят результаты гадания.

Наконец Сальвий, обменявшись с коллегами несколькими словами, выпрямился во весь рост и, обратившись лицом к притихшей толпе, торжественно провозгласил:

– Божественные Палики всегда были милостивы и справедливы к угнетенным. Воздадим же им хвалу за то, что сегодня они благоприятствуют нашему собранию.

Толпа испустила вздох величайшего удовлетворения, после чего разразилась рукоплесканиями и радостными криками.

Помощники жреца Паликов сложили внутренности и отсеченные конечности жертвы на костер, возведенный на алтаре. Главный жрец, взяв из рук одного из служителей пылающий факел, поднялся к жертвеннику и зажег костер.

Вскоре над жертвенником взвились языки пламени вместе с клубами густого серого дыма, и снова раздались аплодисменты, потому что яркая вспышка огня на алтаре была еще одним свидетельством, что боги благоприятствуют собравшимся.

Сумерки сгущались. Служители стали подниматься на алтарь, зажигая факелы от жертвенного огня. В свою очередь от этих факелов поджигали свои факелы и люди из толпы.

Началось торжественное факельное шествие к священным источникам.

Шествие продолжалось недолго. Вскоре толпа остановилась, полукольцом окружив два больших источника, огражденных плохо обработанными гранитными камнями. От источников исходил тяжелый и неприятный серный запах. Вода в них совершенно не годилась для питья. Никто не мог бы сказать, куда пропадала вода, с необыкновенной силой выталкиваемая из земных недр. Поверхность источников пузырилась и пенилась, но нигде не было видно ни одного ручейка, который вытекал бы из них.

За каменную ограду вместе со жрецом и его помощником прошли только Варий, Сальвий и Афинион. Им предстояло произнести клятвы, нарушение которых, по закону святилища, влекло за собой скорую и неизбежную смерть. Все трое были в головных повязках, в длинных туниках без пояса и с оливковыми ветвями в руках.

По преданию, в древнейшие времена в святилище Паликов применялся особенно жестокий обычай: тот, кто приносил клятву, записывал ее на вотивной табличке⁶⁰, после чего опускал в воду, и если клятва была верна, то табличка всплывала; если же клятва оказывалась ложной, табличка разбухала и тонула, а клятвопреступника немедленно предавали огню. Считалось, что таким образом богам Паликам приносилось очистительное жертвоприношение за клятвопреступление в посвященном им месте. По прошествии многих сотен лет, когда дикие нравы смягчились и человеческие жертвоприношения были запрещены, в святилище клялись под страхом того, что дававший клятву обязательно умрет, если не исполнит ее.

Первым должен был принести клятву Варий. Он повернулся к толпе и заговорил в наступившей тишине:

– Мое имя Квинт Варий. Многие италики еще помнят обо мне. Я был избранным квестором своего родного города. Квестором Фрегелл был я, когда в Риме славный и мужественный консул Марк Фульвий Флакк хотел внести законопроект о даровании римского гражданства всем жителям Италии. Но надменный и деспотичный римский сенат отказался обсуждать это законное предложение консула в народном собрании и тем самым вызвал негодование в среде италиков, считавших действия сената вопиющей несправедливостью. В моем родном городе дело дошло до настоящего мятежа, который мне пришлось возглавить как человеку, получившему от своих сограждан высшую власть. Поначалу я надеялся, что святое и справедливое дело, начатое нами, найдет отклик в других местах. К сожалению, этого не произошло. Один лишь город Аускул некоторое время отказывался подчиняться римским магистратам, но среди жителей его не было единства. Страх перед Римом заставил их капитулировать. Остальные города Италии заняли выжидательную позицию. Оказавшись в полном одиночестве, Фрегеллы пали после кровавой борьбы. Часть жителей города, в основном стариков, женщин и детей, римляне переселили в область соседней Фабратерии, а других особым судом в Риме приговорили к изгнанию за пределы Италии. Славный же город Фрегеллы римляне сровняли с землей в назидание тем, кто вздумал бы когда-нибудь еще раз выступить против их власти. И вот мы, когда-то гордый и свободолюбивый народ, доживаем свои дни здесь, на сицилийской земле. Двадцать лет мы живем надеждой, что италики воспрянут духом и поднимутся на борьбу за свои права, а мы получим возможность вернуться на родину и возродить свой разрушенный город. Но Италия забыла о нас. Так называемые италийские союзники римлян, столько сделавшие для них, чтобы они властвовали над миром, окончательно смирились со своим униженным положением. Не скрою, когда-то мною владела присущая всем свободным гордыня, не позволявшая мне протянуть руку рабам, чтобы плечом к плечу

⁶⁰ *Вотивная табличка* – здесь: навошенная жертвенная табличка, на которой заостренной палочкой (стилем) записывалась клятва, даваемая божеству.

с ними сражаться, по сути, за общее для свободных и рабов дело справедливости. Но я подавил в себе эту спесь, присущую всем свободным, и под Капуей примкнул к храброму Минуцию, поднявшему кампанских рабов на борьбу за освобождение. Вы знаете уже, что это восстание потерпело поражение. Минуций пал жертвой низкого предательства. Одного негодяя-предателя оказалось достаточно, чтобы загубить дело, обещавшее стать великим. Впрочем, и сам Минуций совершил роковую ошибку. Он действовал в пределах одной только области, из-за чего лишен был поддержки многих тысяч рабов, стонущих в цепях по всей Италии. Здесь же, в Сицилии, у нас появилась возможность применить тактику одновременных восстаний в разных местах острова. Такая тактика приведет римлян в расстерянность. В этой горной стране мы всегда сможем найти укрепленные самой природой места, чтобы успешно противостоять даже очень сильному врагу. Словно по воле богов собрались вы сегодня вместе со всех концов Сицилии, этой благодатной земли, которая по праву принадлежит вам, и вы сами должны установить здесь свой порядок. Нужно только использовать сложившиеся счастливые обстоятельства. Подумайте сами, в каком неблагоприятном положении находятся сейчас римляне, наши враги. Они терпят поражение за поражением в войне с кимврами. Недалек день, когда непобедимая лавина северных варваров хлынет в Италию и сметет с лица земли этот надменный народ, возомнивший себя повелителем всего мира. Если мы восстанем, сбросив с себя позорное рабское ярмо, тысячи угнетенных присоединятся к нам, и вся Сицилия окажется в наших руках. Поистине все готово для нашей победоносной войны во имя собственных интересов. Здесь, перед этими священными источниками, я торжественно клянусь, что первым подниму знамя восстания за святое дело свободы. Пройдет совсем немного дней, и все вы услышите обо мне, услышит вся Сицилия. Так поддержите и вы меня, поклянитесь, что при первых же слухах обо мне и моих товарищах вы тоже, где бы ни застала вас эта весть, возьметесь за оружие. Если сделаете это, победа наша будет обеспечена.

– Клянемся!.. Именем богов, клянемся!.. – раздались со всех сторон десятки голосов.

Верховный жрец Паликов еще до того, как Варий закончил свою подстрекательскую речь, с трудом скрывая охватившее его негодование, тихо сказал стоявшему рядом помощнику:

– Я чувствую себя соучастником подлого рабского заговора. Этой же ночью поедешь в Сиракузы и сообщишь римскому претору обо всем, что здесь произошло.

– Я все понял, господин. Сделаю, как ты сказал, – так же тихо отозвался помощник жреца.

По окончании своей речи Варий приблизился к верховному жрецу, который держал в руке табличку с начертанными на ней особыми словами клятвы.

– Наверное, ты не знаешь обычая, – произнес жрец, понизив голос и опустив глаза. – Если по какой-нибудь причине ты не сможешь выполнить данную тобой сегодня клятву, то святилище должно будет подвергнуться очищению. Тот, кто приносит клятву у священных источников, должен представить поручителя, который совершит очищение за свой счет, если с тобой случится несчастье.

– Я знаю обычай, святой отец, – отвечал Варий, устремив на жреца мрачный взгляд. – К сожалению, у меня нет состоятельного поручителя, который смог бы совершить дорогостоящий обряд очищения. Человек я бедный, и у меня нет богатых родственников и друзей. Но ты можешь не беспокоиться. Я выполню свою клятву.

Жрец открыл было рот, чтобы возразить, но фрегеллиец решительно остановил его:

– Ты сам видишь, что эти обездоленные люди замерли в благоговении и ждут, когда я произнесу слова клятвы, которую они с верой в душе будут считать нерушимой. Ты поступишь очень благоразумно, если не станешь мне мешать сделать это только из-за отсутствия у меня поручителя...

В словах Вария прозвучала скрытая угроза, и жрец почел за благо уступить человеку, речь которого уже произвела сильное впечатление на толпу, способную в своем возбуждении на что угодно.

– Хорошо, – сказал он. – А теперь подойди к источникам и, потрясая ветвью, повторяй за мной каждое сказанное мною слово.

Варий повиновался и, приблизившись к источникам, медленно и торжественно стал произносить слова клятвы, которые подсказывал ему жрец.

В это время Мемнон говорил Требацию, расточая похвалы фрегеллийцу:

– Можешь не сомневаться, скоро его имя будет у всех на устах. Он не только храбр. Он мыслитель, он стратег, продумавший наперед все свои действия...

Между тем Варий произнес слова клятвы (она была краткой) и вышел за пределы священного участка, смешавшись с толпой.

Незнакомые люди пожимали ему руки, высказывали пожелания удачи и сами клялись всеми силами способствовать общему делу.

Место Варию у двух источников занял Афинион, который начал свою речь словами:

– Мое имя Афинион и родом я из Киликии...

В это время Мемнон, а вслед за ним и Требаций пробрались сквозь толпу к Варию.

– Ты здесь! – увидев Мемнона, обрадовался фрегеллиец.

Они крепко обнялись.

Мемнон тихонько сообщил Варию, что он пришел вместе с Требацием, который хочет поговорить с ним.

– Прекрасно! – вскричал Варий.

– Только не называй вслух его имени, – предупредил Мемнон. – Возможно, не всем в этой толпе можно доверять.

– Я понял тебя.

О личной встрече со знаменитым архипиратом Варий не мог даже мечтать.

Через минуту Мемнон представил ему Требация, который протянул руку бывшему квестору Фрегелл и сказал:

– Рад познакомиться с тобой, Квинт Варий. Я много слышал о тебе. Один из моих знакомых рассказывал мне, что своими глазами видел, как тебя, осужденного на казнь, вели со звоном на шее в Мамертинскую тюрьму и как юная весталка выехала тебе навстречу на своей колеснице, потребовав отмены смертного приговора. Это правда?

– Да, я обязан своим спасением этой благородной девушке-весталке, – отвечал Варий. – Все устроили Гай Гракх и Гай Блоссий из Кум. Они знали заранее, чем закончится это судилище оптиматов, и уговорили весталку помешать казни. Оптиматы были в бешенстве. Потом они привлекли Гракха к суду, обвинив его в тайном подстрекательстве мятежа во Фрегеллах, но все обвинение рассыпалось на первой же судебной сессии... Все это уже в прошлом, – подавив вздох, продолжал фрегеллиец, – теперь мне предстоит выступить в новой роли, и я радуюсь, что такой известный и прославленный человек, как ты, находится сегодня среди нас. Одно твое присутствие здесь – счастливый знак для нашего дела...

– Я пришел сюда с целью не только ободрить тебя и твоих мужественных друзей, – сказал Требаций. – Вам нужно оружие, и я твердо обещаю, что оно будет доставлено в Сицилию.

В это время Афинион уже заканчивал свою короткую речь, гневно выкрикивая:

– Наши враги не оставили нам другого выбора. Только с оружием в руках мы добьемся свободы и справедливости. Смерть тиранам!

Толпа в едином порыве подхватила последние слова киликийца:

– Смерть тиранам!

Какой-то юноша в накинутом на плечи коротком плаще подошел к Варию и тихо сказал:

– Прибыл Маний Эгнаций и с ним Гадей, который хочет переговорить с тобой наедине.

Они оба ждут тебя в загородной палестре, той самой, где мы провели прошлую ночь. Гадей сказал, что у него есть причина, чтобы не показываться в толпе.

– Милостью богов в последнее время я получаю одни приятные известия, – с большим удовлетворением произнес Варий. – Передай Гадею, что я скоро приду.

Юноша кивнул головой и исчез в темноте.

– Вы когда-нибудь слышали о разбойнике Гадее? – повернувшись к Требацию и Мемнону, спросил Варий.

– В позапрошлом году я познакомился с одним богатым сицилийцем из Леонтин, который обещал за его голову два аттических таланта, – сказал Мемнон. – Он рассказал мне, что Гадей убил его родственника, – добавил он.

– Отрицать бесполезно, человек он отчаянный, настоящий головорез, – согласился Варий: – Он латинянин, а может быть, даже римлянин. Настоящее имя его неизвестно. Прошлое у него темное. В Сицилии он появился года четыре назад, сколотил шайку удалых разбойников, посадил их на коней и занялся грабежами, неожиданно появляясь то в одном, то в другом месте. Два года назад он был заочно приговорен к смерти. Такому человеку нечего терять, и я решил не отказываться от его услуг. У него человек тридцать хорошо вооруженных всадников, которых в недалеком будущем я хотел бы использовать в качестве разведчиков...

До полуночи около четырехсот рабов, собравшихся неподалеку от алтаря Паликов, обсуждали свои дальнейшие действия. Среди них было немало беглых. Они рассказывали, что в горах скрываются сотни их товарищей, которые с готовностью примкнут к восстанию.

Варий изложил свой план действий на начальном этапе восстания: нигде не концентрировать свои силы и постараться заманить римского претора в ловушку где-нибудь в горных теснинах. Фрегеллиец намеревался засечь с отрядом рабов в неприступном месте и приковать к себе все силы римлян, в то время как Сальвий, Афинион и Дамаскид, собрав свои отряды, ударят на врага с тыла.

Требаций, слушая речи заговорщиков, все больше укреплялся во мнении, что Сицилия действительно на пороге большой войны.

Мемнон, пока шло совещание, зорко наблюдал за толпившимися вокруг людьми, не склонный доверять всем без исключения. Он считал себя ответственным за безопасность предводителя пиратов и не очень-то был доволен тем, что тот ведет себя беспечно, не скрывая, кто он.

– Пора возвращаться, – шепнул он Требацию и стал прощаться с Варием, Сальвием, Афинионом, Дамаскидом и этолийцем Тераменом, которого Сальвий представил всем как своего близкого друга.

Кроме этих пятерых, Мемнон не был знаком больше ни с кем из числа собравшихся.

– Я уверен, с тобой мы еще увидимся, – сказал он, обнимая Вария.

– И все-таки назови хотя бы приблизительно то место, где ты собираешься выгрузить оружие, – попросил фрегеллиец.

– Это пустынный берег южнее Гераклеи. Иногда моряки называют его Скалами Лестригонов. Но ты напрасно беспокоишься. Ты меня знаешь, я не пожалею усилий, чтобы все устроить наилучшим образом. Под Гераклеей меня должен приютить в своем имении один человек... Место надежное. Даже если я опоздаю к началу вашего выступления, я найду способ связаться с вами.

– Послушай, Мемнон, – вмешался в разговор Сальвий. – Под Гераклеей ты можешь найти меня. В этом тебе поможет кузнец Эргамен. Запомни его имя. Он работает в имении Серапиона, которое находится в трех милях севернее Гераклеи, на правом берегу реки Галик. Эргамен поможет тебе связаться со мной. Скажешь ему, что тебе известно мое местонахождение и назовешь Каприонскую гору. Это будет паролем.

– Хорошо, я запомнил, – кивнул головой александриец.

– Прощай, Мемнон, – сказал Варий. – Мне остается лишь уповать на то, чтобы тебе всегда сопутствовали удача и покровительство всех бессмертных богов...

– Пстой! – сказал Мемнон, снимая с себя пояс, в котором он хранил деньги. – Тебе предстоит дальний путь. Вот, возьми! Здесь одни золотые филиппики... кажется, около восьмидесяти монет. Они тебе пригодятся больше, чем мне.

– Не знаю, какими словами выразить тебе свою благодарность, – растроганно проговорил фрегеллиец, принимая щедрый дар друга.

Заговорщики, разбиваясь на группы, стали покидать рощу Паликов. Одни из них уходили по дорогам, ведущим к Агирию и Центурипам, другие направлялись в сторону Энны и Имахары.

Глава пятая

Критские пираты. – Морской бой. – Донос. – Мероприятия претора Сицилии

Требаций и Мемнон, выехав из конного двора, пустили лошадей почти во весь опор по хорошей ровной дороге и примерно через два часа миновали Леонтины. Отсюда до Сиракуз оставалось не более тридцати пяти миль.

Над гребнем ближайшей горы показался полный диск луны.

В это время они услышали за спиной конский топот.

– Кто-то нагоняет нас, – обеспокоился Мемнон.

– И, похоже, не один, – хладнокровно заметил Требаций, прислушиваясь к доносившему издали дробному топоту копыт.

– Я предлагаю затаиться здесь и подождать, пока всадники проедут мимо, – сказал Мемнон.

– Не пойму, что с тобой? – удивился Требаций. – Ты вздрагиваешь от малейшего шума...

– Просто вспомнил о том, что еще позавчера поклялся всеми богами быть осторожнее и хитрее лиса...

Они съехали с дороги и укрылись за толстыми стволами возвышавшихся неподалеку платанов.

Конский топот быстро приближался. Мемнон и Требаций замерли, удерживая на месте своих лошадей. Вскоре группа всадников пронеслась мимо них, и спустя еще немного времени топот, удаляясь, стих.

– Их было не меньше пяти, – определил Мемнон. – Не нравится мне это.

– Ты думаешь, нас кто-то преследует? – спросил Требаций.

– Даже если я ошибаюсь, будет разумно свернуть на окольную дорогу.

– Мы потеряем много времени.

– Это лучше, чем потерять голову.

– Скажи прямо, чего ты так опасаться?

– В роще толкались разные люди. Среди рабов могли оказаться соглядатаи из города.

– Клянусь Юпитером, ты стал слишком уж подозрительным.

– Я стал таким после того, как Минуций пал жертвой предательства, да и сам я, как ты знаешь, был на волосок от гибели... У меня нехорошие предчувствия. Кто знает, может быть, эти всадники посланы в Сиракузы властями Палики, чтобы сообщить претору о готовящемся восстании? А возможно, кому-то захотелось разбогатеть на двадцать талантов, назначенных римлянами за твою голову.

– Допустим. Но не ошибемся ли мы в выборе окольных дорог?

– Не думаю. Как в Италии все дороги ведут в Рим, так и здесь – в Сиракузы.

Проехав еще немного по большой дороге, всадники свернули вправо, на боковую дорогу, которая, как предполагал Мемнон, должна была привести их к небольшому городку Акриллы. По его словам, он находился где-то на полпути между Акрами и Сиракузами.

Александриец не ошибся. За два часа до рассвета они добрались до Акрилл и выехали на хорошо наезженную дорогу, которая была знакома Мемнону, так как он уже бывал в этих местах. От Акрилл до Сиракуз оставалось не более десяти миль.

Когда стало светать, всадники пустили коней во весь опор.

С первыми лучами солнца показались стены Сиракуз.

Мемнон, внимательно оглядывавший окрестности, предложил свернуть на плохо наезженную тропу, отходившую от основной дороги влево, надеясь, что она выведет к крепости Эвриал, а не к Ахрадийским воротам, куда вела прямая дорога.

Они поскакали по этой тропе и примерно через час примчались на измученных конях к северному склону возвышенности, называвшейся Эпиполами. Как уже отмечалось выше, она являлась наиболее укрепленной частью Сиракуз. В западном углу Эпипол находился холм под названием Эвриал, на котором стояла мощная крепость с высокими башнями, опоясанная тремя рядами рвов и имевшая сложную систему ходов, пробитых в скале. В древние времена охрана Эпипол и Эвриала была первой заботой сиракузян, когда их город подвергался опасности.

Всадники уже выехали к поселку торговцев, мимо которого проходила дорога, ведущая в Трогильскую гавань, но как раз в этом месте они наткнулись на пост греческих наемников, начальник которых громким окриком приказал им остановиться.

Немного в стороне от дороги расположились солдаты, в доспехах, вооруженные копьями и щитами, как в военное время.

Мемнон понял, что объясняться с начальником поста не имеет смысла. Он повернулся к Требацию и спросил:

– Будем пробиваться?

– Не возражаю! – хладнокровно отозвался тот.

Они одновременно выдернули мечи из ножен и, ударив ими плашмя по крупам лошадей, понеслись вскачь прямо на начальника поста.

– Стой! – запоздало вскричал тот, поспешно выхватывая свой меч, но в этот момент разгоряченный конь Требация грудью сбил его с ног, а вырвавшийся вперед Мемнон ударом меча свалил на землю солдата, бросившегося ему наперерез с копьем в руке.

Дорога к Трогильской гавани вела через многолюдный поселок, в котором жили купцы и владельцы небольших торговых кораблей. Там тоже могли оказаться солдаты. Поэтому Мемнон свернул на тропинку, отходящую от дороги вправо. Эта тропинка вела вдоль крепостной стены к башне Галеагре. Оттуда можно было добраться до Трогильской гавани тем же путем, каким Мемнон и Ювентина прошли к ней третьего дня.

Доскакав до Галеагры, Мемнон и Требаций спрыгнули с коней и, бросив их, стали взбираться по крутому взгорью.

Поднявшись на гребень возвышенности, они с первого взгляда убедились, что обстановка в гавани пока не предвещает особой тревоги: среди стоявших на якоре больших и малых судов они увидели покачивавшуюся на волнах «Амфитриту» и лениво прогуливавшихся по ее верхней палубе матросов. На берегу царил обычное оживление. Только на дороге, спускавшейся в гавань от поселка торговцев, отчетливо видны были группы солдат в полном вооружении. Они скорым шагом продвигались в сторону гавани.

Нужно было спешить. Мемнон и Требаций сбегали вниз с холма и вскоре добрались до кишевшей людьми торговой площади. Расталкивая встречных, они побежали к тому месту у лодочных причалов, где расположились матросы с «Амфитриты», охранявшие палатку с отдыхавшим в ней навархом.

– Собирай людей, Блазион! – ворвавшись в палатку, крикнул Требаций наварху. – Мы обнаружены!

Блазион выскочил из палатки в одной набедренной повязке и стал сзывать матросов, слонявшихся по берегу:

– Эй! Все на борт! Снимаемся с якоря!

Его приказ облетел всех находившихся на берегу пиратов, которые тотчас бросились к причалам. Не обращая внимания на протесты ничего еще не понимающих лодочников, они запрыгивали в их лодки и гребли к своему кораблю.

– Пираты! – вдруг раздался чей-то испуганный крик, и на площади началась суматоха. Матросы, подплывая на лодках к своему кораблю, быстро взбирались на него и разбегались по верхней и нижней палубам. Гребцы быстро занимали свои места на апостиках.

Полуголый Блазион, поднявшийся на командирский мостик, зычно отдавал команды:

– Все по местам! Поднять якоря! Кормовые, на руль! Месонавт⁶¹, к портискулу!.. Готовь весла!

Загремели якорные цепи. Гребцы подняли над водой свои весла.

– Гляди на весло!.. Весла на воду! – раздавались команды прората.

Тут же послышался стук деревянного молотка, отбивавшего такт гребцам, которые с криком «эй-я!» разом опустили весла на воду. Либурна вздрогнула и тронулась с места.

В это время появившиеся на берегу критские лучники выпустили в сторону пиратского корабля несколько десятков стрел, но стрелы не долетали до него, падая в воду.

«Амфитрита», ускоряя ход, шла близко от берега мыса Трогил, чтобы обойти преграждавшие ей прямой выход в море большие грузовые суда, стоявшие на якоре.

Бодро и уверенно перекликались голоса наварха, прората и кормовых матросов. В такт ударам портискула дружно поднимались и опускались весла.

Выйдя из залива, корабль взял курс в открытое море.

Наварх Блазион, старый и опытный моряк, исплавал вдоль и поперек все моря между Азией и Африкой. Мемнон всегда восхищался его отточенным мастерством управления парусами, заставлявшими трехмачтовое судно, каким была его любимая «Амфитрита», двигаться под малым углом навстречу ветру без помощи весел⁶². Таким искусством не мог похвастаться ни один кормчий в Новой Юнонии. Сам Блазион рассказывал, что всему этому он научился у киликийских моряков, славившихся своими особыми познаниями в морском деле.

Вскоре мыс Трогил остался за кормой, но в это время из-за острова Ортигии показались сразу пять легких боевых кораблей, а из Лаккийской гавани наперерез либурне вышла бирема, имевшая на борту, по меньшей мере, четыре десятка солдат из греческих наемников. Об этом можно было судить по высоким гребням и широким нащечникам их шлемов.

– Ребята! Неужели мы покажем им корму? – крикнул матросам Блазион, в котором загорелся боевой дух.

Ответом ему послужил яростный рев, одновременно вырвавшийся из тридцати или сорока глоток матросов и гребцов:

– Нет! Никогда!

На нижней и верхней палубах началась беготня. Матросы действовали как на учениях.

Мемнону была хорошо знакома тактика пиратов во время абордажного боя, в котором участвовали не только матросы, но и все гребцы, без всякого исключения. Это сразу почти втрое увеличивало численность воинов на корабле. Пока корабль пиратов сближался с кораблем противника, матросы вооружались сами и складывали на нижней палубе перед гребцами связки оружия и доспехов. Как только корабли сходились вплотную, сцепившись друг с другом «воронами» или абордажными крючьями, гребцы втаскивали на палубу весла и, вооружаясь, спешили на помощь товарищам, уже вступившим в бой...

Бирема смело двигалась навстречу «Амфитрите», рассекая волны обитым медью острым тараном. До пиратов уже отчетливо доносились воинственные крики греческих солдат.

⁶¹ *Месонавт* – матрос, отбивавший такт гребцам деревянным молотком (портискулом) и находившийся между ними и рулевыми (кормовыми матросами).

⁶² Наиболее распространенным у исследователей является мнение, будто древние мореходы не были знакомы с парусом, позволяющим изменять курс в пределах всей розы ветров, и что такой парус был изобретен лишь в XV в. португальцем Генрихом Мореплавателем, сыном короля Португалии Жуана I, но «мы не можем ручаться, что древние не знали секрета такого паруса», – пишет А. Б. Снисаренко в своей книге «Курс – Море Мрака».

Искусный маневр, совершенный либурной при сближении с неприятельским кораблем, не позволил биреме воспользоваться своим тараном, который лишь скользнул вдоль левого борта «Амфитриты», сломав у нее несколько весел.

И тотчас с либурны на палубу биремы полетели абордажные крючья.

Стрелы взобравшихся на мачту биремы критских лучников нашли первые жертвы среди пиратов, столпившихся на верхней палубе либурны. Четверо из них были поражены насмерть и в их числе прорат, тело которого, перевалившись через борт, упало в море.

Мемнон одним из первых перескочил с борта либурны на палубу вражеского корабля и тут же оказался лицом к лицу с командиром наемников (судя по вооружению, это был римский центурион), который встретил его мощным ударом меча.

– Получай, бродяга! – рявкнул он по-латыни.

Мемнон отразил рубящий удар своим маленьким круглым щитом и с силой выбросил вперед руку с иберийским мечом, поразившим врага в шею под самым подбородком. Центурион рухнул, даже не вскрикнув.

Пираты с дикими криками лезли на палубу биремы.

По мере того как с нижней палубы либурны прибывали наверх вооруженные гребцы, численность пиратов возрастала, и наемники, хотя они поначалу бились храбро и упорно, под натиском превосходящего их численностью противника вскоре вынуждены были полностью очистить корму, оставив на ней до десятка убитых и раненых товарищей.

В этот момент раздался громкий голос с верхней палубы либурны:

– Чего вы ждете? Поджигайте эту посудину, если не хотите сегодня же отправиться на корм муренам! Неужели не видите, что к ней идет подмога?

Этот повелительный возглас исходил от Требация, который, поднявшись на командирский мостик, занял место рядом с навархом, не спуская глаз с пяти дикротов⁶³, быстро приближавшихся к месту боя со стороны Ортигии.

Было ясно, что очень скоро корабли врага возьмут «Амфитриту» в клещи, если она вовремя не оторвется от вражеского судна.

Но пираты сами знали, что им делать. Пока одни из них дрались на верхней палубе биремы, другие с факелами в руках поджигали ее корму, предварительно разбив на ней с десяток глиняных киликов, наполненных жидкими горючими смесями.

Вскоре по знаку Блазиона горнист заиграл в свой рожок, призывая пиратов покинуть вражеский корабль. Схватка разом прекратилась. Матросы «Амфитриты» быстро отступили на свою либурну. В этот момент на корме биремы взвилось огромное пламя, а на ее верхней палубе разбилось еще несколько глиняных сосудов с горючей жидкостью, брошенных с «Амфитриты». Вскоре и верхнюю палубу охватил огонь. Спасаясь от него, гребцы с отчаянными криками бросались в море прямо с апостиков. Их примеру последовали солдаты. Сбрасывая с себя тяжелые доспехи, они прыгали за борт.

Пламя быстро распространялось по всему кораблю. Тем временем пираты мечами и топорами перерубили канаты абордажных крючьев, связывавшие либурну с пылавшей биремой. Покончив с вражеским кораблем, «Амфитрита» с честью могла уходить от преследующих ее кораблей береговой охраны. Было бы безумием принимать с ними неравный бой.

Поначалу наварх «Амфитриты» надеялся, что на одних только веслах кораблю удастся уйти от преследования, но, несмотря на могучие усилия гребцов, либурна не могла справиться с усилившимся встречным ветром, мешавшим ей идти нужным курсом. Тогда старый пират решился на опасный маневр, повернув судно носом к мысу Трогил и поставив паруса наис-

⁶³ Дикрот – легкий «полуторпалубный» корабль с одним рядом весел и палубным настилом вдоль бортов вместо второй палубы.

кость к направлению ветра, чтобы увеличить скорость судна, хотя он прекрасно понимал, что во время маневрирования парусами и перемены курса ход корабля замедлится.

Блазион отдал матросам приказ распустить все паруса.

На либурне закипела напряженная работа. Гребцы, не жалея сил, налегали на весла. Матросы поднимали паруса и ставили их точно следуя указаниям своего наварха. Паруса колыхались и хлопали под порывами ветра. Судно почти прекратило движение.

«Амфитрита» не только уменьшила скорость, но и подставила правый борт приближавшимся кораблям преследователей, которые уже были от нее на расстоянии трех или четырех выстрелов из лука.

С либурны было видно, как сгрудившиеся на верхних палубах вражеских кораблей солдаты уже изготавливаются к метанию дротиков. Головной дикрот настиг пиратов в тот самый момент, когда «Амфитрита», сменив курс и наполнив ветром все паруса, легла на правый борт. Теперь либурна уходила от преследователей, двигаясь вдоль берега и рискуя быть прижатой к нему пятью вражескими кораблями. С догонявшего ее передового дикрота на пиратов посыпался град дротиков и стрел.

Каким-то чудом никто из бегавших по палубе либурны матросов не был ранен, хотя не менее десятка стрел вонзились в борт и продырявили главный парус. Одновременно с носовой части дикрота на корму «Амфитриты» полетели прикрепленные к канатам острые тройные крючья, но ни одному из них не удалось впиться в корму, так как сгрудившиеся там пираты смело и ловко отбивали их своими небольшими крепкими щитами. Это позволило «Амфитрите» выиграть несколько драгоценных мгновений. Набирая ход, она под сильным креном продолжала идти параллельно берегу. Передовой корабль преследователей быстро отставал от нее.

«Амфитрита», завершив крутой поворот в сторону берега и еще раз сманеврировав парусами, легла на левый борт и ускорила движение, держа курс на северо-восток.

– Гениально, Блазион! – вне себя от восторга закричал Мемнон, повернувшись лицом к мостику наварха.

– Да здравствует Блазион! – завопили пираты, ударяя мечами в щиты.

– Эй-я, гребцы! – раздался громкий и веселый голос месонавта, отбивавшего молотком такт гребцам.

– Эй-я! – мощным хором отозвались гребцы, налегая на весла.

Теперь скорость пиратского корабля, подгоняемого почти попутным ветром, увеличилась вдвое и не оставляла преследователям никакой надежды догнать его.

Под всеми парусами, глубоко врезаясь носом в пенистые гребни волн, «Амфитрита» в течение часа шла на север вдоль берега, а затем повернула в открытое море, взяв курс на Пелопоннес.

* * *

В эту ночь претор Публий Лициний Нерва спал всего несколько часов.

С вечера он читал письма из Рима, доставленные ему накануне письмоносами откупщиков, после чего долго трудился над составлением послания в сенат о положении дел в провинции. Лег он далеко за полночь, но в четвертую стражу, перед рассветом, был разбужен слугой, который сообщил ему о прибытии обоих военных трибунов с весьма важным сообщением.

Претор вышел к трибунам в приемную комнату дворца. Его заспанное лицо выражало недовольство.

– Что стряслось? Почему вы здесь? – спросил он, переводя взгляд со старшего трибуна на младшего.

– Пусть говорит Тициний, который знает больше, чем я, – флегматично произнес старший из трибунов Тит Деций Криспин.

– Я только что получил сообщение о том, что пираты во главе с самим Требацием Тибуром находятся в одной из городских гаваней, – возбужденно сказал Тициний.

– Тицинию не терпится получить обещанные сенатом двадцать талантов за голову архипирата, – с усмешкой заметил трибун Криспин и тут же добавил: – Искушение, конечно, велико. Если удастся захватить самого Требация, в Риме будут в восторге...

– От кого ты это узнал? Где доносчик? – спросил Нерва, обращаясь к младшему трибуну.

– Человек, сообщивший мне об этом, пожелал остаться неизвестным, – с небольшой заминкой ответил Тициний. – Он боится огласки и мести пиратов.

– Что же ты предлагаешь?

– Перекрыть выходы из гаваней и проверить все находящиеся в них суда. Для этого нужно немедленно и без суматохи поднять по тревоге весь гарнизон и вывести в море все имеющиеся у нас боевые корабли. Если сделаем так, пираты, сколько бы их ни было, будут схвачены. Прошу поручить мне это дело.

В словах военного трибуна было столько уверенности, что Нерва, махнув рукой, дал свое согласие.

Некоторое время спустя все солдаты сиракузского гарнизона были без шума выведены из своих казарм. В первую очередь были выставлены караулы на мостах через реку Анап и на мысе Племирии. Несколько десятков критских лучников и прочих наемников Тициний отправил за город, чтобы они охраняли подступы к Лаккийской и Трогильской гаваням. Он предупредил начальников постов о возможном появлении двух всадников, которые будут пытаться проникнуть в одну из этих гаваней. Тициний строго наказал задерживать всех подозрительных. Сам трибун повел около сотни наемников к Предмостным воротам Ахрадины. Он почему-то считал, что пиратские корабли бросили якорь именно в Большой гавани, где на обширном пространстве они легко могли затеряться среди множества судов.

Пяти легким кораблям береговой охраны было поручено перекрыть выход из Большой гавани от мыса Племирия до Ортигии, взяв на борт критских стрелков, которым Тициний приказал дополнительно вооружиться мечами и щитами на случай рукопашного боя с противником. В Малой гавани готовилась к выходу в море бирема с пятьюдесятью фессалийскими наемниками на борту. Командовать ими Тициний назначил одного из центурионов преторской когорты.

О том, что произошло дальше, читатель уже знает.

Наемники, спасшиеся с подожженной пиратами биремы, не досчитались девятнадцати своих товарищей. Всех их – убитых и раненых – поглотила вместе с кораблем морская пучина.

Нерва, наблюдавший за морским боем с высоты солнечной галереи «гиеронова дворца», был возмущен до глубины души неумелыми действиями командира биремы и трусостью наемников, оставивших корабль почти без боя. Охваченная огнем бирема скрылась под водой на глазах у претора и сотен жителей Сиракуз, сбежавшихся на восточный берег острова Ортигии.

С досадой и злостью Нерва думал теперь о том, что через несколько дней о случившемся станет известно в Риме.

Злополучного наварха потопленной биремы (он был гражданином Тавромения) Нерва приказал высечь розгами и отправить в каменоломни, а руководившего всей этой морской операцией «по поимке пиратов» военного трибуна Марка Тициния претор, в ярости топая ногами, ругал последними словами в присутствии своих советников, центурионов и акцензов.

Тревога в городе улеглась только к полудню.

В тот же день в Сиракузы примчался конный гонец из Палики. Он привез сообщение о том, что на священном участке героев Паликов некий латинянин по имени Варий собрал несколько сотен рабов и призывал их поддержать восстание, которое он намеревается поднять в ближайшие дни где-то на западе провинции.

– Возможно, это тот самый Варий, бывший квестор мятежных Фрегелл, – с угрюмым и озабоченным видом говорил Нерва своему отпущеннику Аристарху. – Два месяца назад Лукулл прислал мне письмо, в котором сообщал, что Варий примкнул к Минуцию, предводителю беглых рабов в Кампании. По-видимому, он ускользнул от Лукулла и перебрался в Сицилию, чтобы возмущать здешних рабов. Да, пожалуй, это не кто иной, как он! Лукулл предупредил меня, что он очень опасен, этот фрегеллиец. Он хорошо знает военное дело и злобно ненавидит римлян.

Аристарх посоветовал патрону со всей серьезностью отнестись к полученному доносу, ускорив выступление в Агригенте.

– Из того, что нам известно, можно лишь гадать, в каком именно месте может начаться восстание, – рассуждал он. – Мы знаем только, что это произойдет где-то на западе. Что ж! В Агригенте ты будешь ближе к месту возможного выступления заговорщиков, даже если оно начнется у Панорма или Солунта. Как только весть об этом дойдет до тебя, ты сможешь действовать без промедления, подобно тому, как поступил когда-то претор Луций Корнелий Лентул, который, получив сообщение о заговоре рабов в Лации, тотчас вышел из Рима с несколькими десятками солдат и по пути, в каждом городе или селении, приводил к присяге всех способных носить оружие. В один день он собрал отряд в две тысячи человек и вскоре очень решительно покончил с мятежом. Думаю, тебе стоит поторопиться, мой господин, иначе мы рискуем вместо судебных разбирательств в Агригенте и Тиндариде заниматься таким неблагоприятным и трудным делом, как война с рабами, которая не принесет ни славы, ни денег – одни только хлопоты, тревоги и опасности.

– Это уж точно, – проворчал Нерва, настроение которого было вконец испорчено всеми неприятностями, которые принес ему этот день.

Претор Сицилии внял советам своего мудрого отпущенника и немедленно вызвал к себе двух своих советников сенаторского звания, обоих военных трибунов, всех центурионов преторской когорты и десять наиболее уважаемых членов конвента римских граждан, известных в Сицилии богатыми землевладельцами и публиканов, чтобы обсудить с ними создавшуюся ситуацию.

После того, как Нерва огласил подробности заговора рабов в святилище Паликов, все собравшиеся единодушно высказались, что положение действительно серьезно, что заговор рабов налицо, причем весьма опасный, так как заговорщики имеют теперь своих сторонников в различных областях острова. Было признано необходимым, чтобы Нерва, начав объезд провинции, произвел набор солдат в Агригенте, не дожидаясь известий о начале мятежа. Нерва тут же назначил своими уполномоченными всех десятерых членов конвента, приглашенных на совещание, и приказал им отправиться каждому в свое имение, где они могли бы прямо на местах принимать самые жесткие меры в отношении как своих, так и чужих рабов, если среди них будет замечено хотя бы малейшее брожение.

Закрывая совещание, Нерва произнес краткую речь:

– Я не особенно верю в то, что рабы отважатся на что-нибудь серьезное. Но в любом случае я не допущу повторения того хаоса в провинции, какой имел место тридцать лет назад. Сказать по совести, я только и жду, когда какие-нибудь дерзкие смутьяны поднимут мятеж. Пусть только попробуют! Я преподнесу им такой урок, что вся Сицилия содрогнется от ужаса! Вам, квиристы, – обратился он к членам конвента римских граждан, – я приказываю немедленно отправляться в свои имения. Никакого снисхождения к подстрекателям бунта! При малейшем подозрении проводите тщательное расследование с обязательным применением пыток. Я предоставляю вам право по своему усмотрению отправлять на крест любого заговорщика из рабов, кому бы он ни принадлежал, а если заподозренным окажется свободный, то его следует содержать в оковах не меньше десяти фунтов весом и под надежной охраной до моего прибытия. Завтра же я отправляюсь в Агригент. Тебя, Криспин, оставляю здесь префектом

гарнизона. А ты, Тициний, будешь сопровождать меня в объезде провинции. Сегодня же займись подготовкой к походу моей квинкверемы и четырех легких кораблей сопровождения. Проследи, чтобы все люди были хорошо вооружены, не исключая даже письмоводителей. Если оружия окажется недостаточно, обратись к проагору, который выдаст тебе его из городских складов.

В числе назначенных претором уполномоченных был и Публий Клодий, который, не теряя времени, выехал из Сиракуз в сопровождении шести вооруженных рабов. Эта поездка в полной мере отвечала всем планам откупщика, так как он получал почти неограниченную власть в области Гераклеи, что позволяло ему с еще большей уверенностью осуществлять задуманное им предприятие. Он был даже рад начавшейся шумихе, связанной с рабским заговором.

На следующий день, рано утром, в Большой гавани наблюдалось большое оживление, но ни у кого из жителей Сиракуз слух об отплытии римского претора не вызвал какой-нибудь тревоги или беспокойства. Это был привычный для сиракузян *circuitus totius Siciliae*, объезд римским претором своей провинции по судебным округам.

По меньшей мере сто двадцать легионеров принял на борт большой преторский корабль с пятью рядами весел. Кроме того, квинкверему должны были сопровождать четыре легких дикрота, на которых разместились более шестидесяти критских лучников, не считая вооруженных акцензов и прочих служителей из преторской когорты.

Первыми на квинкверему поднялись два сенатора, исполнявшие обязанности советников наместника провинции, и с ними военный трибун Марк Тициний. Следом к кораблю двинулись римские легионеры, лязгавшие оружием и доспехами.

Последним в окружении ликторов, нескольких вольноотпущенников и десятка рабов, тащивших на себе узлы и корзины, в гавани появился Публий Лициний Нерва с лицом несколько опухшим, потому что весь вечер накануне он провел в доме проагора Сиракуз, устроившего в честь претора прощальный ужин.

Поднявшись на квинкверему, Нерва тотчас отдал приказ к выходу в море.

Тут же на корабле раздались возгласы команд, забегали матросы и загремели якорные цепи.

Солнце уже высоко поднялось над голубой равниной моря, когда квинкверема, методично взмахивая пятью рядами весел, тронулась с места и, набирая ход, вышла из Большой гавани. Следом за преторским кораблем двинулись корабли сопровождения.

Преторская эскадра обогнула мыс Племирий и взяла курс на юг, вдоль побережья.

Глава первая

У развалин Гелы

Вечером второго дня месяца таргелиона по греческому календарю (17 мая) на дороге, тянувшейся вдоль морского побережья неподалеку от Калвизианы, можно было видеть трех путников, быстро шагавших в сторону города.

Это были Квинт Варий, его соотечественник Маний Эгнаций и совсем еще молодой сириец Эвгеней, которые после описанного выше совещания рабов в роще Паликов той же ночью отправились в путь.

Они решили идти напрямик по трудной горной дороге к южному берегу острова. В Калвизиане они намеревались сесть на корабль и продолжить свое путешествие морем. Варий рассчитывал за два дня добраться до Мазары. Колония ссыльных фрегеллийцев, которую он хотел посетить в первую очередь, находилась в шести милях от этого города. Варий очень надеялся собрать там по меньшей мере сотню вооруженных соотечественников и вместе с ними стремительным маршем пройти по богатым имениям, расположенным вблизи города Галикии, призывая рабов к восстанию.

Изгнанники из Фрегелл обосновались на полпути между Мазарой и Галикиями. Долгие годы они жили там сплоченной коммуной. Варий был ее бессменным выборным старшиной. Его по-прежнему называли квестором. Все вместе они пахали и засевали землю, арендованную у местных землевладельцев, жили очень скудно и с тоскливой надеждой ловили вести из Италии, ожидая, что там вот-вот начнется восстание италиков за уравнивание их в правах с римлянами.

Читатель уже знает (из первой части дилогии), чем закончилась последняя поездка Вария по Италии с целью побудить италийские общины к отпадению от Рима, если он откажется предоставить им права римского гражданства: везде ему говорили, что тайные гетерии временно прекратили свою деятельность ввиду угрозы нашествия кимвров. Отчаяние толкнуло Вария присоединиться к Минуцию, возглавившему рабский мятеж, и это был первый шаг, сделанный бывшим квестором Фрегелл на новом опасном пути. Хотя восстание под Капуей потерпело поражение, та легкость, с какою Минуций, не отличавшийся, с точки зрения фрегеллийца, большими военными дарованиями, в короткий срок смог создать боеспособное войско, разбившее римлян в открытом бою, еще больше укрепило его во мнении, что он сделал правильный выбор. В глубине души Варий считал, что широтой мышления и своей опытностью в военном деле он намного превосходит Минуция, отличавшегося самоуверенностью и легкомыслием.

«Мне уже пятьдесят три года, – размышлял он, – жизненные силы на исходе, и недалек тот день, когда придется умирать в немощи, горько сожалея о том, что еще мог бы отомстить врагам за свою поруганную жизнь, но малодушно от этого отказался... Нет, римляне! Я еще заставлю вас вспомнить о Квинте Варии, последнем квесторе Фрегелл!».

Между тем в среде изгнанников за двадцать лет произошли большие перемены. Многие обзавелись рабынями и прижитыми с ними детьми. Кое-кто вышел из коммуны и завел собственное хозяйство. С годами люди все больше опускались, впадая в уныние и апатию. На последних выборах главы общины Варий победил лишь незначительным большинством голосов. Уже мало кто верил, что Италия поднимется против Рима.

Варий рассчитывал на то, что многие фрегеллийцы, обозленные отказом италиков от борьбы за права римского гражданства, захотят хотя бы отомстить римлянам, используя рабов в качестве орудия своей мести...

Спутники Вария, Маний Эгнаций и Эвгеней, были беглыми рабами.

Мания Эгнация, сына одного из уважаемых граждан Фрегелл, Варий знал еще семнадцатилетним юношей. Он тогда уже отличался большой телесной силой и храбростью. Вместе со своим отцом он отважно бился с римлянами на стенах осажденных Фрегелл. Их обоих в числе нескольких сотен наиболее активных участников мятежа римский суд приговорил к лишению «воды и огня», назначив им местом изгнания Сицилию. По пути туда отец Эгнация тяжело заболел. Эгнацию пришлось надолго задержаться с ним в Мессане. Там он ввел себя в большие расходы, наделав много долгов. Отец выздоровел, но сын не смог расплатиться с кредиторами и был продан в рабство. Его первым и единственным господином был жестокий и надменный сицилийский грек, который приказал заклеить его и отправил на тяжелые работы в свое имение. Но Эгнаций вскоре бежал. Поначалу он явился в колонию фрегеллийцев, надеясь, что соотечественники дадут ему приют. Однако изгнанники в большинстве своем опасались того, что они, находясь под строгим надзором властей, могут быть избалованы в предоставлении убежища беглому рабу. Они потребовали, чтобы Маний Эгнаций немедленно покинул пределы колонии.

Долгие девятнадцать лет Эгнаций вел жизнь скитальца. Скрывая под широкополой шляпой свой клейменный лоб, он исходил из конца в конец всю Сицилию. Время от времени он приставал к шайкам разбойников, таких же, как и он сам, беглых рабов, участвуя в набегах на крестьянские деревни или усадьбы богатых землевладельцев. В разбойничьем мире Сицилии он хорошо был известен своей силой и храбростью.

Минувшим летом судьба свела его с молодым сирийцем Эвгением, бежавшим из галикийского поместья своего господина. С той поры они были неразлучны, скрываясь в горах от солдатских облав, занимаясь охотой на диких животных и воровством овощей на крестьянских огородах. Когда одежда их ветшала, они устраивали засады на больших дорогах, нападали на одиноких путников и отнимали у них, кроме денег, плащи и хитоны, оставляя им взамен свои лохмотья. Друзья проявили большое благоразумие, запасшись на зиму зерном и ручной мельницей. В Небродовых горах они нашли пещеру и жили там до наступления теплых весенних дней, питаясь пшеничными лепешками и дичью, которую добывали на охоте.

Однажды на их убежище наткнулся разбойник Гадей со своими всадниками.

Гадей известен был всей Сицилии лихими набегами и крайней жестокостью. Историк Диодор впоследствии писал про него, что он, «убивая во время разбойничьих набегов многих свободных, не причинял никакого вреда рабам». Гадей делал это демонстративно, как бы подчеркивая свое сочувствие их тяжелой участи. За это рабы при случае оказывали ему свои услуги: предупреждали об опасности или направляли преследователей по ложному следу. Между тем за Гадем охотились даже частные лица, нанимавшие для его поимки целые отряды. Этот разбойник нажил себе в Сицилии много врагов. Некоторые богатые сицилийцы очень хотели свести с ним счеты за погубленных им родственников, объявляя большие награды за его голову, но тот был неуловим.

Маний Эгнаций и Эвгений провели несколько дней в обществе Гадея и его сотоварищей по разбою. Они упрашивали его принять их в свою шайку, но тот им отказал. Он объяснил им со всей откровенностью, что чувствует себя в большей безопасности, когда имеет дело со свободными, потому что беглые рабы, находясь в розыске, постоянно рискуют попасть в руки властей и могут, не выдержав пыток, наболтать лишнего. Что касается свободных, говорил он, то они, имея постоянные места пребывания, могли в перерывах между разбоями вести обычную жизнь, не вызывая ни у кого подозрений.

Когда Манию Эгнацию и Эвгению стало известно постановление римского сената о союзниках, они решили попытать счастья и отправились в Сиракузы. Там они хотели записаться в очередь на прием к претору, но вскоре выяснилось, что указ сената не распространяется на беглых рабов, а также на тех, кто был обращен в рабство за участие в каком-либо мятеже или по приговору суда за совершенные преступления. Друзья приуныли. Биографии того и другого

не позволяли им надеяться на получение свободы посредством преторской vindикты. Маний Эгнаций был участником мятежа во Фрегеллах. Эвгеней и его старший брат Дамон были проданы в рабство в наказание за нанесение побоев высокопоставленному приближенному сирийского царя. К тому же Эгнаций и Эвгеней были еще и беглыми рабами.

В Сиракузах оба друга встретились с Варием, который, недолго думая, посвятил их обоих в заговор.

Эвгеней, которого Эгнаций представил бывшему квестору Фрегелл как своего верного товарища и друга, Варию сразу понравился.

Это был красивый молодой человек, крепкого телосложения, грамотный и сообразительный. В беседах с ним Варий узнал о его брате Дамоне, который томился в окопах на мельнице неподалеку от Галикий. По словам молодого сирийца, таких, как он, кандалников, там было человек тридцать-сорок. Эвгеней, пока был в бегах, хотел каким-нибудь способом выручить брата из тяжелой неволи. Одно время он и Маний Эгнаций даже планировали силой освободить Дамона и его товарищей с намерением сколотить из них разбойничью шайку наподобие той, которую возглавлял Гадей.

Эвгеней убеждал Варию, что кандалники являются самым горючим материалом среди рабов и их не придется долго уговаривать, чтобы они первыми зажгли огонь восстания. Фрегеллиец решил возглавить галикийских рабов, взяв на себя роль застрельщика всеобщего восстания в Сицилии. В то же время он не терял надежды привлечь на сторону рабов своих соотечественников-фрегеллийцев.

Как-то Эгнаций и Эвгеней вновь повстречали Гадея, который занимался грабежами на Леонтинской равнине, и вскоре познакомили его с Варием. Гадей одобрительно отнесся к решению рабов взяться за оружие и обещал оказывать им всяческое содействие. Он даже выразил желание присоединиться к Варию при первых же слухах о поднятом им восстании. Он уверял, что под его началом более тридцати всадников, отчаянных храбрецов, готовых идти за ним в огонь и в воду.

После совещания рабов в святилище Паликов Варию охватила настоящая эйфория. По его мнению, все складывалось лучше всяких ожиданий. Самым главным было то, что состоявшееся в роше Паликов многочисленное собрание рабов из различных областей Сицилии обещало разнести по всему острову его идею о всеобщем восстании. Данные там им самим и другими участниками собрания священные клятвы казались фрегеллийцу надежным залогом того, что он не останется без поддержки, даже если будет осажден где-нибудь в горах превосходящими силами римлян. Больше всего он рассчитывал на Сальвия и Афиниона, которые намеревались поднять восстания в областях Гераклеи и Сегесты. Обещали привести к нему своих товарищей и беглые рабы сириец Дамаскид и македонянин Диоксен. Первый скрывался в горах близ Сегесты, а второй возглавлял около полусотни беглых рабов в областях Скиртеи и Мерганы.

Деньги, которые Мемнон дал Варию в дорогу, пришлось весьма кстати. На эти деньги фрегеллиец приобрел в Акрах новые плащи для себя и своих спутников, а в Гибле Геры, проходя мимо оружейной лавки, не устоял перед покупкой трех дорийских мечей в ножнах. Оставшихся денег должно было вполне хватить на оплату проезда морем от Калвизианы до Мазары.

Возле разрушенной Гелы, перед самым закатом, они решили заночевать.

От когда-то знаменитого и многолюдного города Гелы, соперничавшего своим богатством и красотой со многими греческими колониями, остались одни развалины. Неподалеку от них в долине обмелевшей реки, тоже носившей название Гела, виднелось чахлое поселение земледельцев. Территория самого города была совершенно заброшена. В эпоху римского владычества немало цветущих ранее греческих колоний пришли в упадок. Такие знаменитые города, как Гимера и Гербесс, лежали в руинах, среди которых паслись овцы и козы. Мегару Гиблейскую разрушил Клавдий Марцелл, и город с тех пор так и не был восстановлен.

Пока Маний Эгнаций и Эвгеней разводили костер, Варий доставал из дорожного мешка провизию. Ужин обещал быть скромным: копченая баранина, соленые маслины, пшеничные лепешки и кислое вино, хорошо утолявшее жажду.

В это время они увидели группу людей, переходивших реку вброд. Один из путников ехал верхом на муле. Судя по всему, это был состоятельный человек, следовавший по своим делам в сопровождении охранявших его вооруженных рабов.

Когда путешественники приблизились, стало ясно, что человек, сидевший на муле, не кто иной, как римский всадник. Принадлежность его к этому высокому римскому сословию нетрудно было определить по тунике с узкой пурпурной каймой и массивному золотому кольцу на пальце правой руки.

Один из рабов, двигавшийся позади телохранителей римлянина с тяжелой поклажей на спине, вдруг остановился и нагнулся, чтобы ослабить или, наоборот, подтянуть на ноге ремень своего башмака.

– Этого молодого человека я знаю, – сказал Эвгеней товарищам. – Несколько раз встречался с ним в Сиракузах. Его зовут Антиной.

– Кажется, и он узнал тебя, – заметил Маний Эгнаций. – Пойди, поговори с ним. Может быть, у него есть какие-нибудь новости для нас...

Эвгеней, подойдя к рабу, обратился к нему с приветствием:

– Да сопутствуют тебе боги, брат! Если не ошибаюсь, тебя Антиноем зовут?..

Раб, не поднимая головы и делая вид, что он занят подтягиванием башмачного ремня, зашептал скороговоркой:

– Слушай, что скажу, если не знаешь... Заговор раскрыт. Из Палики пришел донос, и претор теперь рассылает своих людей по городам, чтобы предупредить проагоров о возможных беспорядках. Публий Клодий, мой господин, послан в Гераклею. Я слышал, как он говорил своему приятелю, что у него на руках предписание претора с самыми широкими полномочиями по набору солдат и проведению дознаний среди рабов. Сейчас мы направляемся в Калвизиану. Не советую вам идти туда. Городок небольшой, а наш господин, увидев вас троих, уже высказал свои подозрения на ваш счет. Прощай, брат! Будьте начеку.

Он дружески подмигнул Эвгенею и, поправив поклажу на спине, продолжил свой путь.

Молодой сириец, вернувшись к товарищам, рассказал им о том, что сообщил ему раб Клодия.

– Что ж, – хмурясь, сказал Варий. – Было бы очень наивно полагать, что верховный жрец Паликов не донесет на нас претору.

Поразмыслив, он изменил свое первоначальное решение идти в Калвизиану.

– Этот парень прав. Не стоит рисковать из-за каких-то двадцати лишних миль, которые нам придется пройти, минуя Калвизиану. Попробуем сесть на корабль в Агригенте. Город большой – в нем легче будет затеряться, не вызывая подозрений. Отдохнем немного до наступления темноты и продолжим путь...

Глава вторая

Агригент. – Морской переход до Мазары. – Колония изгнанников

За одну ночь и до середины следующего дня Варий и двое его спутников проделали утомительный путь в двадцать четыре мили, добравшись до Агригента.

Они вошли в город, не привлекая к себе внимания сторожей, вместе с группой крестьян, спешивших на рынок со своими тележками, груженными раннеспелой капустой и зеленью, и сразу направились к Морским воротам, за которыми начиналась дорога, ведущая в гавань.

Город отстоял от моря на добрые три римские мили.

Через полчаса быстрой ходьбы путники пришли в многолюдную и шумную гавань.

Им сразу повезло. В гавани Варий случайно повстречал знакомого кормчего большого грузового судна. Кормчий согласился за умеренную плату доставить всех троих в Мазару. Корабль следовал из Одиссеи в Лилибей и в Агригенте сделал остановку, чтобы дать отдых гребцам и запастись свежей водой. Кормчий предупредил, что кибя выйдет в море на рассвете следующего дня.

В последние дни на всем южном побережье Сицилии стоял нестерпимый зной. На море было полное безветрие. Широколистные и более нежные растения в садах поникали еще до полудня. Жители прибрежных городов стремились быть поближе к морю, чтобы хоть немного уберечься от жары.

Маний Эгнаций предложил товарищам искупаться в море. Варий и Эвгеней не возражали.

Наскоро пообедав в харчевне, они покинули гавань и выбрались на открытую прибрежную полосу в восточной части залива.

Отсюда к городским стенам поднималась от моря благоустроенная, убитая мелким щебнем дорога. Она вела к Морским воротам Агригента. По ней в тот час двигались к побережью запряженные лошадьми или мулами легкие двуколки зажиточных горожан. Женщин рабы несли в нарядных крытых лектиках.

В пору своего расцвета Агригент был одним из богатейших и красивейших городов Сицилии. Философ Платон, трижды побывавший в Сицилии по приглашению сиракузского тирана Дионисия, заезжал в Агригент и, глядя на великолепные дома его жителей и поражаясь их страсти к роскошным пиршествам, заметил, что агригентяне строят так, словно собираются жить вечно, а едят и пьют, словно завтра расстанутся с жизнью. В римскую эпоху Агригент медленно приходил в упадок, но еще долгое время соперничал в красоте и с Сиракузами, и с другими крупными городами Сицилии. Город был средоточием величественных храмов, среди которых особенно выделялись грандиозный храм Зевса Олимпийского и немного меньший по размерам храм Посейдона. В храме Асклепия стояла прекрасная мраморная статуя Аполлона, на бедре которой мелкими серебряными буквами было написано имя Мирона, а неподалеку от агоры находился облицованный мрамором храм Геракла с бронзовой статуей его самого. Агригент был родиной Эмпедокла⁶⁴, а из правителей его наибольшей известностью пользовался жестокий тиран Фаларис, печально прославившийся тем, что заживо сжигал людей в железном быке. За тридцать лет до описываемых событий, во время грозного восстания рабов под предводительством Эвноя-Антиоха, Агригент не избежал участи Энны, Моргантины, Катаны, Тавроме-

⁶⁴ *Эмпедокл* (приблизительно 490—430 гг. до н. э.) – философ, поэт, политический деятель, врач, вождь демократии. Автор поэм «О природе» и «Очищения», от которых сохранились 450 стихов. Наибольшую известность приобрело его учение о происхождении органических веществ. В теории Эмпедокла, как и в теориях всех его современников, диалектические объяснения переплетаются с метафизическими.

ния и других городов, захваченных мятежными рабами. Римляне овладели Агригентом после продолжительной осады и жестоких уличных боев, но, к счастью, наиболее прекрасные строения города тогда не пострадали, а на месте разрушенных и сгоревших домов в беднейших кварталах со временем выросло много новых общественных и частных зданий.

Песчаный берег моря, куда пришли Варий, Эгнаций и Эвгений, был усеян голыми телами купальщиков.

В небольшом отдалении от того места, где располагались мужчины, раскинуты были палатки, скрывавшие от любопытных взоров обнаженных купальщиц, которые то и дело со смехом и веселыми криками выбегали из своих укрытий, бросаясь в море. Это были богатые жительницы Агригента. Они съехались сюда вместе со своими рабынями и охранявшими их слугами.

Со стороны моря безопасность всех этих баловней и баловниц судьбы оберегали два сторожевых корабля. Они стояли на якорях примерно в одной стадии от берега. На мачтах под тенью суппаров сидели матросы-наблюдатели. Задачей их было вовремя увидеть корабли пиратов и дать сигнал тревоги всем отдыхающим. Такая предосторожность была не лишней, потому что морские разбойники с особым старанием занимались похищением состоятельных людей, за которых потом родственникам приходилось платить выкуп.

Маний Эгнаций стащил через голову тунику, обнажив свой могучий торс. Он с мечтательным выражением лица посмотрел в сторону разбитого на берегу женского палаточного лагеря.

– Какие красотки! – воскликнул он. – Особенно вон та бесстыдница, которая выходит из моря. Взгляни, Эвгений? Какая прекрасная натура для богомаза, решившего изобразить Венеру Пенорожденную!

– Лучше не расстраивайся, – насмешливо посоветовал Эвгений.

Раздевшись, все трое с разбегу бросились в воду.

* * *

На рассвете следующего дня они поднялись на палубу большого грузового корабля, который вскоре вышел из гавани, взяв курс на запад. Погода была по-прежнему безветренной и солнечной. Тяжело груженное судно медленно двигалось вдоль берега, размеренно взмахивая тремя рядами весел.

Варий, часто путешествовавший по морю, рассказывал друзьям, что однажды при попутном ветре на быстроходном лембе он всего за один день добрался от Мазары до Агригента.

– А на этой посудине мы будем загорать не меньше двух дней, – с сожалением добавил он.

Варий оказался прав. Только в полдень кибя миновала так называемые Скалы Лестригонов и приблизилась к Гераклею Минойской, отстоявшей от Агригента всего на двадцать шесть миль.

Спасаясь от зноя, друзья укрылись под куском парусины, растянув его у себя над головой перед входом в кастерий.

В два часа пополудни корабль оставил позади Гераклею, белевшую многочисленными храмами и портиками. Город раскинулся возле мыса, далеко вдававшегося в море.

В это время Варий, показывая рукой в сторону гор севернее Гераклеи, подробно объяснял Эвгению, как лучше добраться до Каприонской горы, где должны были скрываться Сальвий и его товарищи.

– Если начало нашего выступления будет удачным, – говорил фрегеллиец, обращаясь к юноше, – отправишься к латинянину и поторопишь его – пусть поднимает своих людей в имении Серапиона.

– А далеко ли это имение от Гераклеи? – спросил Эвгений.

– Оно находится в долине реки Галик примерно в двадцати стадиях от города.

– Почему Сальвий не пошел вместе с нами? – снова спросил сириец.

– Он сказал, что ему необходимо повидаться со своими соотечественниками в Энне и Моргантине.

– Этот поклонник Вакха произвел на меня неплохое впечатление, – сказал Маний Эгнаций, вытирая пот с лица краем плаща.

Варий задумчиво произнес:

– Старик уже давно использует ночные оргии в честь Вакха, чтобы подбить рабов на восстание. Его предсказание о скором падении Рима, сделанное им в имени Серапиона, привлекло к нему много людей... Жаль только, что сам он никогда не был на войне, – помолчав, добавил он.

– Есть среди нас еще один предсказатель, который не понаслышке знаком с военным делом, – заметил Эгнаций. – Говорят, он делает безошибочные предсказания по звездам.

– Ты имеешь в виду этого киликийского щеголя с золотыми серьгами в ушах? – спросил Эвгений.

– Если ты думаешь, что Афинион неженка, то ошибаешься – возразил Эгнаций, уловив иронию в словах друга. – Киликийцы, как и многие другие народы, живущие на востоке, имеют обыкновение носить серьги, но это вовсе не означает отсутствие у них мужественности и воинственности. Про Афиниона я слышал, что он родом из так называемых «свободных киликийцев», до сих пор не покоренных римлянами, и попал в плен, раненный в одной из стычек с коммагенянами, нападшими на его родной город по наущению римлян.

– Кажется, поднялся ветерок! – сказал Варий, заметив, как надуваются обвислые паруса.

Попутный ветер заставил кормчего отказаться от намерения сделать остановку у Терм Селинунта. Это был городок для отдыхающих. Поблизости от него били теплые источники.

До самого Селинунта кибя шла на всех парусах. Гребцы получили небольшой отдых, после чего снова взялись за весла, и в конце дня корабль бросил якорь в селинунтской гавани.

Друзья провели ночь на берегу под открытым небом и на рассвете, позавтракав в дешевой харчевне, вернулись на корабль, который вскоре вышел в море.

Незадолго до заката солнца кибя достигла Мазары и бросила якорь в гавани.

Друзья сошли на берег и, не теряя времени, двинулись через весь город к Галикийским воротам. Выйдя из города, они быстро зашагали по дороге, тянувшейся вдоль берега реки, которая, как и город, называлась Мазарой.

Когда стало темнеть, они решили заночевать у небольшой деревеньки сикулов. Спустившись к реке, они заметили в прибрежных кустах одинокого рыбака, удившего простыми донными удочками. Это был старый сикул, поначалу струсивший при виде трех вооруженных людей, приняв их за разбойников. Но вскоре он успокоился, потому что незнакомцы вели себя очень миролюбиво.

Эгнаций и Эвгений, разговорившись с рыбаком, узнали, что у него есть бредень. Они разделались и дважды протянули сеть довольно большой участок реки, вытащив на берег десятка два жирных карпов. Львиную долю улова получил сикул, остальную рыбу друзья почистили, выпотрошили и сварили на костре в закопченном бронзовом котелке старого рыбака.

Пожинав, все разлеглись на берегу, накрывшись с головой плащами от свирепствовавших насекомых, и так проспали всю ночь до рассвета.

Наутро, простившись со стариком-сикулом, трое друзей выбрались на дорогу и продолжили путь в сторону окрашенных пурпуром утренней зари северных горных вершин. За три часа непрерывной ходьбы они дошли до места слияния двух почти пересохших речушек, где находился поселок ссыльных фрегеллийцев, отстоявший от Мазары примерно на четырнадцать римских миль.

Местом своего поселения ссыльные фрегеллийцы избрали старый римский лагерь. Во время Второй Пунической войны его построили здесь десять тысяч злополучных «канн-

ских солдат». Из страшной битвы при Каннах они вырвались живыми, спасшись бегством. Возмущенный римский сенат объявил их трусами и предателями. Им запрещено было служить в легионах до конца войны. С великим позором всех их переправили в Сицилию, где они сами для себя построили своего рода концентрационный лагерь, в котором им пришлось провести долгие четырнадцать лет. И хотя Рим испытывал крайнюю нужду в солдатах, никакими просьбами и мольбами ссыльные легионеры не могли добиться прощения у сената, который постановил набирать войска из рабов, выкупая их у владельцев за государственный счет. Такая демонстративная суровость по отношению к тем, кто проявил в бою неустойчивость и трусость, должна была послужить уроком для всех остальных солдат римской армии и повысить ее боеспособность. Только Корнелий Сципион Старший, перед тем как отправиться в Африку против самого Карфагена, добился от сената разрешения включить «каннских солдат» в состав своих легионов. В знаменитой битве при Заме⁶⁵ эти старые воины отличились беспримерной стойкостью, отразив атаку слонов и бешеный натиск отборной карфагенской пехоты. В немалой степени именно благодаря их храбрости непобедимый Ганнибал потерпел при Заме первое и последнее в своей жизни поражение.

Брошенный лагерь со всеми его грубыми постройками почти девяносто лет простоял пустым. Изредка в нем находили пристанище беглые рабы, разбойники или просто бродяги. Деревянные бараки ветшали и разрушались. Осужденные на изгнание участники фрегеллийского восстания с самого начала решили не расставаться друг с другом. По прибытии в Сицилию они получили разрешение у претора провинции поселиться в этом лагере, прожив в нем около двадцати лет в неменьшем отчаянии, чем их предшественники.

Время приближалось к полудню. Вблизи поселка не было видно ни одного человека. Казалось, все живое попряталось от зноя. На опустевших полях лежали кучи соломы, оставшиеся после жатвы. В этих местах летом свирепствовала нещадная засуха. Только зимой здесь желтели поля пшеницы.

Со стороны реки, которая уже сильно обмелела, обнажая покоившиеся на ее дне большие круглые валуны, показался человек.

– У тебя глаза помоложе, – обратился Варий к Манию Эгнацию. – Посмотри, кажется, это Герий Каннуний?

– Точно он, – приглядевшись, подтвердил Эгнаций.

Все трое остановились, поджидая, когда человек приблизится к ним. По виду это был бедный селянин, возвращавшийся с полевых работ. Он отличался геркулесовским телосложением. Возраст его приближался к пятидесяти годам. Изборужденное глубокими морщинами лицо было черно от загара, голову покрывала измятая широкополая шляпа. Ветхая туника едва держалась на левом плече, оставляя почти открытой широкую грудь, блестящую от пота.

Он узнал Вария и, подойдя поближе, прикоснулся рукой к губам, как это было принято у италиков при встрече:

– Приветствую тебя, Квинт Варий! С благополучным возвращением! – произнес он низким хриловатым голосом.

– Да будут благосклонны к тебе боги, Герий Каннуний! – ответил Варий.

Оба крепко пожали друг другу руки.

– Привет тебе, Каннуний! Узнаешь ли меня? – спросил Эгнаций.

– Маний Эгнаций! Возможно ли? – всмотревшись в его лицо, изумленно воскликнул Каннуний.

– Если не ошибаюсь, в последний раз мы виделись с тобой лет пятнадцать назад.

Каннуний в некотором смущении потупил взор.

⁶⁵ *Зам* – укрепленный город к юго-западу от Карфагена; здесь Сципион нанес поражение Ганнибалу.

– Наша община жестоко поступила с тобой, но, если ты помнишь, я был против ее решения.

– Я помню, Каннуний.

Вчетвером они зашагали по направлению к поселку.

– Скажи, как там мой отец? – помолчав, спросил Эгнаций, обращаясь к Каннунию.

– Честно сказать, сильно сдал старик, – ответил Каннуний. – Все время вспоминает о тебе, – добавил он.

Эгнаций поник головой и мрачно произнес:

– Прошлой осенью я навестил его... тайно ото всех, разумеется. Он помог мне деньгами. А я, жалкий беглый раб, уже никогда ничем не смогу помочь своему старику.

– Вот, возьми, – сказал Варий, сняв с себя пояс с деньгами и протянув его Эгнацию. – Отдашь отцу. Мне деньги больше ни к чему. Здесь осталось пятнадцать золотых филиппиков и около тридцати денариев серебром.

– От всего сердца благодарю тебя, Варий! – растроганно проговорил Эгнаций, принимая от Вария щедрый подарок.

Некоторое время все шли молча.

Первым заговорил Эвгеней, обратившись к Варию:

– Ты уверен в том, что твой друг с Крита выполнит свое обещание?

– Он сделает все возможное, чтобы доставить нам закупленное им на Крите оружие. Кроме того, я рассчитываю на большую партию вооружения, которое обещал прислать Требаций.

При его последних словах Герий Каннуний, внимательно прислушивавшийся к этому разговору, с удивлением взглянул на бывшего квестора Фрегелл, словно хотел у него о чем-то спросить, но сдержался и устремил задумчивый взгляд в сторону поселка, который был уже недалеко.

Поселок изгнанников представлял собой жалкое зрелище. Многие хижины были с глинобитными стенами и двускатными крышами, покрытыми соломой, напоминая собой солдатские бараки в зимнем римском лагере. Лишь несколько каменных домов с воронкообразными крышами свидетельствовали о том, что здесь поселились выходцы из Италии.

Колония так и не получила своего названия. Фрегеллийцы всегда считали это место своим временным пристанищем, а самих себя мучениками за общее дело Италии. За двадцать лет никому из них не пришло в голову построить посреди поселка хотя бы небольшой храм. Изгнанники больше не молились богам и не приносили им жертв. Видимо, и сами боги, словно сознавая свою вину перед ними за то, что не уберегли от гибели один из цветущих италийских городов, не вмешивались больше в дела людей, доживавших свой век в этом глухом месте.

– Я прошу тебя сегодня быть моим глашатаем, – обратился Варий к Герию Каннунию. – Обойди всех и скажи, что я принес неутешительные вести от наших друзей в Италии. Пусть все соберутся на площади.

– Сделаю, как ты сказал, – сказал Каннуний.

Маний Эгнаций презрительно скривил губы.

– Представляю, как вытянутся лица у моих дорогих земляков, когда они услышат, что вся Италия теперь вечно будет плясать под дудку римлян...

– погоди, Эгнаций, – остановил его Варий. – Кто знает, может быть, то, что я им собираюсь сказать, поможет многим из них избавиться от своих прежних иллюзий, и они поддержат нас...

– Сомневаюсь, – усмехнулся Эгнаций.

– Во всяком случае, я заставлю их призадуматься, а там... пусть решают сами.

Вскоре они добрались до поселка и вышли на небольшую площадь, предназначенную для общих собраний колонистов.

На площади кучкой стояли пять или шесть человек, о чем-то толковавших между собой. Завидев и узнав Вария, они поспешили к нему навстречу и, обменявшись с ним дружескими рукопожатиями, засыпали вопросами:

– С прибытием, Квинт Варий!..

– Какие вести с дороги?..

– Давно тебя не было видно...

– Был ли ты в Новой Фабратерии?..

– Виделся ли с моими сестрами?..

– Как там мой сынишка? Наверное, теперь уж его не узнать...

– Встречался ли с кем-нибудь из наших в Аускуле или в Корфинии? Что тебе там сказали?..

– А что в Риме? Неужели там до сих пор никто не осмелился замолвить за нас слово?..

На некоторые вопросы Варий отвечал короткими фразами:

– Нет, в Новой Фабратерии я не был... Встречался со многими и в Аускуле, и в Корфинии, но ничего хорошего там не услышал... Скажу еще об этом... О чем ты спрашиваешь? В Риме говорят только о кимврах и галлах...

Весть о прибытии Вария быстро разнеслась по всему поселку. Со всех сторон на площадь сходились люди.

Одним из первых прибежал отец Эгнация, которому сообщили, что сын его пришел вместе с Варием.

– Сын! Мой сын! – задыхаясь от бега, повторял старик, из глаз которого катились слезы.

– Здравствуй, отец! – сказал Эгнаций, обнимая его.

Толпа росла на глазах.

Когда все обитатели поселка собрались на площади, Варий взобрался на шаткий деревянный помост, служивший ораторской трибуной во время общих сходов.

– Соотечественники! – обратился он к притихшей толпе. – Я должен был вернуться к вам раньше, но, если честно признаться, на душе у меня было так тяжело, что мне просто не хотелось возвращаться, потому что я вез для вас одни дурные вести. Во время своего путешествия по Италии я посетил многие общины в Лукании, побывал в Венузии, а также в некоторых городах самнитов и марсов, где мне приходилось встречаться с теми, кто раньше особенно воинственно был настроен по отношению к римлянам. Обо всех этих людях я и раньше вам много рассказывал. К сожалению, они значительно поостыли с той поры, как Фрегеллы и Аускул первыми подняли знамя борьбы за италийскую свободу. Везде, где я побывал, мне говорили приблизительно одно и то же: пока кимвры угрожают Италии, ее жители должны сплотиться вокруг Рима, чтобы отразить нашествие варваров. О том же я слышал и в самом Аускуле. От прежних тайных сообществ не осталось и следа. Все это означает, что мы навсегда должны оставить надежду когда-нибудь вернуться в Италию. Это означает, что мы должны навсегда отказаться от мести за свои уничтоженные храмы и могилы наших предков, которые римляне сровняли с землей, за наших жен, лишенных своих мужей, и наших детей, оставшихся без своих отцов. Но я считаю необходимым сказать вам, что по мне лучше уж мужественно умереть, пока руки еще способны держать оружие, чем влачить свое существование в рабской нужде и отчаянии. Двадцать лет я жаждал мести, двадцать лет я мечтал о том времени, когда в одних рядах со всеми италиками, с вами, храбрые фрегеллийцы, я буду биться против этого надменного и греховного народа. И вот теперь мне говорят: «Смирись, оставь дело, которому ты посвятил всю свою жизнь, вырви из своего сердца священный гнев за поруганное отечество». Клянусь всеми великими богами, это выше моих сил! Я никогда не откажусь от мести этим кровожадным волкам! На обратном пути в Сицилию я примкнул к доблестному римскому всаднику Титу Минуцию, о котором вы, наверное, уже слышали. Он собрал несколько тысяч рабов, и они разогнали прибывшее из Рима войско под началом претора Луция Лукулла. Эти

отверженные разбили свои оковы и доказали на деле, что могут сражаться и побеждать. К сожалению, предательство погубило восстание. Сам я каким-то чудом вырвался живым из битвы. Видно, сама Фортуна сберегла меня, пожелав, чтобы я вернулся в Сицилию. Несколько дней назад на священном участке божественных братьев Паликов собрались рабы со всех концов Сицилии. Они связали друг друга нерушимыми клятвами начать войну за свободу. Я тоже дал клятву, и нет таких сил, которые заставили бы меня от нее отступить. Сегодня вы должны решить, пойдете вы со мной навстречу опасностям или останетесь здесь, обреченные доживать свой век жалкими изгнанниками. Решайтесь, соотечественники! Время не ждет. Этой же ночью я подниму знамя священной войны за справедливость. В считанные дни мы соберем вокруг себя многие сотни и тысячи бойцов. Не пройдет и месяца, как вся Сицилия окажется в наших руках. Решайтесь, фрегеллийцы! У нас никогда не будет другой возможности отомстить ненавистному Риму! Возглавив эту войну, мы заставим Италию вспомнить о нас, забытых всеми.

Маний Эгнаций и Эвгеней, внимательно следившие за настроением толпы во время страстного выступления Вария, убедились, что речь его явно не понравилась большинству.

Не успел Варий сойти с трибуны, как на нее с юношеской резвостью взбежал седоволосый старик.

– Лучше бы я оглох, прежде чем услышать все это от тебя, Квинт Варий, чье имя я всегда произносил с уважением, – заговорил он негодующим тоном. – Разве для того мы послали тебя к нашим друзьям в Италию, чтобы ты вернулся оттуда с призывом развязать здесь нечестивую рабскую войну. Я признаю, что раб несчастен, но все-таки он раб, он варвар и никогда не будет равен свободному. Когда-то мы подняли оружие против римлян, и никто из нас даже не помыслил о том, чтобы прибегнуть к помощи рабов, призывая их изменить своим законным господам и обещая им за это свободу. Это значило бы предать дело свободных людей, ибо само слово «свобода» теряет для них всякий смысл, когда подлые рабы приобретают равные права с порядочными людьми. Ты решил осквернить свое имя точно так же, как это сделал Минуций, римский всадник, навеки опозоривший свой род, став во главе взбунтовавшихся рабов. Разве к тому мы стремились и стремимся? Мы добиваемся равных прав с римлянами и не более того! Какое нам дело до рабов и варваров? Опомнись, Варий! Ты обезумел! Или ты забыл о том, кто ты? Не помнишь, что ты свободнорожденный сын Италии? Что прадед твой погиб славной смертью, защищая в неравном бою консула Марка Клавдия Марцелла?..

В этом месте своей бурной речи старик поперхнулся и закашлялся, а Варий, возвысив голос, крикнул:

– Нет, я ничего не забыл! Не я, а ты, старик, когда-то бывший гражданином славного города, срытого до основания безжалостными врагами, это ты, наверное, выжил из ума и возомнил себя свободным, до сих пор не осознав, что римляне давным-давно уравнили наше положение с положением рабов и что у нас нет больше никакой надежды когда-нибудь изменить его в будущем!

Толпа зашумела. Из нее один за другим вышли десять или двенадцать человек, и первым среди них был Герий Каннуний. Они присоединились к Варию, который напоследок обратился к соотечественникам со словами, полными горечи и презрения:

– Что ж, прощайте! Я и вот эти храбрые и достойные люди сделали свой выбор, а вы сделали свой. Живите изгнанниками. Влачите до конца дней эту жалкую жизнь. Больше мне нечего вам сказать.

Варий не намерен был больше задерживаться в колонии своих земляков, обманувших его ожидания. Только двенадцать из них, смертельно ненавидевших римлян, решили последовать за ним. Они вооружились мечами и копьями, которые в свое время приобрели и с которыми не расставались все годы своего изгнания в надежде, что это оружие им еще понадобится.

За три часа до заката солнца маленький отряд из четырнадцати человек во главе с Варием двинулся из поселка по дороге, ведущей в сторону Галикий.

Глава третья

Застрельщики

День близился к вечеру. Варий и четырнадцать его товарищей, твердо решивших с оружием в руках выступить навстречу великим опасностям, шагали быстро, торопясь засветло добраться до галикийского имения, принадлежавшего двум братьям, Гикетию и Диоклиду, которые унаследовали его от отца и стали владеть им сообща, не подвергая его разделу, как нередко поступали другие наследники. Имение двух братьев находилось в восьми милях от поселка фрегеллийцев и в пяти милях от Галикий.

Встречные путники с изумлением и страхом уступали дорогу вооруженным людям, лица которых были суровы и зловещи.

Уже совсем стемнело, когда Эвгений, взявший на себя роль проводника, довел товарищей до небольшой рабской деревни, в которой, по его словам, проживало около четырехсот рабов. Имение это было не самым большим в области Галикий. По соседству с ним располагалась более обширная латифундия римского всадника Гая Лацерия. В ней работали свыше восьмисот рабов.

В этих местах владельцы земельных угодий не знали жалости к своим рабам. Причиной этому был возросший спрос на пшеничную муку. В крупных городах западной Сицилии, особенно в Лилибее и Панорме, арендаторы пекарен стали пользоваться при выпечке хлеба дрожжевым тестом, дававшим солидный припек. Пекарное дело стало особо прибыльным. Владельцы и арендаторы пекарен заключали сделки с окрестными землевладельцами о больших поставках муки. В свою очередь, это давало толчок к спешному строительству большого количества мельниц во всех крупных поместьях. Разумеется, мельничные жернова приходилось вращать рабам. Использовать в качестве тягловой силы мулов, быков или лошадей было невыгодно. Здесь даже пахали на людях, потому что стоимость сельского раба была ниже стоимости самого дешевого мула или лошака. Никого из богатых землевладельцев не мучила совесть из-за того, что даже с выючными животными они обращаются бережливее, чем со своими невольниками. Страсть к стяжательству побеждала милосердие. Мельницы и крупорушки требовали множества рабочих рук. Жернова в них должны были двигаться и днем, и ночью. Заставить рабов выполнять такую работу можно было, лишь заковав их в цепи и подгоняя ударами бичей. Железные оковы и надежная охрана, которую поручали наемникам из числа свободных, исключали всякую надежду на побег. Кормили этих несчастных так плохо, что все они испытывали постоянный голод. Во время работы на шею им надевали специальные деревянные ошейники в виде колеса, чтобы они никоим образом не могли дотянуть до рта горсть муки или крупы.

Обо всем этом Варий очень хорошо знал. Он в первую очередь рассчитывал именно на этих доведенных до крайности кандалников.

Эвгений провел отряд по узким и кривым улочкам рабской деревни к двум приземистым каменным строениям. Это были мельница и крупорушка. Оттуда доносились скрип и стук вращающихся жерновов, грубые голоса надсмотрщиков и шелканье бичей.

Рядом с мельницей под открытым небом расположились закованные в цепи рабы из отдыхающей смены. Они спали прямо на голой земле, тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. Их можно было разглядеть при свете костра, возле которого сидели два вооруженных надсмотрщика.

Услышав звук шагов, один из них приподнялся и крикнул:

– Эй! Кто там ходит?

Фрегеллийцы быстро окружили надсмотрщиков. Маний Эгнаций и Гай Анизий вырвали у них из рук копьё и отобрали кинжалы.

– Узнаете меня? – подойдя к ним, спросил Эвгений.

– Клянусь Кастором и Полидевком! Эвгеней! – изумленно проговорил один из них.

– А теперь слушайте меня! – выступив из темноты, сказал Варий обоим надсмотрщикам. – Сейчас вы разыщете факелы, молотки и зубила, после чего, не мешкая, освободите от оков этих несчастных. Итак, в добрый час! Выполняйте! – сурово приказал он.

– А ну, пошли! – грубо прикрикнул Герий Каннуний на надсмотрщиков, которые продолжали стоять в оцепенении от неожиданности и страха. – Живее, разрази вас молнии Юпитера!

В это время стали пробуждаться кандалники. Раздались звон цепей, тяжкие вздохи и удивленные возгласы.

– Эвгеней! Братишка! – воскликнул кто-то из кандалников.

Эвгеней обернулся и узнал брата, протягивавшего к нему скованные цепями руки.

– Дамон!

Братья обнялись.

– Как видишь, я сдержал свое слово, брат, – взволнованно сказал Эвгеней. – Мы пришли сюда, чтобы освободить вас и призвать к восстанию. Это лучше, чем простой разбой, не правда ли?

– Эти люди, что пришли с тобой... Кто они?

– Это мои друзья, решившие воевать с римлянами. Все мы надеемся, что и вы присоединитесь к нам.

– Воевать с римлянами? Что ж, это по мне.

– А остальные?.. Сколько вас здесь? – спросил Эвгеней, оглядывая толпу кандалников.

– Восемнадцать человек, – ответил Дамон. – Столько же на мельнице и столько же в крупорушке. Работаем на износ, попеременно сменяя друг друга.

– Потерпите! Сейчас разобьем ваши оковы.

На шум сбежались рабы из деревни. Поначалу никто из них ничего не мог понять. Многие думали, что напали разбойники, и прихватили с собой рогатины и фурки⁶⁶. Но, сообразив в чем дело, все они в страхе вернулись в деревню. Ни один из них не осмелился примкнуть к мятежу.

По-иному вели себя кандалники. Освобождаясь от цепей, они тут же хватали в руки все, что могло служить оружием. В темноте раздавались их возбужденные и озлобленные голоса. Не прошло и часа, как все работники мельницы и крупорушки разбили свои оковы и первую ярость свою выместили на надсмотрщиках. Жестоко избитые, они были загнаны в крупорушку. Дверь ее рабы подперли кольями и поначалу хотели сжечь надсмотрщиков живьем, но до этого не дошло. Фрегеллийцы торопили их с выступлением в поход к соседнему поместью

Дамон, брат Эвгеней, едва тот с помощью молотка и зубила сбил с него оковы, пришел в исступление: он жаждал мести и призывал товарищей по несчастью к расправе над господами, которые находились в усадебном доме вместе со своими женами.

Его призывы распалили невольников. Они подняли дикий крик и, собравшись в толпу, двинулись к усадьбе, размахивая зажженными поленьями.

– Не так я представлял себе начало, – раздраженно говорил Варий Гаю Анизию, глядя на мелькающие огни факелов возле крупорушки. – Куда они бегут? Я же приказал всем собраться у мельницы. Куда они бегут? Нужно растолковать этим безумцам, что нельзя терять времени по пустякам...

– Они хотят разделаться со своими господами, – хладнокровно отозвался Анизий. – Я думаю, не надо им мешать. Если они убьют их, это еще больше сплотит рабов, после чего уже никто из них не будет искать дороги назад, – рассудительным тоном добавил он.

Но Эгнаций, Каннуний и еще несколько фрегеллийцев попытались остановить и утихмирить буйную толпу, которая подчинилась им с сильным ропотом.

⁶⁶ Фурка – двузубые вилы.

Маний Эгнаций, потрясая в воздухе своим громадным кулаком, кричал:

– Для чего вас освободили? Захотелось анархии? Лучше забирайтесь обратно в ваши норы, если не хотите никому подчиняться! Дождитесь там, пока вам вместо сбитых оков наденут новые!

Варий, став рядом с Эгнацием, поднял руку, призывая к молчанию, и наступила полная тишина.

Он начал свою речь, стараясь четко выговаривать греческие слова, потому что толпа, состоявшая в большинстве своем из греков и сирийцев, плохо воспринимала латынь:

– Мое имя Квинт Варий. Вы меня не знаете, и я мог бы долго рассказывать вам о себе. Но у нас нет времени на пустые разговоры. Не забывайте, что вы самые бесправные и ничтожные из всех людей во всем этом несправедливом мире. Поэтому каждый из вас должен понять, что без организованности и повиновения восстание обречено на гибель. Сейчас дорого каждое мгновение. Если упустим время, придут солдаты из города и начнут вас резать, как баранов. Этим все и кончится. Теперь я спрашиваю вас, готовы ли вы подчиниться мне и идти туда, куда я вас поведу? Если нет, я уйду. В другом месте я буду искать соратников в войне против римлян. Я спрашиваю вас, хотите ли вы сражаться под моим началом? Признаете ли вы меня своим предводителем?

Из толпы выступил Дамон, бешено сверкая глазами. В руке он держал копье, отобранное у надсмотрщика.

– Мое имя Дамон, родом я из Сирии, и я отвечаю за всех! – стал выкрикивать он. – Хотя мы не знаем, кто ты, но ты и твои друзья освободили нас от цепей, и мы признаем твою власть. После того, что нам пришлось здесь пережить, мы все готовы идти даже за самим Танатом, лишь бы он повел нас против наших врагов. Но и ты, предводитель, дай нам насладиться этим первым глотком свободы, дай нам утолить нашу месть...

Толпа поддержала Дамона пронзительными воплями:

– Мечь!.. Мечь!..

Варий снова поднял руку и, когда утих шум, сказал:

– Хорошо. Я даю вам на вашу месть не более получаса.

Толпа с торжествующим воем ринулась к господской усадьбе.

– Куда ты? – крикнул Эгнаций Эвгению, побежавшему следом за разъяренными невольниками.

– Они обезумели! Эти дикари разорвут ее на части! Я не могу этого допустить! – отозвался на бегу молодой сириец.

– Эх, горячая голова, – с озабоченным видом сказал Эгнаций.

– А что такое? – с недоумением спросил Варий.

– Там женщина... молодая жена одного из господ. Эта красotka вскружила Эвгению голову, когда он работал в этом имении, и вела себя с ним очень нескромно за спиной мужа... Короче говоря, все закончилось тем, что кто-то донес господину об измене жены, а наш друг почел за благо спастись бегством от расправы...

Тем временем Эвгений догнал брата и, прерывисто дыша, крикнул ему:

– Дамон!.. Только не трогайте женщин!

– Что я могу поделать? Разве ты не видишь, что происходит? А у меня одно желание... добраться до бычьей шеи своего доброго господина!..

И Дамон, махнув рукой, побежал к воротам усадьбы. Рабы уже с криками разбивали их ударами тяжелого бревна, используя его наподобие тарана.

Очень скоро ворота рухнули. Орущая толпа ввалилась во двор и устремилась к парадной двери господского дома.

Эвгений одним из первых ворвался в дом и сразу побежал на его женскую половину – в гинекей. Там он застал перепуганных служанок.

– Где госпожа?.. Говорите!.. Я хочу ее спасти! – с трудом переводя дух, обратился он к ним.

Одна из служанок бросилась к нему:

– Эвгений! Спаси ее... спаси их! Они спрятались в сеннике возле конюшен...

Эвгений ринулся к выходу. На мужской половине дома ревели кровожадные голоса, слышались глухие удары и душераздирающие крики: там рабы расправлялись со своими господами. В это же самое время со двора донесся пронзительный женский визг...

Эвгений выскочил из дома и со всех ног помчался к сеннику, расположенному в дальнем углу двора, рядом с конюшнями.

Он увидел, как с хохотом и улюлюканьем рабы выволокли из сенника во двор полнотелую жену Гикетия.

Следом из сенника выбежала молодая женщина в длинном хитоне, с распущенными волосами и обезумевшим от ужаса лицом.

Это была Иона, жена Диоклида. Она успела пробежать лишь несколько шагов по двору, издавая громкие вопли, но гнавшиеся за ней рабы схватили ее и повалили на землю.

В этот момент к ним подскочил Эвгений и вырвал женщину из рук насильников.

– Стойте! – закричал он. – Она ничем не провинилась перед вами! Я вам ее не отдам...

– А! Вот он, пылкий любовник!.. Стосковался по госпоже с тех пор, как пустился в бега! – раздалась в ответ злобные крики.

– Пока мы в цепях ворочали жернова, он втайне от мужа ублажал эту похотливую бабенку! – выступив вперед, заорал один из рабов, в котором Эвгений узнал фригийца Синнадона.

– Купался в роскоши!.. Смеялся над нашими страданиями!.. – вопила обезумевшая толпа.

– Нет, господин прелюбодей, теперь наша очередь! – продолжал кричать фригиец. – Сегодня она уже стала вдовушкой и тебя одного ей будет маловато. А мы уж все вместе постараемся утолить ненасытный любовный голод нашей добрейшей госпожи!..

Эвгений поспешно выдернул из ножен меч и, подняв его над головой, воскликнул:

– Только через мой труп! Тому, кто посмеет к ней прикоснуться, я снесу голову!..

Толпа надвинулась на него с грозными криками:

– Убери свой меч, молокосос!.. Оставь ее!.. Не серди нас, если жизнь дорога...

Как раз в этот момент появился запыхавшийся Маний Эгнаций, который, предчувствуя, что друг его может попасть в беду из-за женщины, которую намеревался спасти, примчался во двор усадьбы.

Растолкав толпу своими могучими руками, он встал рядом с Эвгением.

– А ну, прочь с дороги! – крикнул он громоподобным голосом. – Клянусь богами преисподней, я разорву на части всякого, кто хоть пальцем тронет моего друга!

Громадный ростом и сильный, как лев, он вырвал из рук одного из рабов рогатину.

– Назад, я сказал! Молчать! Всем заткнуть глотки! Ах вы, подлый сброд! Где ваша совесть? Кто вас вытащил из вашей вонючей дыры, презренные крысы? Разве не этот храбрый юноша, который пришел сюда ради вас и которого вы все вместе не стоите?

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы со стороны господского дома вдруг не нахлынула другая толпа во главе с Дамоном, который с торжеством потрясал своим копьём, на острие которого торчала окровавленная голова. Это была голова Диоклида, одного из двух господ имения.

– Мой брат в опасности! – кричал он, безумно вращая глазами. – Где мой брат? Кто смеет ему угрожать?

Эвгений, удерживая в руках бесчувственное тело Ионы, которая при виде мертвой головы своего мужа тут же потеряла сознание, откликнулся на голос брата:

– Я здесь, Дамон! Дай мне возможность увести ее отсюда!

Дамон, высоко подняв копьё с насаженной на него головой злополучного Диоклида, закричал, обращаясь к толпе:

– Мечь свершилась! Вот он, ваш обидчик, ваш тиран, издевавшийся и глумившийся над вами! Можете взглянуть! Успокоился навек! Ничего ему теперь не нужно – ни денег, ни роскоши, ни удовольствий, ради которых мы все должны были изнемогать в работе под плетями надсмотрщиков... А теперь все за мной! Идем к тому, кто пришел освободить нас! Идем к нашему предводителю!

– Идем! – крикнул Синнадон. – Но прежде запалим со всех сторон это проклятое гнездо разврата!

– Да, да! Все сождем!.. Огня!.. Огня! – в диком восторге завопила толпа и бросилась к господскому дому.

Пока рабы, охваченные жадой разрушения, громили и поджигали усадьбу, Эвгений вынес молодую женщину со двора через заднюю калитку, выходящую к дороге, которая соединяла Галикии с Энтеллой.

Он уложил Иону на траву под деревом и, как мог, приводил ее в чувство.

Наконец она открыла глаза.

– Эвгений! – прошептала она. – Почему ты здесь? О, боги!.. Ты пришел отомстить... и привел убийц. Они убили его... О, бедный мой муж!..

Она заплакала.

– У меня не было желания мстить, – мрачно сказал Эвгений. – Это восстание. Скоро вся Сицилия будет охвачена мятежами... Вставай, Иона, пойдем! Я провожу тебя до ворот города...

Диодор так писал о начавшемся восстании: «Первыми освободили себя 30 рабов, принадлежавших двум богатым братьям в области Галикий. Во главе их стоял Варий...».

Около полуночи фрегеллиец, собрав освобожденных кандалников, без промедления повел их к соседней вилле, оставив догорать подоженную со всех сторон усадьбу братьев-галикийцев.

Из четырехсот рабов имения Гикетия и Диоклида, кроме кандалников, работавших на мельнице и в крупорушке, ни один не решился примкнуть к бунтовщикам. Все они разбежались и попрятались в страхе. Но в отличие от Минуция, который приказывал убивать рабов, отказывавшихся присоединиться к нему, Варий никого не стал принуждать. Ему нужны были только добровольцы, готовые идти с ним до конца.

Спустя час отряд Вария прибыл на место. Это была вилла римского всадника Гая Лацерия, владельца нескольких обширных полей в галикийской округе. На трех его мельницах работало не менее сотни рабов, прикованных к мельничным жерновам.

Восемьдесят из них без колебаний согласились примкнуть к мятежу. Остальные были до такой крайности измождены, что с трудом передвигались. Восставшие сами уговорили их остаться в имении.

Варий был доволен.

– Перед этими можно не тратить слов! – сказал друзьям Варий. – Обойдемся без длинных речей и пламенных призывов!

Теперь под его началом было две центурии. Восставшие были разбиты на десятки, во главе которых Варий назначил командирами, или деканами, Мания Эгнация, Герия Каннуния, Гая Анизия и девятих фрегеллийцев. Рано утром, когда восставшие собирались покинуть усадьбу, к ним присоединились еще пятнадцать рабов, все рослые и сильные, с фурками, косами и рогатинами в руках. Настроены они были весьма решительно.

Хотя в эту ночь никто из повстанцев не сомкнул глаз, Варий, спеша увеличить численность отряда, повел его в долину реки Мазары. Из поместья Лацерия он приказал взять с собой

только десять мешков пшеничной крупы и несколько корзин с солониной, чтобы идти налегке. Провизию погрузили на три повозки, запряженные мулами. Фрегеллиец не сомневался, что в ближайших поместьях он пополнит съестные припасы.

Эвгенея Варий послал к Сальвию на Каприонскую гору, где тот скрывался с несколькими десятками беглых рабов из имения Серапиона. Молодой сириец должен был передать латинянину, что восстание в области Галикий началось успешно и что пора всем гераклейским рабам, вовлеченным в заговор, братья за оружие.

– В усадьбе Серапеона разыщешь кузнеца Эргамена. Тот даст тебе проводника, который знает, где укрылись беглецы. Скажешь Сальвию, что самое большее через пять дней я подойду к Гераклее с достаточно большим отрядом, – напутствовал он молодого сирийца.

Маний Эгнаций отдал другу коня, добытого им на вилле Лацерия.

– Пусть охраняют тебя все великие боги! Скорее возвращайся. Без тебя я буду скучать, – с грубоватой нежностью сказал он Эвгенею на прощание.

В полдень отряд Вария занял большое имение римского патриция Луция Огульния Петилины. Это поместье находилось на полпути между Галикиями и Мазарой. Там повстанцы освободили сто пятьдесят кандалников и нашли с десятков лошадей. Варий посадил на коней самых ловких юношей, разделив всадников на два отряда. Он тут же послал один из них на разведку к Мазаре, другой – к Галикиям.

Варий ожидал, что власти этих двух больших городов не замедлят послать против восставших отряды наемников и ополченцев. Если бы это произошло, он намеревался действовать точно так же, как в свое время поступил Минуций, поодиночке разгромивший отряды из Свессул, Ацерр и Капуи.

Однако в Мазаре и Галикиях перетрусившие проагоры ничего не стали предпринимать против мятежных рабов. Первые слухи о них были необычайно раздуты: количество восставших исчислялось многими сотнями и даже тысячами, а гарнизоны этих двух городов насчитывали в общей сложности не более четырехсот греческих наемников, предназначенных только для несения службы по охране общественного порядка внутри самих городов.

Между тем отряд Вария продолжал расти. За три дня, проведенных восставшими на вилле Петилины, к ним присоединились еще восемьдесят пять человек. Это были в основном беглые рабы, скрывавшиеся в окрестных горах.

Вспомнив, как в лагере Минуция галлы и испанцы сплетали щиты из виноградных лоз, Варий расположил своих бойцов на берегу реки и приказал им заняться плетением щитов из ивовых веток. Однако с оружием дело обстояло плохо. Только двести повстанцев имели охотничьи копья и рогатины. Мечи были только у Вария, Эгнация, Эвгенея и у двенадцати фрегеллийцев. Остальные вооружены были обожженными на огне кольями или дубинами.

Варий обрадовался, когда в имении Петилины была обнаружена небольшая кузница. Он тут же приказал собирать железо, чтобы изготавливать из них наконечники для рогатин и дротиков. В ход пошли даже железные прутья решеток, которые повстанцы выламывали из окон эргастулов и крупорухек.

На следующий день (пятый день восстания) Варий произвел смотр своим воинам, которые все до одного имели щиты, сплетенные из ивовых прутьев и обтянутые бычьими шкурами, найденными в большом количестве на одном из складов усадьбы.

– Теперь вы можете дать отпор даже хорошо вооруженному врагу, – с довольным видом говорил Варий, обходя строй своих бойцов. – Но не забывайте, что пока вы будете иметь дело с плохо обученными и малочисленными наемниками. Придет время, и в Сицилию явятся римляне. Это более серьезный противник, но и римляне не устоят перед вами, если вы будете хорошо вооружены. Думайте об этом всегда, собирайте медь и железо, проявляйте смекалку в изготовлении копий, дротиков и даже мечей. Когда Рим пришлет сюда свои легионы, у нас должна быть хорошо вооруженная армия.

Сказав это, он объявил всем о начале похода в область Гераклеи, где к восставшим должны присоединиться сотни рабов во главе с храбрыми и надежными предводителями.

В тот же день Варий повел свой отряд вниз по течению реки. Через шесть часов повстанцы вышли к морю в пяти милях от Мазары. Здесь фрегеллиец, облюбовав один из холмов, приказал строить на нем лагерь.

Он все еще надеялся, что власти Мазары пошлют против восставших своих солдат. Ему нужна была хотя бы небольшая победоносная стычка с врагом. Это подняло бы дух его бойцов, и, кроме того, повстанцы завладели бы настоящим оружием и доспехами. Но Варий только напрасно потерял два дня, ожидая появления противника.

За это время отряд восставших вырос до четырехсот восьмидесяти человек. К нему поодиночке и группами присоединялись прятавшиеся в горах беглые рабы, народ крепкий и отважный. Все они в течение долгого времени разбойничали в этих местах, некоторые из них имели мечи и кинжалы.

– Случай или бог нам помогает, но пока все идет прекрасно! – торжествовал Варий.

Ранним утром десятого дня восстания он поднял людей и повел их берегом моря к Селинунту. Он еще не знал, что римский претор три дня назад прибыл с кораблями в Агригент и, узнав о начале мятежа близ Галикий, спешно выступил в поход по дороге в Гераклею, присоединив к своей когорте две трети греческих наемников из гарнизона города и более сотни римских граждан, которые по возрасту были пригодны к военной службе и которых Нерва, не принимая никаких возражений, привел к присяге.

Глава четвертая

Лагерь под Триокалой. – Братья Тицинии

В то время как отряд Вария, двигаясь вдоль побережья, приближался к Селинунту, отстоявшему от Гераклеи более чем на сорок миль, претор Нерва, имевший под своим началом сто восемьдесят римских легионеров и хорошо вооруженных служителей преторской когорты, шестьдесят критских стрелков из лука и четыреста восемьдесят солдат из Агригента, включая около сотни римских граждан, в основном торговцев, которым Нерва приказал вооружиться и следовать за собой, ускоренным маршем прибыл в Гераклею и стал приводить там к присяге всех военнообязанных граждан города. Ему понадобился всего один день, чтобы составить из солдат городской стражи и граждан Гераклеи вспомогательный отряд численностью в триста семьдесят человек. Теперь Нерва располагал целым войском, насчитывавшим свыше тысячи двухсот воинов. Это была внушительная сила. Хотя претор еще не знал в точности о численности восставших, он был уверен в подавляющем превосходстве над противником. По первым сведениям Марка Тициния, отправленного с отрядом всадников в Термы Селинунтские, чтобы вести наблюдения за всеми передвижениями мятежников, последних насчитывалось не более тысячи человек, и все они стояли лагерем в области Мазары. Но это были всего лишь слухи, раздутые молвой.

Тогда еще ни претор, ни Тициний не знали, что в это время отряд Вария достиг Селинунта и, сделав остановку под самыми стенами города, продолжил движение на восток, чтобы уже на следующий день быть под Гераклеей.

Известие о том, что претор с большими силами уже подошел к Гераклее, Варий получил от Эвгеня, вернувшегося с Каприонской горы, где он провел два дня среди беглецов из имения Серапиона. Он рассказал о своей встрече с Сальвием и Тераменом. Они уже готовы были идти в имение, чтобы поднять там рабов, состоявших в заговоре. Однако прибежавший из имения юноша, посланный кузнецом Эргаменом, сообщил, что к Гераклее приближается претор с войском, и Сальвий не решился на выступление, считая, что оно заранее будет обречено на неудачу. Сам он с тремя десятками товарищей остался на Каприонской горе, а Эвгеней, вскочив на коня, помчался к Варию, чтобы предупредить его о приближении римлян.

Молодой сириец встретил отряд Вария в нескольких милях от Терм Селинунта. Его конь, измученный долгой скачкой, был в плачевном состоянии. Да и самого всадника, с ног до головы покрытого грязью и пылью, друг его Маний Эгнаций узнал с трудом.

– Бедняга! – воскликнул он, помогая юноше слезть с коня. – За тобой словно волки гнались! Во что ты превратил моего Пегаса?

– Спешил, чтобы поскорее увидеть тебя, мой Эгнаций, – обнимая друга, пошутил Эвгеней.

– Правду сказать, я не ожидал от претора, что он будет так стремителен в своих действиях, – сказал Варий, выслушав сообщение Эвгеня. – Но, в сущности, это ничего не меняет в наших планах, которые мы обсуждали в роще Паликов. Мы уйдем в горы и засядем в каком-нибудь неприступном месте, предварительно запасшись провиантом. Пока римляне будут держать нас в осаде, Сальвий под Гераклеей, Афинион под Сегестой, а Диоксен с Дамаскидом в областях Мерганы и Анкиры будут собирать силы для своего выступления.

И Варий, свернув с большой дороги, повел отряд напрямик в сторону Триокалы. Этот город был окружен горами, среди которых можно было найти для лагеря подходящее место.

Вперед отправились Герий Каннуний с восьмью всадниками. Разведчики вернулись довольно скоро. Каннуний рассказал, что обнаружил достаточно высокий скалистый холм неподалеку от дороги, примерно на полпути между Триокалой и берегом моря. По его словам, место было удобно еще и тем, что под скалами на склоне холма бьют родники.

Отряд прошел по бездорожью около шести миль. Незадолго перед закатом разведчики привели его к скалистому холму, который действительно был хорошо укреплен самой природой. Только со стороны дороги, находившейся поблизости (эта дорога вела от Терм Селинунта к Триокале) холм был открыт для нападения. В этом месте склон его походил на высокий лагерьный вал. Со всех остальных сторон холм спускался к подножию либо крутыми уступами, либо обрывался совершенно неприступными отвесными скалами.

У пологого склона холма Варий приказал отряду остановиться и воткнул в землю копье. Здесь он отметил место для временной стоянки.

Пока подходили отставшие, Герий Каннуний и его всадники показывали командирам двух передовых центурий, где находятся источники, чтобы утомленные с похода бойцы могли утолить жажду.

Спустя еще немного времени Варий и все командиры поднялись на вершину холма. Она представляла собой две небольшие площадки: верхняя была достаточно просторна, чтобы разместить на ней триста человек; нижняя, менее широкая, отделялась от верхней невысоким уступом. На обеих площадках вполне могло хватить места для четырехсот восьмидесяти человек и восьми повозок с мулами.

С самого высокого места холма, как на блюде, видна была Триокала и ее окрестности.

Город был расположен на горе с высившимися на ее вершине грозными утесами. Эти утесы почти сплошной стеной окаймляли верхнюю часть города, где сосредоточены были храмы и общественные здания. Частными домами был сплошь застроен лишь южный склон горы, по которому, собственно, и можно было подняться на ее вершину. У самого подножия горы видны были остатки городских стен с полуобвалившимися башнями и чудом сохранившаяся арка ворот. От нее тянулась дорога в сторону Гераклеи. Примерно в полумиле от этой главной дороги ответвлялась другая дорога, плохо наезженная. Она вела к Термам Селинунта.

Вокруг города, на обширной всхолмленной равнине, утопали в зелени садов и виноградников виллы богачей, а к разбросанным там и сям деревенькам бедняков и рабов подступали ухоженные оливковые рощи.

Триокала не оставила для истории ничего достопамятного, кроме легенды о том, что в стародавние времена здесь была крепость вождя сиколов Дукетия, который вел многолетнюю войну с греческими колонистами, препятствуя их проникновению во внутренние области Сицилии.

Диодор писал о ней: «Сама Триокала, говорят, называется так благодаря трем прекрасным качествам, которыми она обладает: во-первых, благодаря большому количеству родниковой воды, отличающейся своим сладковатым вкусом; во-вторых, благодаря тому, что прилегающая местность богата виноградными и масличными насаждениями и чрезвычайно удобна для земледелия; в-третьих, благодаря тому, что Триокала была превосходной крепостью, представляя собой как бы огромную неприступную скалу».

Варий разглядывал город и отмечал особенности его с чисто военной точки зрения. Полуразрушенные городские укрепления вызывали жалость и презрение. Можно было не сомневаться, что отряд в две тысячи человек даже при яростном сопротивлении жителей без труда овладел бы этим городом.

– Первоклассная крепость! – говорил фрегеллиец окружавшим его командирам. – Посмотрите, как неприступна эта ковшеобразная вершина горы!

– Она станет еще неприступнее, если соединить крепкой стеной этот обращенный к морю промежуток между двумя грядами скал, – заметил Герий Каннуний.

– Я однажды побывал здесь, – говорил стоявший рядом с ним Гай Анизий. – Мне рассказывали, что во время Второй Пунической войны жители Триокалы начали возводить вокруг нее новые стены, но пришли римляне и запретили строительство. Они заподозрили триокальцев в намерении перейти на сторону карфагенян. Этот запрет не снят до сих пор. Древняя

часть города находится на самой вершине горы, но там больше старинных храмов и алтарей, чем частных домов. Нынешние жители предпочитают селиться на склоне горы.

Варий был уверен, что в этой благодатной местности восставшие найдут достаточное количество съестных припасов, чтобы обеспечить на много дней осады четыреста восемьдесят человек. Он приказал Анизию, Каннунию и еще одному командиру по имени Гатнон немедленно отправляться за провиантом с тремя центуриями, взяв с собой все повозки с мулами и всех лошадей.

– Действуйте решительно, – напутствовал он командиров. – Не думаю, что против вас из города выступят солдаты. Похоже, наемников там немного, а с обывателями, если они осмелятся сделать вылазку, вы легко справитесь. Помните, что без провианта все мы погибнем. А завтра мы еще раз соберем на триокальских виллах все, что нам нужно. Это необходимо сделать до того, как появится претор со своим войском.

Сто пятьдесят человек во главе с Каннунием, Анизием и Гатноном немедленно двинулись по дороге в сторону Триокалы. Остальные триста тридцать человек, не теряя времени, стали рыть окопы и возводить вал на пологой стороне холма, там, где указал Варий.

Несмотря на усталость после длинного перехода, весь остаток дня повстанцы усердно трудились на строительстве лагеря, прекратив работы лишь с наступлением темноты.

Они успели выкопать ров и насыпать земляной вал, основание которого предварительно укрепили камнями и бревнами. Оставалось соорудить частокол, используя срубленные в ближайшей роще стволы молодых деревьев. Варий, хорошо знакомый со всеми тонкостями строительства римских лагерей, учил товарищей, как скреплять и переплетать между собой палисадины, используя прочные и гибкие ветви, чтобы врагу во время приступа труднее было раскачивать и разрушать частокол.

Как только стемнело, Варий собрал командиров центурий и коротко изложил перед ними свой план дальнейших действий:

– Римский претор, если он завтра выступит из Гераклеи, вряд ли появится здесь раньше вечера. Следовательно, у нас в запасе почти весь завтрашний день. Это время нужно употребить, чтобы хорошо укрепить лагерь и запастись как можно большим количеством провианта. Здесь мы будем сидеть в осаде, твердо зная, что наши товарищи немного дней спустя поднимут восстания в различных областях Сицилии. Будем ждать, когда по всей Сицилии рабы, воодушевленные нашим мужеством, возьмутся за оружие.

Сказав это, Варий обратился к Эвгенею:

– А тебе, храбрый юноша, придется снова отправляться в дальнюю дорогу. Завтра возьмешь с собой всех всадников и отправишься в область Сегесты, к Афиниону. Он служит управляющим в имении двух богатых братьев. Запомни их имена. Одного из них зовут Фрасиллом, другого Андрогеем. Расспрашивай всех встречных, как найти эту усадьбу. Встретившись с Афинионом, передай ему, что пока претор держит нас здесь в осаде, пусть не медлит и поднимает своих людей, помня о своей клятве.

* * *

В тот день, когда восставшие во главе с Варием строили свой лагерь под Триокалой, военный трибун Марк Тициний с тридцатью конными легионерами прибыл в Термы Селинунта. Он был послан на разведку претором, двигавшимся следом за ним от Агригента к Гераклею. Тицинию было приказано собрать сведения о мятежниках.

Первые слухи о восстании рабов в области Галикий дошли до Нервы на другой день после его прибытия в Агригент. И хотя это были всего лишь слухи, претор привел свою когорту в состояние полной боевой готовности и отправил в соседние города гонцов за подкреплениями. Он не хотел терять времени. Из солдат гарнизона Агригента он присоединил к своему отряду двести восемьдесят человек. По пути к Гераклею отряд претора нагнали около полу-

сотни вооруженных всадников с тремя десятками взнузданных лошадей. Этих всадников прислал проагор Коммицианы. Нерва приказал Марку Тицинию посадить на коней тридцать легионеров и произвести разведку в областях Галикий и Мазары, так как, по слухам, именно там действовали мятежники.

Тициний со своими всадниками в тот же день примчался в Гераклею и там узнал, что несколько сотен вооруженных копьями и рогатинами беглых рабов двигаются вдоль побережья, приближаясь к Селинунту. В Гераклею Тициний задержался на несколько часов, чтобы дать отдых людям и лошадям, после чего направился к Термам Селинунта и прибыл туда в первую стражу ночи.

Термы Селинунта, небольшой городок на самом берегу моря, славился на всю Сицилию своими банями. Марк Тициний был наслышан о них еще в Риме. Предприимчивые власти Селинунта, учитывая то обстоятельство, что на юго-западе острова лучшие земли перешли в руки римлян, построили на средства своего города римские бани, или термы, как раз на полпути между Селинунтом и Гераклеей. Здесь была живописная местность и били теплые источники. Термы обещали отцам города Селинунта немалый доход. И они не ошиблись. Римским землевладельцам и богатым обитателям городов юго-запада Сицилии очень понравилось это место отдыха, отвечавшее римскому вкусу и привычным для них развлечениям. Да и многие сицилийцы, имевшие скромный достаток, с удовольствием проводили здесь время, свободное от житейских забот. Быстро разросшийся поселок, населенный профессиональными банщиками, массажистами, мелкими торговцами, гетерами, владельцами таверн, доходных домов и прогулочных судов, получил название Термы Селинунта. Со временем он стал соперничать с Термами Сегесты, которые находились на западном побережье Сицилии. Сюда стекались актеры, фокусники и даже странствующие ланисты, которые устраивали излюбленные римлянами бои гладиаторов.

Утром следующего дня Тициний получил новые сведения о мятежниках от прибывших в городок перепуганных торговцев оливковым маслом из Сиртеи. Они рассказали трибуну, что были ограблены близ Триокалы неизвестными вооруженными людьми, отобравшими у них весь товар вместе с мулами и повозками. Немного позднее из самой Триокалы кто-то принес весть, что более четырехсот мятежников расположились лагерем примерно в двадцати стадиях от города.

Сообщение это было подтверждено несколькими разведчиками, которых Тициний послал к Триокале. Военный трибун решил остановиться в Термах Селинунта, чтобы быть ближе к месту событий и заодно приятно провести время. По его расчетам у него было по меньшей мере два дня свободного времени. Совесть его была чиста. Теперь он знал о местонахождении противника и мог спокойно дожидаться, когда к Термам подойдет претор со своим войском.

С сознанием до конца выполненного долга Тициний объявил своим подчиненным, что разрешает им хорошенько отдохнуть до прибытия претора. В сущности, он поступил в духе самого Нервы, с улыбкой вспоминая сказанные о нем слова вездесущего Либона во время пирушки у Гнея Волкация в Риме: «Нерва никогда не бывает настолько занят делами, чтобы забыть об удовольствиях». О жалких рабах, засевших в своем укрепленном лагере, он думал с величайшим презрением. Он ни на минуту не сомневался, что в течение нескольких дней с ними будет покончено.

Легионеры остаток дня до самого вечера принимали теплые ванны и ужинали в харчевнях, а весь следующий день провели на берегу моря, спасаясь от нестерпимой жары. Ответственные рабы и служители раскинули для них легкие парусиновые навесы. По распоряжению проагора им принесли также корзинки с вином и закуской. Его радушие по отношению к римлянам было вполне объяснимо: Термы Селинунта не имели стен, и слухи о приближении к городу мятежных рабов вызвали среди его обитателей нешуточный переполох. Почти

все из отдохавших здесь богачей поспешили разъехаться по домам, под защиту стен городов. Однако прибытие конного римского отряда во главе с военным трибуном несколько успокоило жителей городка и даже вселило в них уверенность в том, что все страхи в связи с мятежом рабов сильно преувеличены.

На песчаном морском берегу специально для римского трибуна рабы растянули полотняный навес, под тенью которого тот отдыхал почти до самого заката солнца.

Марк Тициний чувствовал себя превосходно. Немного разомлевший от жары и выпитого вина, он лежал под навесом в одной набедренной повязке и, закрыв глаза, лениво думал о том, что неплохо бы перед тем, как вернуться в город, еще раз окунуться в прохладные морские волны.

От ближайших гор в сторону моря уже протянулись длинные вечерние тени.

Тициний сделал над собой усилие и, встав на ноги, пошел к морю.

Со стороны Селинунта дул легкий ветерок. Волны как бы нехотя набегали на песчаный берег и тут же откатывались назад. Тициний, разбежавшись, прыгнул в воду, окунувшись в нее с головой. Вынырнув, он поплыл вперед, долго не оглядываясь на берег. Трибун плывал отлично.

Тициний вдруг заметил неподалеку от себя чернеющую в волнах голову пловца, который, легко взмахивая руками, плыл к нему наперерез. Судя по всему, он плыл от мыса, на котором были расположены общественные бани. Тициний остановился, удерживая тело на поверхности воды слабыми движениями рук и ног. Пловец быстро приближался. Он уже был совсем близко, когда Тициний узнал его. Это был его родной брат, которого он последний раз видел в Сиракузах, когда тот среди ночи поднял его с постели и соблазнил возможностью схватить в одной из гаваней самого Требация, за поимку которого в Риме была объявлена награда в двадцать талантов.

– Гай! – воскликнул он с изумлением.

– Привет, брат! – отвечал тот, тяжело дыша и сплевывая морскую воду.

– Надо полагать, наша встреча не случайна? – спросил трибун, бросив на него испытующий взгляд.

– Ты прав, мой Марк! Я давно наблюдал за тобой, не решаясь подойти... чтобы не привлечь внимание кого-нибудь из твоих людей!

– Правильно поступил... Никто и никогда не должен знать, что мой брат, опозоривший род Тициниев, до сих пор здравствует под ненавистным всей Сицилии именем Гадея...

– Ты как будто не рад нашей встрече?

– В начале года ты обещал чуть ли не озолотить меня, – сердито продолжал Марк Тициний. – Признаться, я этому и тогда не особенно поверил, а теперь мне стало ясно, что ты просто морочил мне голову...

– Ты несправедлив ко мне, Марк. Разве я не предоставил тебе прекрасную возможность заработать двадцать талантов за голову архипирата?

– Лучше бы ты передал мне его связанным, – проворчал Марк Тициний.

Гадей начал оправдываться:

– Клянусь Геркулесом! Я хотел захватить его на пути от Палики в Леонтины. Со мной были пять всадников, хорошо вооруженных и прекрасно владевших оружием. Но, видимо, он и его телохранитель почуяли неладное. Они ушли окольными дорогами...

– Я тоже был хорош. Если бы мне сразу догадаться, что пираты бросили якорь в Трогильской гавани! Это происшествие сделало меня всеобщим посмешищем...

– Но как все произошло?

– Не спрашивай... Не хочется вспоминать... Пираты подошли и пустили ко дну нашу бирему. Погиб один римский центурион, а с ним до двух десятков солдат из сиракузского гарнизона. Претор был вне себя от ярости, когда увидел из своего дворца пылающий корабль,

тонуций у него на глазах. А каково было мне? Я выглядел сущим дураком. Меня же во всем и обвинили, пропади оно все пропадом...

– Жаль, что Требаций ускользнул. Двадцать талантов сделали бы тебя богачом. Право, очень жаль...

– Я начинаю сомневаться в том, был ли он вообще в Сицилии...

– Полно, брат! Неужели ты думаешь, что я тебя обманывал?

– Тогда объясни мне, пожалуйста, зачем понадобилось Требацию идти на такой риск, забравшись так далеко от морского побережья? – с горячностью спросил Тициний. – Ты говоришь, что преследовал его от Палики до самых Леонтин? Интересно было бы знать, чего он забыл в тех местах?

– Клянусь тебе, мои люди обнаружили его в священной роще Паликов, где происходило собрание рабов, которые договаривались между собой о восстании...

– А, так ты знал о заговоре рабов и ничего мне об этом не сообщил?

– Зачем? Тебе это не прибавило бы ни славы, ни денег, а я, кажется, благодаря этому заговору могу извлечь большую пользу для себя...

– Только о себе и думаешь! – вскричал Марк Тициний. – Ну, говори, что ты там опять затеял, но для начала ответь мне только на один вопрос... Когда я получу обещанные тобой деньги? По сути, я сделался соучастником многих твоих преступлений, но до сих пор не видел ни одного сестерция из твоей добычи...

– Клянусь Юпитером, ты получишь все, что я тебе обещал... и еще столько же, если поможешь мне. Пять тысяч сестерциев сегодня же ночью пришлю тебе с Магоном...

– Вот это другое дело, – обрадовался военный трибун. – Пять тысяч сестерциев! Ты не представляешь, до чего мне приятно это слышать... Но не слишком ли ты доверяешь этому африканскому отродью? У него на лбу написано, что он негодяй и мошенник. Не удерет ли он с моими денежками?

– Не беспокойся! Магон предан мне, как собака. Без меня он давно бы уже кормил на кресте воронье...

– Ты сказал, что нуждаешься в моей помощи. Я слушаю.

– Итак, в святилище Паликов я узнал, что рабы готовятся поднять восстание. Поначалу я особенно не верил, что произойдет что-нибудь серьезное, но вот уже шесть или семь дней ссыльный фрегеллиец Варий, глава заговора, свободно передвигается между Мазарой, Галикиями и Триокалой с несколькими сотнями беглых рабов. Они грабят виллы. Силы их растут с каждым днем...

– Обо всем этом я знаю, – прервал Марк Тициний брата. – Претор уже в Гераклее. Завтра он будет здесь, и с мятежом рабов будет покончено раз навсегда.

– Не будь так самоуверен, брат! – возразил Гадей. – Этот Варий заранее все предусмотрел. Он гораздо опаснее, чем вы все себе представляете. Он не только отважен, но умен и хитер. Я подослал к мятежникам своего Магона. Сегодня он вернулся ко мне и рассказал, что они заняли неприступную гору близ Триокалы и запаслись достаточным количеством провианта. Нерве придется очень долго сидеть под этой горой, прежде чем голод заставит мятежников сдаться. Но мне известно, что рабы на своем сборище договорились о том, что пока претор будет занят осадой вариева лагеря, остальные заговорщики поднимут мятежи в областях Сегесты, Мерганы и других местах. Можно не сомневаться в том, что так оно и будет...

– Но к чему ты клонишь? Что замышляешь? – спросил трибун.

– С Вარიем я уже познакомился, – продолжал Гадей, – причем уверил его, что готов присоединиться к восстанию. У фрегеллийца нет причин не доверять мне, потому что надо мной, как дамоклов меч, висит смертный приговор. Есть среди мятежников еще несколько человек, которые меня знают. Я в любое время могу пробраться в их лагерь и не сомневаюсь, что они примут меня как своего...

– Хочешь оказать мне еще одну услугу?

– Прости, брат, но на этот раз не столько тебе, сколько самому претору. Я надеюсь, он не будет против того, чтобы как можно скорее разделаться с мятежниками. Со своей стороны, я рассчитываю получить от него помилование...

– Помилование? Ты думаешь, что претор помилует Гадея, злодея, на совести которого столько грабежей и убийств?

– У него не будет другого выхода, уверяю тебя...

– А обо мне ты подумал? Каково будет мне, доброму квириту, признать, что я разыскал, наконец, своего родного братца, соединившего в одном лице злодея-разбойника Гадея в Сицилии и проклятого в Риме предателя-центуриона Гая Тициния, открыто перешедшего на сторону Югурты...

– погоди, постой, брат! Я вовсе не хочу называть претору своего настоящего имени... напротив, я уже придумал для себя благозвучное италийское имя, которое буду носить после того, как стану добропорядочным сицилийцем. Никто и не вспомнит, что под этим новым именем скрывается Гадей или Гай Тициний. С прошлым будет покончено, уверяю тебя...

– От меня-то что требуется?

– Тебя я прошу быть посредником в этом деле.

– Уж не знаю, как отнесется претор к твоему предложению...

– Посмотрим, что он скажет, когда убедится, что лагерь Вария ему не по зубам...

– Я не отказываю тебе в своем содействии... но все это следует хорошенько обдумать.

– Конечно, брат! Я вовсе не склонен торопить события. Пусть претор сам решает, что для него полезно...

– Когда и где мы еще встретимся?

– На полпути между Триокалой и Алларой находится заезжий двор. Хозяина зовут Фокион. Послезавтра я жду тебя там...

– Хорошо, договорились...

– До встречи, брат! Пусть боги тебя охраняют...

Простившись друг с другом, братья поплыли в разные стороны.

Глава пятая

Поход Нервы. – Происки Гадея и Магона. – Бойня

К полудню следующего дня к Термам Селинунта подошел претор со своим отрядом.

Около шестисот пятидесяти пар солдатских башмаков поднимали пыль с дороги, которая от Терм Селинунта круто поворачивала на север, в сторону Триокалы. Претор решил двигаться к укрепленному лагерю повстанцев не останавливаясь. Он рассчитывал уже на следующий день сделать попытку взять его приступом и разом покончить с мятежом.

Тициний со своими тридцатью всадниками выехал из Терм навстречу Нерве и сообщил ему, что, по слухам, бунтовщики запаслись большим количеством съестных припасов, добытых ими в окрестностях Триокалы, и это позволит им выдержать долгую осаду. В ответ претор раздраженно заметил, что не намерен сидеть возле их лагеря более трех дней и возьмет его приступом, даже если для этого ему придется пожертвовать половиной своих солдат.

Тициний не стал его переубеждать. Еще утром он встретился с братом в заезжем дворе Фокиона. Тот рассказал, что Магон успел во второй раз побывать в лагере Вария. Финикиец донес, что мятежников около пятисот человек и все они полны решимости умереть, но не сдаваться врагам.

Вечером Нерва подошел к горе, занятой неприятелем, и, выслав дозоры, приказал солдатам ставить палатки и окапывать лагерь.

На рассвете нового дня претор попытался с ходу овладеть укреплением восставших, но приступ был легко отбит. Повстанцы забросали солдат, наступавших вверх по отлогому склону, камнями и самодельными дротиками с каменными наконечниками. Солдаты отступили в беспорядке. Десять человек из них были убиты и многие ранены.

Но Нерва, считая, что сицилийцы и греческие наемники действовали недостаточно решительно, снова погнал их всех в бой, оставив в резерве три римские центурии.

На этот раз солдаты под ураганным дождем камней, летевших с вершины горы, подступили почти к самому частоколу вражеского лагеря. Но все было напрасно. Беглые рабы, действуя кольями и рогатинами, выскочили на вал и сбили врагов с крутизны, вновь отстояв свой лагерь. Подобрав раненых и убитых, солдаты отошли, ропща на бунтовщиков и римского претора, заставившего их штурмовать это неприступное место. Потери осаждающих в этот день составили двадцать восемь человек убитыми и полсотни ранеными.

Нерва поздно вечером созвал в свою палатку всех командиров и в ответ на их заявления, что позиция, выбранная мятежниками, совершенно неприступна, упрямо твердил, что с мятежом необходимо покончить одним решительным ударом, иначе восстания начнутся повсеместно.

– Я преподам рабам такой урок, что все они будут дрожать только от одного моего имени, – грозился он, едва сдерживая закипавшую в нем ярость. – Только страхом я выбью из дерзких голов всякую мысль о мятеже.

– Дней через пять-шесть из Анкиры придут баллисты, – напомнил Нерве его советник и друг сенатор Тит Винний Альбинован. – Они разобьют ядрами частокол. Тогда-то мы без труда овладеем лагерем этого сброда...

– Через пять-шесть дней? – вскричал Нерва, топнув ногой. – И слышать не хочу об этом! У меня под началом более тысячи вооруженных до зубов бездельников! Для чего я их собрал? Жевать мой хлеб? Пусть трупами усеют эту проклятую гору, но чтобы завтра же эта горстка негодяев была изрублена в куски!..

Тициний, слушая претора, решил, что настала пора действовать.

Когда Нерва распустил военный совет, Тициний попросил у него разрешения остаться, чтобы поговорить с глазу на глаз.

– О чем разговор? – хмуро спросил претор, оставшись наедине с трибуном.

– Ты когда-нибудь слышал о разбойнике Гадее?

– Да, мой предшественник, покидая провинцию, сообщил мне, что заочно приговорил к смерти этого головореза. Но почему ты спрашиваешь?

У Тициния уже была заготовлена для претора правдоподобная история о его «случайном» знакомстве с разбойником.

– Позавчера я купался в море у Терм Селинунтских, – начал он рассказывать. – Ко мне подошел человек, поначалу представившийся торговец из Триокалы, которого по пути в Гераклею ограбили мятежники. Затем он повел разговор о том, что бунтовщики хорошо укрепились на горе с очень крутыми склонами, запаслись большим количеством съестных припасов и претору... то есть тебе, придется потратить много времени, прежде чем голод заставит их сдаться. Я ответил ему, что он запоздал со своим сообщением, так как мне уже все хорошо известно. Тогда он заговорил со мной без обиняков и представился не кем иным, как Гадеем. Пока я, оторопевший от столь неожиданного признания, с изумлением таращил на него глаза, Гадей заявил, что при его содействии с мятежом можно покончить в течение двух или трех дней...

– Вот как! И что он предлагает? – быстро спросил Нерва.

– Гадей хорошо знаком с Варием, предводителем бунтовщиков. Он начнет с ним переговоры, убеждая, что готов вместе со своими людьми присоединиться к восстанию. Гадей не сомневается в том, что мятежники ни в чем его не заподозрят, так как все знают, что над ним тяготеет смертный приговор. Он хочет пробраться к рабам в лагерь и в одну из ночей, сняв часовых, подать нам условленный сигнал. Остальное довершат мечи и копья твоих солдат...

– Это было бы превосходно! – вырвалось у претора.

– Но взамен он хочет, чтобы ты отменил вынесенный ему смертный приговор и объявил о полном прощении его прошлых преступлений.

Нерва почесал в затылке.

– Хорошенькое дело! Помиловать злодея, на совести которого столько погубленных жизней добропорядочных сицилийцев! Что обо мне будут говорить в провинции и в самом Риме?

– Если он поможет нам справиться с мятежом, его услуга будет того стоить.

– А не лучше ли заманить негодяя на переговоры, а потом отослать его голову тому сицилийцу, который обещал за нее два аттических таланта? А что? И мне будет пожива, да и тебе я помогу расплатиться с долгами. Я ведь знаю, что ты очень задолжал сиракузскому меняле Евсевию.

– Не пойму тебя... Разве два таланта равноценны уничтожению мятежа? – смутился Тициний, встревоженно взглянув на претора.

– Я пошутил... Ты, конечно, прав, и, возможно, я соглашусь на сговор с Гадеем. Скажи этому разбойнику, что как только мы с его помощью управимся с этим делом, я напишу указ о помиловании.

– Но Гадей поставил условием, что ты сначала дашь ему официальную клятву в том, что он будет прощен.

– Эта собака еще смеет ставить мне условия? – побагровел от гнева претор. – Ну, хорошо, – вдруг успокоившись, сказал он, – веди его ко мне. Но ты должен принять все необходимые меры на случай, если негодяй вздумает нас обмануть... Головой отвечаешь!

* * *

На следующий день свершилось: римский претор Публий Лициний Нерва дал официальную клятву явившемуся к нему сицилийскому разбойнику Гадею, что тот будет прощен за оказанную римской республике важную услугу в деле ликвидации рабского мятежа. Разумеется, Гадей утаил, что он еще является тем самым центурионом примипилов Гаем Тицинием, пре-

давшим римлян под Сутулом, где он, подкупленный Югуртой, впустил нумидийцев в лагерь Авла Постумия Бестии, после чего римский командующий вынужден был капитулировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.